ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

В. ГЛАДСТОНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. Каменскаго

Съ портретомъ Гладстона, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИПОГР. ВЫСОЧ. УТВ. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Бол. Подъяческая, 39.

1892

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВ

Литература, исторія, законовѣдѣніе и пр.

Голодъ. Психологич. романъ. *К. Гамсуна.* Переводъ съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ) 1 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Карлейля. Пер. *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. *Каменскаго.* Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos.* Перев. *В. Рапцовъ.* Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами* 2-е изданіе. Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). *Бутса.* Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перепл. 1 р.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томн. (5 переплетовъ) 1 р. и 2 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина", 44 иллюстраціи. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина", Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ въ 4-хъ томахъ. Цѣна одна и та-же 1 рубль. Переплеты: для 1-томнаго 40 к. и 1 р., для 4-хъ т. (2 пер.) 50 к. и 1 рубль.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художествен. альбомъ *М. Малышева.* Цѣна въ папкѣ 50 к.

Исторія книги на Руси. *Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова.* Ц. 1 р.

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* Ц. 35 к.

Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1891 г.) *Григоровича.* Съ 58 портр. 6-е изд. Ц. 2

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. *Цвѣткова.* Съ 72 портр. Ц.

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ томах. Съ портретомъ автора и статьей *Н. Михайловскаго.* Ц. за оба тома 3 р., въ пер. 4

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Четыре тома. Цѣна каждаго—1 руб. Переплетъ 2 томовъ вмѣстѣ по 50 к.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890 гг.) *А. М. Скабичевскаго.* Цѣна 2

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ 2 большихъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей *К. Михайловскаго.* Цѣна за два тома—3

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе очерки и литературныя характеристики. Съ портр. Цѣна за все собраніе въ 2 том. 3

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ 2 большихъ томахъ, съ портрет. автора. Ц. 2 р. 50 к.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ *Тургенева.* Ц. 15 к.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Норду.* Перев. съ 4-го нѣм. изд. *Э. Зазург.* 3-е изд. Ц. 1 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца.* Ц. 75 к.

Больная любовь. Гигіеническій романъ. *П. Мантегацца.* Изд. 2-е Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа.* Цѣна 7

Очерки самоуправленія—земскаго, городского и сельскаго. *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Статьи. *И. Тимощенкова.* Ц. 1 р. 5 к.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Цѣна 1 р.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *Т. Горской,* подъ ред. *Я. Абрамова.* Цѣна 15 к.

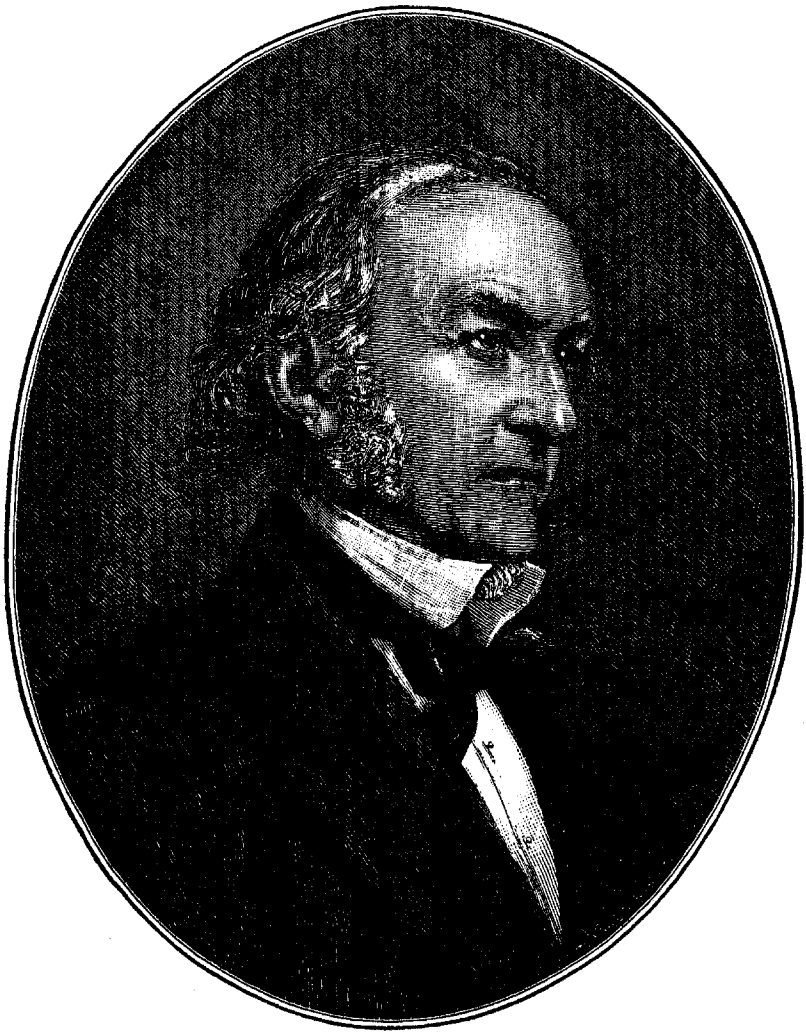
Законы о гражданскихъ договорахъ. Составилъ *Фармаковскій.* Ц. 1 р. 25 к.

Въ небесахъ. Астрономическій романъ К. *Фламмаріона.* Съ рисун. 2-е изд. Ц. 75

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к.—**Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., 3 к.—**Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к.—**Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к. **Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт.,ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.**—Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 к., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт., ц. 20 к. — **Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ много. карт., п. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к.—**Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

дозв. ценз. спб. 8 іюня 1892 г. тип. тов. „общ. польза" б. подъяч., 39

Гладстонъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

В. Э. ГЛАДСТОНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. Каменскаго.

Съ портретомъ Гладстона, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Іюня 1892 года.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
7360а-0

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Раннее дѣтство	5
II.	Школьные годы	10
III.	Въ университетѣ	19
IV.	Въ парламентѣ	27
V.	Переходный періодъ	38
VI.	Крымская война	45
VII.	Не у дѣлъ	52
VIII.	Финансовые тріумфы	56
IX.	Гладстонъ и клерикалы	61
X.	Геройское законодательство	65
XI.	Русско-Турецкая война и второе министерство Гладстона	73
XII.	Личность Гладстона	80

Главнѣйшіе источники:

1) *George Barnett Smith.* The Life of the Right Hon. W. E. Gladstone M. P. etc London 1890.

2) *George W. E. Russell.* The Right Hon. W. E. Gladstone. London. 1891.

3) *Lewis Apjohn.* William Ewart Gladstone. His Life & Times. London 1880.

4) *J. B. Richards.* Gladstone's Schooldays Temple Bar 1883.

5) Earl Russell's Recollections and Suggestions. London.

6) Justin Mac Carthy's History of Our Own Time. London 1889.

7) Сочиненія и рѣчи самого Гладстона.

8) The «Eton Miscellany». Eton 1827.

9) *F. H. Hill.* Political Portraits. London 1873.

10) *K. H. Hutton.* Studies in Parliament. London.

I.

Раннее дѣтство.

Гладстонъ и Бисмаркъ—два самыхъ крупныхъ государственныхъ человѣка нашего столѣтія. И хотя оба они принадлежатъ къ одному и тому же поколѣнію — первый родился въ 1809 г., а второй въ 1815 г.—но олицетворяютъ собою два совершенно различныхъ теченія. Въ то время какъ послѣдній и родился и дѣйствовалъ и, можно сказать, уже сошелъ со сцены узко-нѣмецкимъ аристократомъ и шовинистомъ,—первый и по происхожденію, и по складу ума и по самому своему политическому призванію представляетъ прогрессивную часть англійскаго средняго класса и всесвѣтное стремленіе 19-го вѣка къ личной свободѣ и равноправности. Прослѣдить жизнь и дѣятельность Гладстона съ начала до конца—значитъ изучать исторію прогрессивнаго движенія въ англійской государственной жизни по крайней мѣрѣ за послѣднія 60 лѣтъ, такъ какъ онъ вступилъ въ парламентъ въ 1832 г. и до сихъ поръ еще продолжаетъ стоять во главѣ либеральной партіи и даже отчасти англійской демократіи.

Хотя Вильямъ Эвартъ Гладстонъ и явился на свѣтъ въ купеческой семьѣ въ самомъ центрѣ Англіи — Ливерпулѣ, но въ жилахъ его все-таки течетъ чисто шотландская кровь, и ни англійское воспитаніе, ни школа не изгладили изъ его характера нѣкоторыхъ совсѣмъ не англійскихъ чертъ, которыми его противники любятъ объяснять отсутствіе въ немъ узко національнаго патріотизма. Его предки были прежде рыцарями короля Эдуарда I (въ 13-мъ стол.) и жили въ своемъ имѣніи въ Ланаркширѣ по имени Глэдстейнсъ—Ястребиныя скалы, — отъ котораго и заимствовали свое измѣнившееся потомъ имя. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились: родъ обѣднѣлъ, имѣніе было продано, и прадѣдъ нынѣшняго Гладстона уже занимался торговлею солодомъ въ одномъ

шотландскомъ городкѣ, а дѣдъ его, Томасъ Гладстонъ, переѣхалъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ портъ Лейтъ и тамъ велъ довольно обширную торговлю хлѣбомъ, нажилъ состояніе и умирая одѣлилъ 16 человѣкъ своихъ дѣтей приличнымъ наслѣдствомъ.

Старшій сынъ его Джонъ, отецъ Вильяма, вмѣстѣ съ доброй долей состоянія унаслѣдовалъ отъ отца и его характеръ,—въ высшей степени дѣятельный, предпріимчивый и рѣшительный, а также хорошо посаженную голову. Вообще это былъ далеко не дюжинный человѣкъ. Еще въ раннемъ возрастѣ онъ началъ принимать участіе въ торговыхъ дѣлахъ отца и, пріѣхавши разъ въ Ливерпуль продавать хлѣбъ, встрѣтился тамъ съ нѣкіимъ купцомъ Корри и произвелъ на него такое благопріятное впечатлѣніе, что тотъ предложилъ ему вступить съ собою въ компанію; предложеніе было принято и Джонъ Гладстонъ, отдѣлившись отъ отца, переселился въ Ливерпуль и сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ крупныхъ коммерческихъ воротилъ главнаго антлантическаго порта Англіи. Онъ велъ обширную торговлю съ Россіею и Вестъ-Индіею, гдѣ у него были свои плантаціи сахарнаго тростнику, обработывавшіяся неграми-рабами,—обстоятельство, которое чуть было не испортило политической карьеры его сына въ самомъ ея началѣ. А когда была уничтожена монополія Остъ-Индской компаніи, и въ Индію былъ открытъ свободный доступъ всѣмъ частнымъ судамъ, фирма Джона Гладстона была одна изъ первыхъ, воспользовавшихся этимъ новымъ торговымъ рынкомъ, и начала посылать свои грузы въ Калькутту.

Но не въ одной коммерціи пользовался вѣсомъ отецъ Гладстона. Отчасти по необходимости, а больше по естественной склонности онъ принималъ дѣятельное участіе въ политическихъ событіяхъ начала текущаго столѣтія. Громадная стоимость войнъ съ Наполеономъ, а еще больше «континентальная система» узурпатора, объявившаго не только блокаду всѣхъ англійскихъ портовъ, но и войну всѣмъ судамъ, заходящимъ въ англійскіе порты, — сдѣлали то, что торговля Ливерпуля въ одинъ годъ уменьшилась на цѣлую четверть своихъ оборотовъ. При такихъ обстоятельствахъ очень естественно, что не было ни одного политическаго вопроса, касавшагося Ливерпуля, въ которомъ Дж. Гладстонъ не принималъ бы дѣятельнаго участія.

Кромѣ того отецъ Гладстона въ теченіе 9 лѣтъ (съ 1819 г. до 1827 г.) былъ членомъ парламента отъ разныхъ округовъ, но не отъ Ливерпуля, который онъ считалъ слишкомъ важнымъ центромъ, чтобы его могъ представлять такой аматеръ въ политикѣ какъ онъ.

Въ началѣ Джонъ Гладстонъ въ политикѣ былъ вигомъ, т. е. стоялъ за умѣренную реформу во внутреннихъ дѣлахъ и за поддержаніе Англіею всѣхъ угнетенныхъ народовъ во внѣшней политикѣ; но подъ старость сдѣлался, что называлось тогда либеральнымъ консерваторомъ, и дѣятельно поддерживалъ въ Ливерпулѣ кандидатуру тогдашняго вождя этой небольшой партіи—Каннинга. Этотъ талантливый министръ по всей видимости стоялъ съ Гладстономъ-отцомъ въ очень близкихъ отношеніяхъ; пріѣзжая въ Ливерпуль, всегда останавливался у него, былъ въ домѣ почетнымъ гостемъ и имѣлъ вліяніе на образъ мыслей не только отца, но—въ ранней его молодости—и на Вильяма. Когда происходили первые выборы Каннинга въ Ливерпулѣ въ 1812 г., мальчику было всего три года, и есть біографы, которые утверждаютъ, что его политическое воспитаніе началось уже съ этого возраста. Отецъ вмѣстѣ съ Каннингомъ стоялъ противъ реформы избирательныхъ правъ 1832 г., потому что «она идетъ уже слишкомъ далеко», что «на вліяніе собственности обращается слишкомъ мало вниманія», что «цензъ долженъ измѣняться при различныхъ обстоятельствахъ» и т. д. Съ другой стороны въ вопросахъ иностранной политики они оба агитировали, писали и говорили въ пользу угнетенныхъ народностей, какъ Грецію, Южно-Американскія республики и т. п.

Въ домѣ отца дѣти привыкли произносить имя Каннинга съ особеннымъ уваженіемъ, видѣть въ немъ самомъ образецъ высшей мудрости, достойной всякаго подражанія; для нихъ это было свѣтило, которымъ отъ времени до времени освѣщался ихъ семейный бытъ. Вотъ почему позднѣе мы увидимъ, что политическая карьера Вильяма Гладстона началась какъ разъ отъ этой же самой точки зрѣнія на политику; а нѣкоторыя черты Каннинга остались въ Вильямѣ Гладстонѣ и до сихъ поръ.

Самъ Гладстонъ пишетъ о своемъ отцѣ — «даже подъ старость его глаза никогда не были тусклы, никогда не было замѣтно въ немъ упадка физическихъ силъ; онъ былъ полонъ умственной и тѣлесной силы. Что бы ни приходилось ему дѣлать, онъ всегда дѣлалъ это изо всей силы. Онъ никогда не могъ понять тѣхъ, которые, видя передъ собой какое-нибудь хорошее дѣло, не принимаются за него тотчасъ же самымъ дѣятельнымъ образомъ; и со всей этой энергіей въ немъ соединялась соотвѣтствующая теплота, такъ сказать жажда привязанности; чуткое пониманіе юмора, въ которомъ онъ находилъ свой отдыхъ, и необыкновенная открытость и простота характера, которыя, покрывая всѣ другія его качества, сдѣлали его для меня (совер-

шенно помимо моихъ родственныхъ отношеній къ нему), кажется, самымъ интереснымъ старикомъ, какого я когда-нибудь встрѣчалъ».

Въ домашнемъ быту это былъ человѣкъ въ высшей степени общительный, разговорчивый, какъ онъ самъ любилъ, такъ и дѣтей училъ все подвергать всестороннему обсужденію, обо всемъ вести длинные дебаты, — все равно, будетъ ли это вопросъ о завтрашней погодѣ, о томъ, гдѣ повѣсить картину, слѣдуетъ ли убивать осъ, или самые сложные вопросы политики и финансовъ. Разсказываютъ напр. такой случай, что нужно было вбить гвоздь въ стѣну, чтобы повѣсить какую то новую картину. Призвали слугу съ лѣстницей и молоткомъ вбивать гвоздь, но куда? вотъ вопросъ: мистеръ Вилли желаетъ въ одну стѣну, а миссъ Мэри — въ другую, начинается споръ и тянется довольно долго; наконецъ мнѣніе миссъ Мэри беретъ верхъ, вопросъ рѣшенъ и гвоздь вбитъ. Но теперь уже слуга приставляетъ лѣстницу къ противоположной стѣнѣ и вбиваетъ въ нее другой гвоздь, а когда его спросили, затѣмъ онъ это сдѣлалъ, то тотъ отвѣчаетъ совершенно серьезно, —«а на тотъ случай, миссъ,—если черезъ нѣсколько времени возьметъ верхъ мнѣніе мистера Вилли».

Вообще въ такихъ дебатахъ особеннымъ искусствомъ съ малыхъ лѣтъ отличался тотъ же мистеръ Вилли или Вильямъ, причемъ отецъ всегда говорилъ: «Такъ, такъ, Вилли, хорошо сказано, ловко выражено!» Вотъ гдѣ было заложено основаніе діалектическимъ талантамъ будущаго парламентскаго оратора. Впрочемъ вліяніе дѣятельнаго отца на него выражалось далеко не въ одномъ этомъ: онъ въ избыткѣ надѣлилъ его своею привычкою къ труду и замѣчательною выдержкою въ достиженіи практическихъ цѣлей. Одинъ разъ, будучи еще мальчикомъ, Вильямъ вмѣстѣ съ товарищами въ имѣніи отца занимался стрѣльбою изъ лука. Уже вечерѣло, а нужно было собрать всѣ разстрѣлянныя стрѣлы. Всѣ были собраны кромѣ одной, которой Вильямъ никакъ не могъ найти, несмотря на всѣ свои усилія, далеко за сумерки: всѣ видѣли, гдѣ она упала, но найти не могли. На другое утро онъ всталъ раньше всѣхъ и послѣ двухчасовыхъ поисковъ съ тріумфомъ принесъ стрѣлу домой, говоря: «Я былъ увѣренъ, что найду ее, если примусь за дѣло, какъ слѣдуетъ, но вчера это мнѣ казалось слишкомъ долго, ну и не находилъ; а вотъ сегодня принялся—и нашелъ!»—«Молодецъ, Вилли, вотъ это такъ!» сказалъ слышавшій это отецъ. «Всякое дѣло», говаривалъ онъ часто дѣтямъ,—«разъ оно начато, необходимо доводить до конца, худо ли, хорошо ли оно, его надо окончить: если хорошо—для соб-

ственнаго удовольствія видѣть его сдѣланнымъ, а если дурно — чтобы не начинать въ другой разъ».

И вотъ результаты такой закалки: когда Вильямъ Гладстонъ былъ въ гимназіи пансіонеромъ, онъ имѣлъ обыкновеніе ходить гулять за 8 миль, и никогда не возвращался назадъ, не пройдя по крайней мѣрѣ половины дороги, какова бы ни была погода, часто въ дождь, снѣгъ и вѣтеръ, и по тогдашнимъ школьнымъ правиламъ— безъ зонтика или плаща. Или другой примѣръ: съ самой юности и до глубокой старости Гладстонъ отъ 10 ч. утра и до 2-хъ послѣ обѣда всегда занимался своими книгами, и за все это время никто никогда не видалъ его въ эти часы незанятымъ, исключая развѣ путешествій или нездоровья.

Такая трудовая выработка вмѣстѣ со скрупулезною точностью и аккуратностью во всемъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, тѣмъ болѣе замѣчательна, что у него она была исключительно дѣломъ воспитанія, а не необходимости, такъ какъ онъ во всю свою жизнь никогда не зналъ нужды. Это та самая выработка, которая въ англійскомъ среднемъ классѣ составляетъ его силу, устойчивость и даже до нѣкоторой степени даетъ ему вліяніе на другіе слои общества.

Съ другой стороны эта выработка не могла не повліять вообще на складъ характера въ мальчикѣ, на его настойчивость, на вѣру въ себя, на нравственную склонность, съ которой онъ въ зрѣлые годы приступалъ къ выполненію самыхъ трудныхъ и сложныхъ задачъ—и почти всегда достигалъ ихъ; наконецъ—на ту стойкость характера и мнѣнія, которая предохраняла его отъ подчиненія общему теченію въ моменты реакціи и усталости, охватывавшія по временамъ его современниковъ послѣ ряда, по мнѣнію однихъ, слишкомъ смѣлыхъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ—даже революціонныхъ новшествъ его управленія. Онъ предпочиталъ въ такихъ случаяхъ совсѣмъ удаляться отъ дѣлъ, погружаться въ своего Гомера, въ теологію, но не отказывался отъ своихъ задачъ впредь до болѣе удобнаго случая. И этотъ случай всегда представлялся.

Аристократическіе враги Гладстона очень любятъ дѣлать ѣдкіе намеки на счетъ его купеческаго происхожденія. Но самъ онъ хорошо знаетъ цѣну ему и всегда съ гордостью говоритъ о тѣхъ людяхъ, которые «сами вырѣзываютъ себѣ мѣсто на жизненномъ поприщѣ». И что касается до его предковъ, то нужно согласиться, что успѣхъ въ жизни здѣсь зависѣлъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ поколѣніяхъ прежде всего отъ выдающейся энергіи и самодѣятель-

ности, а не отъ благоволенія сильныхъ міра сего, наслѣдія отцовъ или сдѣлокъ съ совѣстью.

Про мать Вильяма, урожденную Анну Робертсонъ, у знавшихъ ее сохранились очень лестныя воспоминанія. Происходя изъ очень видной семьи шотландскихъ горцевъ и сохранивъ въ себѣ основныя черты ихъ пылкаго и впечатлительнаго характера, она соединяла ихъ въ себѣ съ недюжиннымъ умомъ, очень порядочнымъ образованіемъ и замѣчательнымъ тактомъ. Ей то Вильямъ, вѣроятно, и обязанъ своимъ огнемъ, необыкновеннымъ воображеніемъ и чуткостью ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ, которые во всю его длинную жизнь составляли потомъ такое важное подспорье къ его замѣчательному политическому чутью.

Вотъ тѣ черты сложнаго характера Гладстона, которыя онъ получилъ или унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей и отъ родительскаго дома въ родной странѣ, въ Ливерпулѣ.

Но не менѣе важную роль въ формировкѣ этого характера играла школа и его собственный опытъ.

II.

Школьные годы.

Какъ только отецъ замѣтилъ въ Вильямѣ выдающіяся умственныя способности, было рѣшено послать его въ Итонскую школу. По тогдашнему, это была самая извѣстная и аристократическая классическая школа, откуда выходила большая часть англійскихъ политическихъ дѣятелей, юристовъ и прелатовъ. Какъ и большая часть англичанъ его класса онъ не вѣрилъ въ домашнее воспитаніе. Помимо того, что самъ онъ, какъ человѣкъ занятой, не могъ посвящать дѣтямъ много времени, онъ считалъ семейную обстановку, комфортъ, нѣжныя заботы матери, обиліе прислуги и невольную праздность въ родительскомъ домѣ далеко не самыми лучшими условіями для выработки самостоятельнаго и выдержаннаго характера въ своихъ дѣтяхъ,—былъ въ этомъ конечно совершенно правъ: плохіе изъ насъ будутъ выходить граждане, если мы даже въ ранней юности не съумѣемъ, отрѣшившись отъ всѣхъ породившихъ насъ сословныхъ рамокъ, быть просто «людьми» или хотя-бы «школярами».

Какъ-бы то ни было, до 12 лѣтъ мальчикъ жилъ дома, и его первоначальнымъ обученіемъ занимался сначала мѣстный священ-

никъ, а потомъ дьяконъ, причемъ послѣдній составилъ себѣ очень нелестное мнѣніе о математическихъ дарованіяхъ будущаго перваго финансиста Англіи. Но въ 1821 году его послали въ Итонъ, недалеко отъ Виндзорскаго замка и въ 30 миляхъ отъ Лондона; тамъ въ это время уже учились его два старшихъ брата. Благодаря своимъ хорошимъ способностямъ и порядочной подготовкѣ, онъ сразу попалъ въ первый классъ высшаго отдѣленія, совершенно избѣгнувъ трехъ классовъ низшаго, что при тогдашнемъ крайне жалкомъ состояніи учебной стороны школы было не малымъ счастіемъ, потому что на маленькихъ школяровъ не обращалось уже почти никакого вниманія.

Порядки этой школы, несмотря на ея аристократизмъ и близость двора, были самые дореформенные. Начать съ того, что учились тамъ, даже въ высшихъ классахъ, очень мало—часа по $2^1/_2$ въ день, да и то не каждый день: кромѣ воскресенья въ недѣлю полагался одинъ полный праздникъ и два полупраздника, такъ что въ общей сложности класснымъ занятіямъ посвящалось ни больше, ни меньше какъ $11^1/_2$ часовъ въ недѣлю. Да и ученье то состояло почти исключительно въ чтеніи нѣсколькихъ (далеко не всѣхъ) римскихъ авторовъ, греческой библіи, да въ писаніи латинскихъ и греческихъ виршъ. Даже ариѳметика въ объемѣ первыхъ четырехъ правилъ преподавалась только въ низшихъ классахъ, такъ что итонскіе юноши по окончаніи курса часто являлись въ аудиторіи спеціально математическаго Кэмбриджскаго университета, зная не больше четырехъ правилъ ариѳметики. А когда въ 1845 году въ Итонъ пріѣхалъ настоящій учитель математики, то ему позволено было обучать высшіе классы только подъ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ ежегодно платить м-ру Гекстеру, прежнему преподавателю четырехъ правилъ по 2000 рублей якобы въ вознагражденіе за нарушеніе его правъ на исключительное преподаваніе этой науки. Ни переходныхъ экзаменовъ, ни наградъ за успѣхи, никакихъ другихъ поощреній не было, такъ что передвиженіе школяровъ изъ класса въ классъ дѣлалось не по успѣхамъ, а по выслугѣ лѣтъ. А то было 70 человѣкъ «королевскихъ учениковъ», такъ эти и при поступленіи въ Оксфордскій университетъ не должны были держать никакого экзамена. Естественно, что при такихъ порядкахъ всѣ школяры дѣлились на два разряда: работавшихъ по собственной охотѣ, природныхъ талантовъ,—и ничего не дѣлающихъ спортсменовъ, атлетовъ или жуировъ, слава о подвигахъ которыхъ гремѣла въ лѣтописяхъ школы много лѣтъ послѣ ихъ выхода изъ нея.

Жили школяры на частныхъ квартирахъ или, лучше сказать, въ частныхъ пансіонахъ по нѣскольку вмѣстѣ. Правда, каждый такой пансіонъ поручался надзору особыхъ туторовъ, на обязанности которыхъ лежало смотрѣть за занятіями и соблюденіемъ порядка школярами; были установлены извѣстныя общія правила, когда всѣ они во всѣхъ пансіонахъ должны вставать, ложиться, быть дома, тушить огни, идти въ церковь и т. д., а за несоблюденіе этихъ правилъ наказывали, т. е. по просту пороли.

Но если принять во вниманіе, что и среди туторовъ типъ спортсмена, театрала и т. п. былъ вовсе нерѣдкостью, то не трудно себѣ представить, что ученики старшихъ классовъ нерѣдко разъѣзжали изъ школы по скачкамъ, кулачнымъ и пѣтушинымъ боямъ и другимъ достопримѣчательнымъ аристократическимъ учрежденіямъ того времени безъ особенныхъ препятствій со стороны начальства.

Зато если какой-нибудь школяръ попадался главѣ школы д-ру Киту на улицѣ и, опасаясь встрѣчи лицомъ къ лицу съ высшимъ начальствомъ, шмыгалъ въ лавку или двери какого-нибудь дома, это считалось крупнымъ проступкомъ и неизбѣжно вело къ поркѣ, безъ различія возраста и происхожденія. А то разъ былъ изданъ грозный приказъ: «Если увижу кого-нибудь съ фоліантомъ подъ мышкой—выпорю»! Объяснялся-же этотъ лаконическій указъ слѣдующимъ образомъ: съ нѣкоторыхъ греческихъ словарей были собраны переплеты и изъ нихъ подѣланы такъ называвшіеся «percepts» или вмѣстилища, въ которыхъ помѣщалось «только» три бутылки средней величины. Дѣло было въ томъ, что какъ разъ напротивъ того дома, гдѣ жилъ Гладстонъ и его братья, находился знаменитый въ лѣтописяхъ Итонской школы «Христофоровъ Постоялый Дворъ». Тутъ останавливался почтовый дилижансъ изъ Лондона; сюда направлялись всѣ письма и посылки для школяровъ, здѣсь скорѣе всего можно было увидѣть послѣднюю газету и узнать свѣжѣйшія новости; тутъ-же собирались каждую среду окрестные крестьяне и фермеры на базаръ въ Итонѣ,—словомъ, это былъ своего рода клубъ, почтамтъ и центръ всей мѣстной гласности за неимѣніемъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни другихъ благъ просвѣщенія; время тогда было глухое, старое. Изъ оконъ ближайшихъ пансіоновъ, кто хотѣлъ, могъ хоть по цѣлымъ часамъ наблюдать нравы и житейскія сцены у кабака и на базарѣ. Поэтому не мудрено, что у школяровъ чаще, чѣмъ слѣдовало, являлась нужда справляться о своихъ письмахъ, посылкахъ и т. п.

Но картина все-таки еще не полна безъ системы *фаговъ*. Въ тѣ

времена, да отчасти еще и до сихъ поръ, каждый школяръ 5-го и 6-го классовъ (послѣднихъ двухъ классовъ гимназіи) имѣлъ право на услуги фага, т. е. одного изъ учениковъ младшихъ классовъ, и не только во время уроковъ, но и на квартирѣ дома, гдѣ часть пищи воспитанники должны были покупать себѣ сами. Эти фаги подъ страхомъ побоевъ должны были безпрекословно повиноваться приказаніямъ старшаго. Кромѣ чистки сапогъ и кухонной стряпни всѣ мелкія обязанности слугъ исполнялись фагами: они бѣгали для своихъ старшихъ въ лавочки припасти имъ обѣды, убирали посуду, ходили съ записками къ ихъ товарищамъ, сопровождали ихъ во время разныхъ увеселительныхъ экскурсій и т. д. Очевидно также, что и директорскій указъ насчетъ ношенія фоліантовъ подъ мышкой также относился прежде всего къ фагамъ, которымъ послѣ его изданія приходилось быть тѣмъ ловчѣе, что нужно было избѣгать съ одной стороны директорской порки, а съ другой «хозяйской» встрепки. Трудно себѣ представить болѣе отвратительный школьный обычай чѣмъ эти фаги; основанный на чистомъ правѣ сильнаго онъ дѣлалъ изъ старшихъ тирановъ, а изъ фаговъ—рабовъ, которые по достиженіи 6-го класса сами становились тиранами и на своихъ фагахъ вымѣщали, что самимъ прежде пришлось выстрадать. И это называлось «закаливаніемъ» молодого поколѣнія. А между тѣмъ бывали случаи положительной жестокости и увѣчій съ этими фагами, и матери, отдавая своихъ дѣтей въ школы, боялись фагства не меньше всякихъ смертельныхъ болѣзней. Одинъ разъ напр. недозрѣлые аристократики старшихъ классовъ, отправляясь въ телѣжкѣ на какіе-то, кажется, пѣтушьи бои, прихватили съ собою конечно фага для услугъ. Дорогой лошадь закусила удила и понесла (вѣроятно тоже отъ слишкомъ нѣжнаго обращенія ѣздоковъ); тогда фагу было приказано взобраться на скачущую во весь духъ лошадь и «посмотрѣть, что тамъ такое съ удилами». Дѣлать нечего, мальчикъ долженъ былъ повиноваться и успѣшно исполнилъ порученіе, поплатившись только вывихнутой рукой. Два дня Вильяму Гладстону вмѣстѣ съ товарищами пришлось въ качествѣ сострадательныхъ самаритянъ ухаживать за пострадавшимъ, пока наконецъ не убѣдились, что дѣло серьезное и не позвали доктора, который и вправилъ руку.

Къ счастью Вильяма Гладстона ему фагомъ быть не пришлось, такъ какъ при его поступленіи въ школу тамъ были его старшіе братья, къ которымъ подъ начало онъ и попалъ, а они его любили и не обижали. Вѣроятно поэтому-же, когда онъ самъ достигъ стар-

шихъ классовъ, онъ обращался со своимъ фагомъ, однимъ будущимъ мировымъ судьею,—который самъ потомъ свидѣтельствовалъ это,—очень мягко и человѣчно.

Изъ всего сказаннаго читатель въ правѣ заключить, что въ Итонѣ во времена Гладстона учились очень мало, а больше забавлялись. Въ такомъ случаѣ откуда-же брались тѣ политическія и духовныя свѣтила, которыхъ несомнѣнно выпускала эта школа. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что, кто не хотѣлъ, тотъ могъ и ничего не дѣлать, но кто хотѣлъ, тотъ имѣлъ возможность работать сколько угодно, и поощреній къ тому было очень много—только не со стороны начальства, а со стороны общества самихъ товарищей, и въ этомъ заключается характерная особенность англійской школы. Дѣло въ томъ, что при ней всегда существовали такія учрежденія, какъ ученическое общество для дебатовъ или клубъ, любительскій театръ и наконецъ періодическій журналъ, которые всѣ существовали и развивались безъ всякаго участія или вмѣшательства со стороны начальства. Д-ръ Китъ прекрасно понималъ образовательное и воспитательное значеніе этихъ предпріятій и вмѣшивался только въ тѣхъ случаяхъ, какъ бывало иногда съ драматической труппой, когда начинали серьезно страдать обязательныя школьныя занятія. Вообще же эти учрежденія давали возможность не только свободно развиваться природнымъ склонностямъ, талантамъ и творчеству молодыхъ людей, которымъ нѣтъ да и не можетъ быть мѣста въ классной комнатѣ, но и самимъ юношамъ вѣрно выбирать свою будущую дорогу. Недаромъ напр. про ихъ политическій клубъ одинъ извѣстный итонецъ впослѣдствіи выражался такимъ образомъ: «Какъ ни жалко было образованіе итонцевъ, которое давалъ мнѣ д-ръ Китъ, оно много пополнялось взаимнымъ самообразованіемъ другъ друга. Клубные дебаты обращали ихъ вниманіе на исторію, на текущія событія, и молодымъ ораторамъ были извѣстны всѣ напечатанныя рѣчи всѣхъ государственныхъ людей прошлаго столѣтія».

Школьный театръ, имѣвшій свою постоянную сцену, повременамъ возвышался до такого мастерства, что слава его гремѣла далеко за предѣлами Итона. Итонскій-же журналъ, какъ увидимъ дальше, послужилъ многимъ извѣстнымъ людямъ оселкомъ для пробы своихъ литературныхъ силъ, а Вильяму Гладстону помогъ обнаружить и развить свой громадный административный и діалектическій таланты. Но возвратимся къ нему самому.

По воспоминаніямъ очевидцевъ, когда Вильямъ Гладстонъ поступилъ въ школу, это былъ самый красивый мальчикъ, когда-нибудь

бывшій тамъ. Не въ примѣръ прочимъ школярамъ онъ былъ очень опрятенъ, всегда причесанъ и чѣмъ-нибудь занятъ. Товарищи скоро прозвали его на своемъ жаргонѣ «Sap», что значитъ нѣчто близкое къ насмѣшливому пай-мальчикъ, за то что онъ очень усердно училъ свои латинскіе и греческіе уроки и даже въ свободное время ухитрялся заниматься математикой. Серьезный интересъ къ школьной работѣ, какъ онъ самъ разсказываетъ, былъ вызванъ въ немъ похвальнымъ отзывомъ объ его латинскихъ стихахъ одного учителя, сдѣлавшагося впослѣдствіи директоромъ и реформаторомъ школы. Его вирши особенно отличались не своей гладкостью, а содержательностью, благодаря его умѣнью уже тогда владѣть прочитанными авторами; такъ что если въ классѣ встрѣчалось какое-нибудь трудное мѣсто или требовались поясненія изъ другихъ сочиненій—вызывали всегда Гладстона или еще одного ученика.

Въ поведеніи это былъ примѣрно смирный и благочестивый мальчикъ, о которомъ одинъ изъ самыхъ безупречныхъ англійскихъ епископовъ, его товарищъ, говорилъ, что «онъ самъ былъ совсѣмъ лѣнтяемъ, пока не познакомился съ Гладстономъ». Ни въ какихъ проказахъ товарищей Гладстонъ не принималъ участія и даже громко порицалъ ихъ. Былъ напр. у нихъ обычай во время ярмарки въ среду на Масляной крадучись отрѣзывать у свиней хвосты. Гладстонъ воспользовался первымъ случаемъ, когда ему пришлось на годовомъ обѣдѣ говорить рѣчь о событіяхъ года, и возсталъ противъ этого возмутительнаго обычая. Тогда на двери его комнаты въ слѣдующую-же ярмарку былъ повѣшенъ пучекъ свѣженькихъ свиныхъ хвостиковъ, съ надписью въ глупыхъ латинскихъ стихахъ: «Кто любитъ свиней, того любятъ и свиньи» и т. д. Подъ этимъ поэтическимъ обращеніемъ Гладстонъ подписалъ отъ себя: «Авторъ этого приглашается явиться за наградой круглымъ и крупнымъ почеркомъ на его физіономіи»! Однакожь никто не явился, отчасти быть можетъ и потому, что Гладстонъ былъ далеко не послѣднимъ во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, и схватка съ нимъ легко могла окончиться не въ пользу противника.

Бывали также случаи, что онъ, сидя за годовымъ обѣдомъ въ Христофоровомъ обѣденномъ залѣ, перевертывалъ свой стаканъ и наотрѣзъ отказывался пить вино. Спортсменомъ записнымъ онъ также никогда не былъ, хотя иногда любилъ играть въ крикетъ или кататься на лодкѣ по Темзѣ, для чего у него была даже своя лодка; но гораздо большій охотникъ онъ былъ до продолжительныхъ прогулокъ за нѣсколько миль по Виндзорскому парку съ кѣмъ-нибудь

изъ близкихъ друзей, разговаривая при этомъ о литературѣ или исторіи. Въ особенности часто онъ это дѣлалъ съ самымъ близкимъ своимъ другомъ того времени—Артуромъ Галаамомъ, слабымъ, но очень интеллигентнымъ мальчикомъ, тѣмъ самымъ, котораго память Теннисонъ воспѣлъ въ своей величественной элегіи «In Memoriam» послѣ его ранней смерти. Это былъ, кажется, самый выдающійся изъ всѣхъ школьныхъ товарищей Гладстона. Между другими изъ извѣстныхъ людей онъ былъ близокъ съ будущимъ верховнымъ судьею въ Калькуттѣ — Дж. Кальвилемъ, епископомъ Ново-Зеландскимъ Джоржемъ Сальвиномъ, профессоромъ поэзіи въ Оксфордѣ Фр. Дойлемъ, поэтомъ Теннисономъ, историкомъ Крымской войны Ал. Киньлекомъ, а также съ Джемсомъ Гономъ, позднѣе сдѣлавшимся однимъ изъ его самыхъ интимныхъ друзей. Нѣкоторые изъ этихъ и еще кой-кто вмѣстѣ съ Гладстономъ составляли плотный кружокъ, выдѣлявшійся своимъ трудолюбіемъ и серьезностью: въ классное время самымъ усерднымъ образомъ зубрили свои уроки и писали вирши, а въ свободное занимались классической и англійской литературами, исторіей и т. п. За такое выдѣленіе себя изъ общей массы на нихъ сначала смотрѣли немного косо, называли ихъ благочестивыми, зубрилами и т. п., но съ теченіемъ времени, когда группа начала проявлять серьезные таланты дарованія, къ ней стали относиться все съ большимъ и большимъ уваженіемъ.

Напримѣръ Гладстонъ, сдѣлавшись членомъ клуба въ октябрѣ 1825 г., очень скоро пріобрѣлъ тамъ такой вѣсъ, внесъ въ него столько жизни и содержанія, что былъ выбранъ предсѣдателемъ. Первую свою рѣчь въ этомъ собраніи, да и вообще первую публичную рѣчь Гладстонъ началъ довольно характерно для цѣлаго океана словъ, сказанныхъ имъ послѣ этого втеченіе своей 60-лѣтней парламентской дѣятельности. Это была рѣчь на тему: «Полезно-ли образованіе для бѣдныхъ» и начиналась такъ—«Сэръ, въ нашъ вѣкъ распространенной и распространяющейся цивилизаціи»... Во время дебатовъ по другимъ вопросамъ онъ защищаетъ метафизику противъ математики и аристократію противъ демократіи; протестуетъ противъ обезоруженія шотландскихъ горцевъ и сознается въ своей антипатіи къ французамъ... Тамъ-же обсуждаются вопросы о казни Стаффорда, французской революціи, низложеніи Ричарда II, «Contrat Social» Руссо и т. п. Начальство никогда въ клубъ не вмѣшивалось, запрещалось только заниматься текущей политикой. Но одинъ разъ д-ръ Китъ высказалъ свою непрямую похвалу Гладстону въ формѣ замѣчанія, что ему-бы очень хотѣлось послушать хоть одну

его рѣчь въ клубѣ и онъ увѣренъ, что «услышалъ-бы что-нибудь интересное». И дѣйствительно, по общему отзыву очевидцевъ, до Гладстона клубъ страдалъ отсутствіемъ содержанія, а послѣ его выхода изъ школы слава объ Итонскомъ клубѣ разнеслась далеко за предѣлы ея.

Въ 1827 г. у той-же группы явилась мысль издавать свой ежемѣсячный журналъ, подобный тѣмъ, какіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ издавались въ Итонѣ напр. будущимъ министромъ Каннингомъ или еще позднѣе нѣкіимъ М. Предомъ. Какъ тогда такъ и теперь, понималось, что лучшія силы всей школы примутъ участіе въ этомъ изданіи, на выдающихся-же ученикахъ высшаго класса лежала такъ сказать нравственная обязанность взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ и было сдѣлано, и Гладстонъ подъ псевдонимомъ Бартоломея Бувери выбранъ редакторомъ «Смѣси», какъ назывался новый журналъ.

Въ іюнѣ 1827 г. появился первый номеръ. Во вступленіи редакторъ говорилъ: «Въ моемъ теперешнемъ предпріятіи есть одна пучина, въ которой я боюсь потонуть—это Лета; есть одинъ потокъ, который, я боюсь, мнѣ будетъ не по силамъ переплыть—это общественное мнѣніе». Это конечно могло относиться къ журналу, но одинаково можетъ служить и пророчествомъ его собственнаго будущаго. Журналъ продолжалъ выходить регулярно до слѣдующаго декабря, и за эти семь мѣсяцевъ въ его семи довольно объемистыхъ книжкахъ средняго формата появилось не мало очень порядочныхъ статей, которыя и до сихъ поръ можно читать не безъ интереса.

Гладстонъ самъ писалъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: прологи, эпилоги, руководящія статьи, историческіе опыты, сатирическіе очерки, классическіе переводы и юмористическія стихотворенія. Въ стихотвореніи «Егіп» онъ съ юношескимъ жаромъ порицаетъ вѣковое рабство Ирландіи. Въ статьѣ «Краснорѣчіе» онъ между прочимъ говоритъ: «Успѣхъ первой рѣчи, предложеніе министерскаго портфеля, а тамъ быть можетъ и должности перваго министра—вотъ тѣ картины, вокругъ которыхъ любитъ носиться воображеніе молодого мечтателя»... (ему тогда было только 17 лѣтъ).

Далѣе имъ-же было написано «Сравненіе геніевъ стараго и новаго времени». Это ничто иное, какъ похвальная рѣчь въ память только что умершаго тогда Каннинга, едва-ли не самое зрѣлое его произведеніе того времени, быть можетъ потому, что оно было продиктовано неподдѣльнымъ чувствомъ и касалось человѣка, котораго онъ хорошо зналъ и любилъ.

За три года до своей смерти Каннингъ пріѣзжалъ въ Итонъ отчасти навѣстить своего друга, а также и для того, чтобы посѣтить свою alma mater. На Гладстона этотъ визитъ произвелъ сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что дружескій разговоръ опытнаго парламентскаго діалектика и оратора какъ будто нарочно былъ разсчитанъ на то, чтобы разжечь въ молодомъ человѣкѣ энтузіазмъ къ политической дѣятельности, заронить въ него сѣмя надежды на осуществленіе той части своихъ собственныхъ стремленій, которыхъ ему самому осуществить не удалось. Послѣ нѣсколькихъ дружескихъ совѣтовъ на счетъ школьныхъ занятій, онъ сказалъ: «Скоро всеобщее царство парламентовъ заставитъ биться въ тактъ сердца всѣхъ народовъ и развяжетъ ихъ языки. Представь себѣ какой нибудь перувіанскій парламентъ, или новый ареопагъ въ Аѳинахъ, грековъ во фракахъ и бобровыхъ шапкахъ, или—Эпаминонда члена отъ Ѳивъ, Алкивіада, представителя отъ Аѳинъ и т. д. Все это кажется такъ странно, а между тѣмъ все это будетъ, и что еще страннѣе—англійскому министру придется сноситься не съ заносчивыми паредворцами нервныхъ королей, а съ самими народами и т. д.» Потомъ рѣчь зашла о Байронѣ, который тогда только что умеръ. «Да, бѣдный Байронъ, сказалъ министръ, очевидно не принадлежавшій къ его поклонникамъ,—теперь его враги разсѣются». Въ школѣ байронизмъ также не былъ въ модѣ и самъ Гладстонъ предпочиталъ ему Вальтеръ Скотта.

Чтобы покончить со «Смѣсью», необходимо упомянуть еще о двухъ вещахъ, вышедшихъ изъ подъ пера ея неутомимаго редактора—это во-первыхъ, «Видъ на Лету», въ которой осмѣиваются всѣ посредственные писатели и косвенно порицается всякая критика, и во-вторыхъ, о загадочномъ стихотвореніи «Одѣ къ тѣни Ваттъ Тайлора», извѣстнаго вождя крестьянскаго возстанія противъ потычинной подати въ 14-мъ вѣкѣ, обманомъ обезглавленнаго королевскими слугами въ то время, когда король позвалъ его къ себѣ для объясненій въ качествѣ выборнаго отъ крестьянъ. Это въ дѣйствительности сатира, но написана она настолько искренно и ловко, что многіе и тогда и впослѣдствіи принимали эту «Оду» за дѣйствительное воспѣваніе бунтовщиковъ и бунта. Вслѣдъ за появленіемъ ея на автора со всѣхъ сторонъ посыпался цѣлый градъ лестныхъ эпитетовъ, вродѣ—«несчастный!» «сумасшедшій!» «позоръ для Итона!» «неудачникъ!» «выскочка» и т. п., которые всѣ конечно появились въ слѣдующемъ нумерѣ журнала. Это былъ первый урокъ молодому политику силы общественнаго мнѣнія, хотя

онъ и прежде всегда относился къ ней очень почтительно: «снисходительная публика», «могущественная распредѣлительница славы», и т. п.

Такъ какъ журналъ выходилъ регулярно каждый мѣсяцъ книжками въ 3—4 печатныхъ листа, добрую половину которыхъ писалъ самъ редакторъ, то, принявши во вниманіе бездну рукописей и корректуръ, которыя лежали на его отвѣтственности, остается удивляться, какъ 17 лѣтній мальчикъ могъ управляться со всѣмъ этимъ, не забывая и своей школьной работы. Здѣсь Гладстонъ въ первый разъ выказалъ свой замѣчательный организаторскій и административный талантъ и чудовищныя рабочія способности. По словамъ Фр. Дойля, который одинъ изъ всей компаніи оставался съ Гладстономъ въ Итонѣ въ это лѣто во время каникулъ, его отецъ, глядя на все это, тогда же предсказалъ, что этотъ человѣкъ далеко пойдетъ, «и не потому, прибавляетъ онъ,—что-бы Гладстона статьи были много лучше, чѣмъ твои или Галлама, дѣло не въ этомъ; но сила характера, которую онъ обнаружилъ въ управленіи своими подчиненными, и та комбинація способностей и силы, которую онъ выказалъ, убѣждаютъ меня, что такой молодой человѣкъ непремѣнно рано или поздно выдвинется». Это было писано въ 1827 году.

Не даромъ также одинъ изъ біографовъ Гладстона замѣчаетъ, что не сдѣлайся онъ государственнымъ человѣкомъ, изъ него вышелъ-бы замѣчательный редакторъ какой-нибудь крупной руководящей газеты. Быть выразителемъ и проводникомъ общественнаго мнѣнія большинства, очевидно, было призваніемъ этого человѣка, и Англія обязана этой повидимому жалкой Итонской школѣ и ея педагогическимъ пріемамъ тѣмъ, что этотъ громадный талантъ не заглохъ, не выродился вслѣдствіе ложнаго направленія во что-нибудь уродливое, несамостоятельное, какъ могло-бы быть при другихъ обстоятельствахъ, а развился до своей полной силы и осуществленія.

III.

Въ университетѣ.

Хотя для Гладстона съ его способностями и репутаціей не представлялось никакихъ затрудненій прямо по окончаніи курса въ Итонѣ поступить въ Оксфордскій университетъ, но онъ предпочелъ сначала пополнить запасъ своихъ положительныхъ знаній частнымъ

образомъ, и два года занимался съ д-ромъ Тёрнеромъ, будущимъ архіепископомъ Калькутскимъ. Въ эти два года онъ успѣлъ выучиться всему тому, чему не научился въ школѣ, а главнымъ образомъ математикѣ, не только низшей, но и нѣкоторымъ отдѣламъ высшей, какъ дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіямъ, коническимъ сѣченіямъ, механикѣ и т. д. Такимъ образомъ въ университетъ онъ вступилъ съ предварительной подготовкой, и сейчасъ же получилъ званіе «студента» вмѣстѣ со стипендіею въ 1.000 руб. въ годъ, въ которой совсѣмъ не нуждался, и попалъ въ самое лучшее отдѣленіе университета, который по старинному обычаю раздѣлялся на нѣсколько коллегій, гдѣ жили студенты.

Въ тогдашнемъ Оксфордѣ ученьемъ занимались уже гораздо больше, чѣмъ въ школѣ. Правда, и здѣсь была банда забулдыгъ, отличавшихся всевозможными ночными похожденіями и державшихъ въ нѣкоторомъ подчиненіи смирную и работящую часть студентчества,—но общій тонъ былъ все-таки гораздо серьезнѣе. Кромѣ очень строгаго выпускного экзамена, всякій, кто хотѣлъ чего-нибудь добиться, долженъ былъ готовиться и держать экзамены на преміи, состоявшія напр. въ основательномъ знаніи 12—20 книгъ различныхъ греческихъ или римскихъ авторовъ. Окончательный же экзаменъ предназначался для того, чтобы убѣдиться не въ знакомствѣ, а въ основательномъ знаніи не только классической литературы и исторіи, но также и философіи, логики, библіи, Св. Отцовъ и всевозможныхъ тонкостей протестантской теологіи. Для всего этого полагалось три года, въ которые постигнуть всю эту мудрость было далеко не легко.

Гладстонъ здѣсь, какъ и въ Итонѣ, занятія наукой считалъ своею первою обязанностью. Прилежный школьникъ превратился въ прилежнаго студента. Онъ работалъ не только усидчиво, но и педантически регулярно. Четыре часа утромъ, потомъ прогулка и 2—3 часа вечеромъ, передъ сномъ, а въ промежуткахъ находилъ время для товарищеской компаніи и даже не чуждался разныхъ ужиновъ и выпивокъ. Во время каникулъ у прилежныхъ студентовъ—въ средѣ которыхъ преимущественно и вращался Гладстонъ—было обыкновеніе группироваться въ кружки для чтенія и вмѣстѣ уѣзжать куда-нибудь въ деревню. Такъ разъ Гладстонъ въ 1830 г. проводилъ каникулы съ Маннингомъ, будущимъ кардиналомъ, Брюсомъ, будущимъ лордомъ Эльгиномъ, Гамильтономъ, впослѣдствіи епископомъ въ Салисбюри, и другими.

Втеченіе всего своего университетскаго курса Гладстонъ пы-

тался держать экзаменъ только на одну такъ называемую ирландскую премію и за другими отличіями не гнался. При этомъ произошелъ довольно интересный эпизодъ, характерный для нашего героя. Состязаться приходилось съ нѣкіимъ Баккеромъ, юношей заурядныхъ способностей, но знавшимъ дѣло едва ли не точнѣе Гладстона. Поэтому экзаменаторъ въ своемъ отзывѣ выразился такъ: «Отвѣты Баккера на всѣ вопросы коротки и большею частью вѣрны, а Гладстонъ— бросаетъ пыль въ глаза экзаменаторовъ; его напр. спрашиваютъ— кто авторъ гимна «Боже храни короля!», а онъ отвѣчаетъ: «Славься Британія!» написанъ Томсономъ» и это совершено серьезно».

Такую черту можно было бы назвать просто хлыщеватостью, которой часто страдаютъ способные люди съ небольшой душой, если бы тотъ же Гладстонъ въ очень многихъ случаяхъ какъ въ Итонѣ, такъ и впослѣдствіи, не проявлялъ замѣчательной добросовѣстности по отношенію къ себѣ. Былъ напр. такой случай, что Гладстона подвергли обычному наказанію за непосѣщеніе воскресной службы. Въ церкви онъ долженъ былъ написать 100 строкъ латинскихъ виршей. Какъ это ни странно, но такое наказаніе практиковалось на студентахъ такъ часто, что установился обычай обходить его: студенты обыкновенно покупали эти стихи у надзирателя за $2^1/_2$ шиллинга, а для этого въ свою очередь ихъ дѣлалъ его помощникъ за 1 шиллингъ, и всѣ оставались довольны. Теперь, когда стало извѣстно, что на Гладстона наложено взысканіе, къ нему въ комнату сейчасъ же явился надзиратель и принесъ ему положенныя 100 строкъ, разсчитывая получить свои $2^1/_2$ шиллинга. Но каково же было его удивленіе, когда онъ услышалъ въ отвѣтъ: «О нѣтъ, мнѣ и самому не принесетъ никакого вреда написать ихъ». И вирши дѣйствительно были очень скоро написаны. Такъ-же добросовѣстенъ онъ всегда былъ и въ спорахъ. Онъ боролся съ противнымъ мнѣніемъ, по выраженію англичанъ, какъ корнилименъ (корнуэлецъ); но разъ его аргументы побиты логически, онъ добросовѣстно принимаетъ мнѣніе противника со всѣми его послѣдствіями и выводами и уже вполнѣ отдается ему. Къ тому же еще нужно прибавить, что какъ истинный шотландецъ, онъ никогда не понималъ шутки и все принималъ «въ серьезъ». Ту же самую добросовѣстность къ себѣ самому мы увидимъ позднѣе въ международной политикѣ Гладстона: онъ никогда не стѣсняется сознаться въ ошибкѣ или неправотѣ своего собственнаго отечества, чего ему никогда не могутъ простить извѣстнаго разряда патріоты, которые въ дипломатіи считаютъ дозволительными всѣ средства.

Но какъ ни много въ Оксфордѣ было обязательной работы, для Гладстона ея, очевидно, было мало. И вотъ онъ основалъ общество для писанія статей по разнымъ неказеннымъ предметамъ, которое называлось начальными буквами его имени WEG. Самъ онъ, напр. читалъ въ этомъ обществѣ свою обстоятельную статью о «Вѣрѣ Сократа въ безсмертіе».

Наконецъ, было еще одно учрежденіе, которому Гладстонъ по своимъ склонностямъ и по прошлому опыту не могъ не отдать доброй части своего вниманія. Это Оксфордская *Union* или студентческій парламентъ. Но прежде чѣмъ говорить о немъ, скажемъ нѣсколько словъ о настроеніи тогдашняго студентчества вообще.

Дѣло въ томъ, что время отъ 1828 до 1831 г. было въ Англіи самое тревожное: по всей странѣ шли волненія, народъ былъ недоволенъ и бѣденъ, партіи боролись, диссентеры требовали себѣ равныхъ правъ наравнѣ съ остальными гражданами Великобританіи; на парламентскую реформу смотрѣли какъ на всеобщую панацею и тѣмъ страстнѣе ея требовали. Это была, можно сказать, заря всѣхъ послѣдующихъ треволненій XIX столѣтія, въ которыхъ Гладстону пришлось играть такую выдающуюся роль. А когда наконецъ въ 1829 г. Питтъ уровнялъ католиковъ и диссентеровъ въ политическихъ правахъ съ протестантами, онъ лишился довѣрія двора и аристократіи и долженъ былъ подать въ отставку. Такимъ образомъ къ борьбѣ партій и принциповъ присоединилась борьба личностей.

На университетѣ все это отражалось. Всѣ политическія и религіозныя партіи и теченія имѣли здѣсь своихъ представителей; даже среди профессоровъ разница во мнѣніяхъ была такъ велика, что у студентовъ считалось чуть не преступленіемъ пойти слушать профессора не своей партіи или не своей секты.

Господствующій духъ студентовъ былъ ясно консервативный и аристократическій, хотя тогдашній консерватизмъ былъ не чета нынѣшнему холодному разсчету выгоды. Это былъ еще нѣкотораго рода романтизмъ, идеализація прошлаго. Карлъ I въ глазахъ оксфордской молодежи былъ святымъ мученикомъ и вѣрность Стюартамъ, хотя и не имѣющая уже никакой практической почвы, продолжала еще вдохновлять и связывать золотую молодежь. Титулы и чистокровность породы признавались съ дѣтскою наивностью, и политическое и духовное управленіе страною считалось природнымъ правомъ немногихъ избранныхъ, посягательство на которое со сто-

роны народа инстинктивно вызывало въ юношествѣ внутреннюю бурю негодованія и омерзенія.

Однакоже среди тѣхъ же студентовъ были и радикалы, хранившіе у себя въ комнатахъ въ знакъ особаго мужества модель французской гильотины или республиканскую эмблему изъ треугольниковъ и т. п.

Можно себѣ поэтому представить, что должно было происходить въ Оксфордскомъ парламентѣ. Хотя къ чести англичанъ надо сказать, что они и тутъ съумѣли избѣжать скандальной безпорядочности, которой они вообще боятся больше всего на свѣтѣ. Всѣ партіи обыкновенно имѣли свои особыя собранія и въ *Union* являлись уже приготовленные отряды съ полководцами во главѣ, между которыми и происходили страстно сдержанные турниры, причемъ вся остальная публика лишь высказывала свое одобреніе или порицаніе и подавала голоса за и противъ. Самые дебаты велись по всѣмъ правиламъ искусства, какъ въ настоящемъ парламентѣ, подъ руководствомъ испытаннаго своей безпристрастностью и знаніемъ обычаевъ предсѣдателя, съ предложеніями, поправками, резолюціями, вотировками и т. п. Словомъ, это была уже не начальная школа политической дѣятельности, а настоящая репетиція парламента въ маломъ видѣ.

Гладстонъ былъ кандидатомъ въ *Union* конечно съ самаго его пріѣзда въ Оксфордъ. Но поступленіе въ члены *Union* было обставлено такими формальностями, что въ первое полугодіе ему только въ видѣ особаго исключенія было позволено присутствовать при диспутѣ съ депутаціей отъ Кэмбриджа о сравнительныхъ достоинствахъ Байрона и Шелли. При этомъ, между прочимъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ запискахъ одного изъ членовъ этой депутаціи сдѣлано такое замѣчаніе: «изъ всѣхъ оксфордцевъ меня особенно поразилъ младшій Гладстонъ, какъ личность вообще выдающаяся»...

Не далѣе какъ во второе полугодіе онъ произнесъ замѣчательную рѣчь и былъ выбранъ секретаремъ *Union*, а въ третье полугодіе онъ уже занималъ пресѣдательское кресло и руководилъ преніями съ искусствомъ опытнаго эксперта. Ему тогда было едва 20 лѣтъ. Среди политическихъ партій Оксфорда онъ сразу занялъ выдающееся мѣсто между консерваторами, и его самая знаменитая рѣчь, произнесенная въ апрѣлѣ 1831 г., т. е. только за годъ до его выбора въ настоящій парламентъ, была направлена противъ вигскаго билля о реформѣ. Когда онъ окончилъ эту рѣчь,

въ которой доказывалъ, что «реформа поведетъ къ измѣненію формы правленія и поколеблетъ самое основаніе общественнаго порядка»— эффектъ былъ такъ силенъ, что одни тотчасъ же перешли съ лѣвой (вигской) стороны «палаты» на правую (торійскую), убѣжденные доводами оратора, другіе почувствовали, по ихъ собственнымъ словамъ, что предъ ними стоитъ будущій первый министръ Англіи, а третьи наконецъ, какъ напр. сынъ герцога Ньюкастльскаго,— писалъ своему отцу въ восторгѣ: «человѣкъ народился во Израилѣ!» и результатомъ этого невольнаго восклицанія была постановка герцогомъ Ньюкастльскимъ кандидатуры Гладстона въ слѣдующемъ же году въ своемъ округѣ.

Товарищи Гладстона по университету такъ описываютъ его тогдашнія побѣды на трибунѣ: «Обыкновенно онъ начиналъ свою рѣчь очень быстро и энергично и выдерживалъ этотъ тонъ атакующаго бойца до конца. Если кто-нибудь вставлялъ въ его рѣчь свое замѣчаніе, онъ или тотчасъ же отвѣчалъ на него, не прерывая нити своей рѣчи, или же круто оборачивался и обрушивался на противника со всею силою своей энергіи и аргументовъ—и обыкновенно побѣждалъ. Этому, правда, немало способствовалъ его музыкальный баритонъ съ примѣсью шотландской гортанности, и его очень симпатичная наружность».

Здѣсь кстати сказать, что этотъ оксфордскій парламентъ былъ основанъ въ 1823 г. и за все время его существованія предсѣдателями его были люди, игравшіе потомъ выдающуюся роль въ той или другой отрасли общественной жизни. Въ одномъ изъ кабинетовъ Гладстона впослѣдствіи было ни больше ни меньше какъ семь бывшихъ предсѣдателей *Union*. Одинъ извѣстный писатель отзывался въ 1834 г. объ этомъ учрежденіи такимъ образомъ:

«Трудно назвать другое какое-нибудь учрежденіе въ Оксфордѣ, которое приносило бы студентамъ такъ много пользы, какъ это общество, возбуждая вкусъ къ изученію и къ чтенію вообще. Оно давало возможность имѣть не только школу краснорѣчія предъ публикой для тѣхъ, кто готовится быть юристомъ или проповѣдникомъ, или политическимъ дѣятелемъ, но и арену, на которой можно было примѣнять свои разнообразныя знанія; оно собирало вмѣстѣ всѣхъ выдающихся молодыхъ людей всего университета и, наконецъ, имѣло большое вліяніе на общій тонъ всего университета.—Въ связи съ нимъ находилась довольно хорошая библіотека, пополнявшаяся исключительно по усмотрѣнію и выбору членовъ общества»...

На товарищей своихъ Гладстонъ имѣлъ большое вліяніе и вообще пользовался ихъ уваженіемъ. Даже буйная банда, которую онъ открыто порицалъ и которой никто не смѣлъ безнаказанно сопро-

тивляться, его не трогала. Изъ среды же сочувствовавшихъ ему товарищей объ немъ отзывались напр. такимъ образомъ: «Право, можно подумать, что Гладстонъ взялся дѣлать за насъ все «думанье»; бѣда только въ томъ, что когда ему приходитъ въ голову какая-нибудь новая мысль, онъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы такъ же восхищались ею, какъ онъ самъ». Это замѣчаніе ясно указываетъ, въ чемъ заключалась главная причина его вліянія на товарищей, его обаянія—это необыкновенная энергія его мысли, которою онъ всегда отличался и впослѣдствіи. Въ то время, какъ другіе готовы были въ свободное отъ занятій время искать отдыха въ развлеченіяхъ, не требующихъ умственной работы, или наконецъ просто въ ничего недѣланьи, голова Гладстона всегда работала и, вступая въ споръ, онъ не давалъ своему противнику ни минуты отдыха до тѣхъ поръ, пока онъ не признаетъ себя побѣжденнымъ, или просто не замолчитъ. А кому же неизвѣстно, что энергія, какъ и смѣлость, «города беретъ». Но конечно одной энергіи для вождя мало, необходимо чтобы его мнѣнія были зрѣлы, стойки и убѣдительны. Но и въ этомъ не было недостатка въ молодомъ Гладстонѣ. Другой его товарищъ писалъ о немъ:

«Гладстонъ ненавидитъ компромиссы, какъ уступки злу въ ущербъ добру. Какъ только онъ сдѣлалъ уступку, внутри его начинается борьба со своею безпокойною совѣстью, допрашивающею его, правъ ли онъ былъ нравственно, поступая такимъ образомъ? Его огорчаетъ не то, что онъ побитъ, а то, что онъ не съумѣлъ убѣдить тѣхъ, которые считаютъ его своимъ другомъ и предоставляютъ ему руководить собою».

Очевидно, склонности и привычки политическаго вождя—но не демагога, какъ многіе понимаютъ это слово—отвѣтственнаго предводителя многихъ, поручившихъ ему рѣшать за себя политическіе вопросы минуты, нравственно отвѣтственнаго за исходъ избраннаго имъ пути и болѣющаго за всякую общую ошибку больше, чѣмъ кто-нибудь изъ его послѣдователей,—обнаружились въ немъ очень рано и окончательно окрѣпли уже во время его длинной и для поверхностнаго взгляда перемѣнчивой парламентской карьеры.

Не слѣдуетъ однакожъ забывать еще одной черты тогдашняго, а отчасти и теперешняго Оксфордскаго университета. Это—что онъ есть въ то-же время и духовная академія, въ которой молодые люди приготовлялись какъ для управленія государствомъ, такъ и для занятія высшихъ духовныхъ должностей въ церкви. Поэтому понятно, что церковный духъ въ университетѣ былъ очень силенъ.

Хотя извѣстное религіозное движеніе, поднятое въ 1833 г. въ Англіи Ньюманомъ, тогда еще и не началось, но тѣмъ не менѣе церковная партія съ своимъ сухимъ духомъ высокой обязательной нравственности господствовала надъ Оксфордомъ. На церковь тамъ смотрѣли какъ на божественное общество и главнѣйшее учрежденіе въ странѣ, преклонялись передъ писаніями авторитетовъ церкви и съ ужасомъ произносили самое имя папизма. Увлекательнаго въ теологической метафизикѣ было мало, однакожь, по словамъ наставниковъ Гладстона, въ университетѣ въ то время не находилось человѣка, который зналъ бы такъ хорошо библію, какъ онъ. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ, которые позволяли себѣ ходить и слушать теологическія лекціи всѣхъ профессоровъ, безъ различія толковъ, хотя и возмущался многими теоріями другихъ исповѣданій. Вѣрно также то, что при выходѣ изъ университета онъ просилъ у отца позволенія идти въ духовное званіе, на что тотъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, и далѣе—что во всю долгую жизнь Гладстона до самаго послѣдняго времени теологическіе и церковные вопросы обладали для него какой то особенной привлекательностью, вызывали въ немъ всего больше энергіи и иниціативы, при какихъ бы обстоятельствахъ они ни возникали, какъ бы онъ повидимому не былъ занятъ гораздо болѣе важными практическими и государственными дѣлами. Все откладывалось въ сторону и государственный человѣкъ, вождь прогресивной партіи, первый министръ въ государствѣ, превращался въ ученаго теолога, церковнаго человѣка, который ставитъ разрѣшеніе какого-нибудь вопроса, напр. о разводѣ, или о пособіи католической семинаріи въ Ирландіи выше всего остальнаго и останавливаетъ изъ за этого всю государственную машину.

Что касается до вліянія Оксфорда на умственный складъ Гладстона, то ему нужно приписать его всегдашнюю слабость къ діалектическимъ разграниченіямъ близкихъ понятій и стремленіе выражаться какъ можно точнѣе, до педантизма, какъ напр. въ приведенной выше фразѣ его: «Въ нашъ вѣкъ распространившейся и распространяющейся цивилизаціи», что дѣлало его реторику подъ часъ очень сложной. А вотъ какъ самъ Гладстонъ впослѣдствіи отзывался объ умственной атмосферѣ, окружавшей его въ Оксфордѣ:

«Оглядываясь назадъ, я нахожу, что оксфордское образованіе моего времени страдало однимъ крупнымъ недостаткомъ. Быть можетъ, въ томъ моя собственная вина, но необходимо сказать, что будучи въ Оксфордѣ, я не научился тому, чему выучила меня послѣдующая жизнь, а именно—придавать должную цѣну неразрушимымъ и не-

оцѣненнымъ принципамъ человѣческой свободы. Мнѣ кажется, въ академическихъ кружкахъ того времени господствовало по отношенію къ народу и свободѣ чувство ревности и даже нѣкотораго страха... Жизнь же выучила меня питать къ народу довѣріе, ограничиваемое лишь благоразуміемъ»

Окончилъ свое университетское поприще Гладстонъ въ 1832 г. блестящимъ выпускнымъ экзаменомъ, за который получилъ двойную высшую награду, которая выдается только одному кандидату каждаго выпуска и при томъ съ большимъ трудомъ.

IV.

Въ Парламентѣ.

1832 годъ, когда Гладстонъ вышелъ изъ университета, составляетъ эпоху въ англійской исторіи. Вѣковое господство британской аристократіи держалось на трехъ исключительныхъ привиллегіяхъ этого класса: привиллегіи англиканской церкви, которая до 1829 г. одна надѣляла политическими правами; привиллегіи управленія страною вслѣдствіе ограниченій избирательнаго права, предоставлявшихъ всѣ голоса въ руки помѣщиковъ, и наконецъ привиллегіи наслѣдственнаго землевладѣнія и охранительныхъ хлѣбныхъ законовъ, которыми въ Англіи создавались искуственно высокія цѣны на хлѣбъ, и нищій простой народъ по необходимости былъ принужденъ жить какъ-бы «милостью» помѣщиковъ и духовенства.

Реформа 1832 года уничтожила въ принципѣ вторую изъ этихъ монополій; хотя практически избирательное право было расширено только на 400,000 новыхъ избирателей, но первый шагъ къ уравненію другихъ классовъ въ политическихъ правахъ съ кровною аристократіею былъ сдѣланъ и дальше его оставалось только расширять. Однакоже не должно думать, что реформа 1832 г. далась націи очень легко. Напротивъ, среднему классу и рабочимъ приходилось вырывать ее соединенными усиліями у аристократовъ, у палаты лордовъ. Продолжительныя и убыточныя войны съ Наполеономъ; громадный вредъ, нанесенный послѣднимъ англійской морской торговлѣ, и цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ въ странѣ—столько страданій породили и вызвали такой застой и отчаянный взрывъ недовольства, волненій и насилій, во 2-мъ десятилѣтіи ны-

нѣшняго столѣтія, что правящая олигархія была вынуждена сдѣлать уступки. Самъ король, убѣжденный доводами министра Грея, былъ принужденъ стать на сторону представителей народа и потребовалъ отъ лордовъ, чтобы они приняли законъ о реформѣ.

Такимъ образомъ новый порядокъ былъ встрѣченъ одними—и это было большинство народа—съ самыми радужными надеждами на немедленное исцѣленіе всѣхъ общественныхъ и частныхъ бѣдствій, а другими—съ нескрываемой ненавистью и страхомъ. Въ грядущемъ господствѣ демократіи видѣли тиранію невѣжества надъ культурой и просвѣщеніемъ, что-то вульгарное, угрожающее, неизбѣжно ведущее за собой всѣ крайности недавняго кроваваго переворота во Франціи.

Очень понятно, что новый парламентъ, заключавшій въ себѣ все-таки большинство людей стараго порядка, не оправдалъ ни преувеличенныхъ ожиданій первыхъ, ни опасеній вторыхъ, и уже въ концѣ перваго года его дѣятельности начали обнаруживаться признаки реакціи и недовольства: народъ былъ недоволенъ своимъ парламентомъ, а парламетъ недоволенъ правительствомъ. Наконецъ король распустилъ парламентъ и назначилъ новые выборы,—вторые по новымъ правиламъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Гладстону была предложена кандидатура въ парламентѣ отъ одного изъ такъ называемыхъ «карманныхъ» округовъ, т. е. такихъ, которые были въ карманѣ у какого-нибудь одного мѣстнаго магната. До реформы такихъ округовъ было очень много. по новый законъ большую часть ихъ уничтожилъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ. Нью-Іоркъ, находившійся въ оныя времена въ безусловномъ повиновеніи у герцога Ньюкастльскаго, былъ такимъ округомъ. Во время первыхъ выборовъ 1832 г. по новымъ правиламъ энтузіазмъ мѣстнаго населенія пересилилъ матерьяльное вліяніе герцога, и былъ выбранъ радикалъ, котораго теперь партія герцога рѣшилась во-что бы то ни стало замѣстить своимъ кандидатомъ. Выборъ герцога палъ на молодого-Гладстона, котораго онъ зналъ по восторженнымъ отзывамъ своего сына. Гладстонъ принялъ предложеніе и спѣшилъ изъ Италіи въ Нью-Іоркъ защищать интересы реакціи. Это былъ едва 22-лѣтній юноша съ цвѣтущимъ здоровьемъ, красивой наружностью, блестящими способностями, очень хорошимъ образованіемъ, ораторскимъ талантомъ, огромнымъ запасомъ словъ и въ придачу ко всему этому съ хорошимъ состояніемъ. Лучшій выборъ трудно было сдѣлать.

Въ своемъ адресѣ къ избирателямъ онъ рекомендовался независимымъ ни отъ какихъ партій кандидатомъ; но тѣмъ не менѣе возставалъ противъ опасной моды къ слишкомъ скорымъ перемѣнамъ въ политикѣ и защищалъ рабство въ англійскихъ колоніяхъ цитатами изъ библіи, хотя конечно, прибавлялъ онъ,—«я согласенъ, что какъ физическая такъ и нравственная зависимость людей другъ отъ друга должны рано или поздно исчезнуть, и весь вопросъ лишь въ порядкѣ, въ какомъ это должно совершиться». По мнѣнію Гладстона того времени, вестъ-индскихъ рабовъ-негровъ,—трудомъ которыхъ между прочимъ пользовался на своихъ сахарныхъ плантаціяхъ его отецъ,—слѣдовало освободить сначала нравственно, т. е. обратить въ христіанство, а потомъ уже надѣлить и физической свободой, и гражданскими правами...

На предварительномъ собраніи, гдѣ онъ читалъ въ первый разъ этотъ адресъ, ему не дали докончить,—противъ него поднялся цѣлый лѣсъ рукъ. Было ясно, что огромное большинство населенія относилось къ нему очень недоброжелательно. Но что за нужда? Многіе-ли изъ нихъ имѣли право голоса! При окончательной баллотировкѣ Гладстонъ получилъ значительное большинство голосовъ и былъ выбранъ въ парламентъ: мѣстный консервативный клубъ былъ за него и все вліяніе герцога на его сторонѣ, а этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы выбрать кого угодно. Такимъ образомъ Гладстонъ на первыхъ же порахъ собственнымъ опытомъ убѣдился, какъ мало избирателей среди массы населенія.

Теперь положеніе его въ парламентѣ было ясно опредѣлено—онъ занялъ мѣсто на правой. И вотъ каковы были его первые законодательные опыты.

На очереди тогда стояли два вопроса: рабство въ колоніяхъ и умиротвореніе Ирландіи. По первому онъ конечно говорилъ, повторяя почти то-же самое, что и въ адресѣ къ избирателямъ, прибавивши впрочемъ требованіе о вознагражденіи рабовладѣльцевъ за потерю «честно и законно пріобрѣтенной собственности». Ирландію-же предполагалось умиротворять отмѣной habeas corpus—личная неприкосновенность—и введеніемъ чуть не военнаго положенія, на что онъ выразилъ свое молчаливое согласіе, а съ другой стороны ограниченіемъ правъ англиканской церкви въ Ирландіи, на что онъ своего согласія ни выразилъ, а напротивъ разразился въ недалекомъ будущемъ цѣлый теоріей о неприкосновенности государственной церкви, а во время дебатовъ высказалъ, что «хотя число протестантскихъ прелатовъ въ Ирландіи дѣйствительно немного не пропорціо-

нально числу протестантовъ среди населенія *), но онъ увѣренъ, что въ скоромъ времени протестантская церковь въ Ирландіи оживится и тогда дѣла будетъ достаточно для всѣхъ епископовъ. Поэтому онъ былъ конечно противъ биля.

Не менѣе клерикальны и ретроградны были воззрѣнія Гладстона въ то время и по другимъ пунктамъ. Напр. виги подняли вопросъ объ отмѣнѣ обязательнаго подписыванія при поступленіи въ университеты 39 параграфовъ англиканскаго катехизиса, что въ сущности закрывало двери высшаго образованія для всѣхъ диссентеровъ, т. е. не принадлежавшихъ къ англиканской церкви. Здѣсь молодой Гладстонъ былъ вполнѣ въ своей сферѣ: только три года тому назадъ онъ оставилъ самъ университетскую скамью и могъ считаться экспертомъ. И что же? Онъ произнесъ очень горячую рѣчь, но доказывалъ въ ней, что этого никакъ нельзя сдѣлать, такъ какъ «главная цѣль университетскаго образованія есть (будто бы) образованіе нравственнаго характера», а потому и невозможно допустить, чтобы нѣкоторые студенты пользовались исключительнымъ правомъ не подчиняться всѣмъ правиламъ преподаванія и предписаніямъ господствующей церкви. А когда Пальмерстонъ со свойственнымъ ему цинизмомъ возразилъ на это, что онъ не чувствуетъ никакого довѣрія къ университетской системѣ, при которой студенты безпрестанно переходятъ «отъ вина къ молитвѣ и отъ молитвы къ вину», то онъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, «нельзя допустить, чтобы студенты даже въ такія самыя минуты не были достойны войти въ храмъ Божій».

Впечатлѣніе, производимое этими первыми рѣчами Гладстона на парламентъ, было очень благопріятное. Слушавшіе молодого оратора очень часто не соглашались съ его доводами, но не могли отказать ему, рядомъ съ замѣчательными дарованіями оратора, въ несомнѣнной искренности, простотѣ, справедливости къ противнику и добросовѣстности къ самому себѣ, качествахъ, которыя остались присущи ему и до сихъ поръ.

Между тѣмъ недовольство вигскимъ министерствомъ въ парламентѣ и въ странѣ все усиливалось и наконецъ дошло до того, что кабинетъ Грея долженъ былъ подать въ отставку, причемъ составленіе новаго правительства поручено сэру Роб. Пилю, который былъ извѣстенъ за умѣреннаго консерватора и хорошаго админи-

*) Протестанты въ Ирландіи составляли только $^1/_{10}$ часть населенія, а платить на содержаніе протестантскаго духовенства и церкви должны были всѣ.

стратора. Онъ давно уже замѣтилъ обѣщающаго молодого оратора и при составленіи своего кабинета предложилъ Гладстону мѣсто товарища министра финансовъ. А такъ какъ въ то же время старый парламентъ былъ распущенъ, то въ концѣ 1834 года Гладстонъ опять держалъ рѣчь къ своимъ избирателямъ и опять баллотировался въ Нью-Іоркѣ.

На этотъ разъ онъ уже между прочимъ сказалъ, что «отнюдь не считаетъ разумную реформу государства и церкви противорѣчащей принципамъ истиннаго консерватизма, а напротивъ ихъ необходимымъ продолженіемъ и составнымъ элементомъ», что многихъ заставило призадуматься.

Это министерство Пиля оказалось очень непродолжительнымъ, потому что палата въ большинствѣ была все-таки либеральная и Пиль не могъ съ ней ладить. Въ апрѣлѣ 1835 г. онъ уже подалъ въ отставку. Тѣмъ не менѣе, какъ ни было коротко участіе Гладстона въ министерствѣ, онъ успѣлъ выказать свои какъ политическія, такъ и дѣловыя способности, и замѣчательную энергію.

Втеченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ Гладстонъ продолжалъ вести дѣятельную парламентскую жизнь, работалъ въ комитетахъ по разработкѣ отдѣльнымъ вопросовъ, часто принималъ участіе въ дебатахъ и довольно часто появлялся въ Лондонскомъ Обществѣ, всегда въ качествѣ серьезнаго и умнаго молодого законодателя, котораго впереди ожидаетъ блестящая карьера. Въ то же время онъ пользовался досугомъ для занятій Гомеромъ, Данте и Св. Августиномъ, а также нѣкоторыми особенно интересовавшими его въ это время вопросами. Дѣло въ томъ, что религіозное движеніе, поднятое будущимъ кардиналомъ Ньюманомъ, было теперь въ полномъ разгарѣ: его религіозные памфлеты наводняли собою всю Англію, оксфордскіе теологи взывали ко всей странѣ, прося поддержки въ борьбѣ съ этой новой ересью. Гладстонъ сначала оставался равнодушенъ къ этому движенію, но одинъ разъ случайно встрѣтился въ госпиталѣ со своимъ старымъ товарищемъ Гономъ, который самъ былъ вполнѣ поглощенъ движеніемъ и увлекъ въ него Гладстона. Результатомъ этого новаго увлеченія и было выступленіе Гладстона на защиту государственной церкви въ принципѣ противъ многократныхъ уже попытокъ виговъ добиться отмѣны ея въ Ирландіи. При содѣйствіи того же Гона онъ выпустилъ въ 1838 г. свою первую политическую брошюру: «Государство въ его отношеніи къ церкви». Главнымъ положеніемъ этой брошюры было, что «государство имѣетъ совѣсть», а потому имѣетъ право налагать на всякаго гражданина обязанность

поддерживать свою избранную церковь. А когда ему на это возражали, что эта теорія неизбѣжно поведетъ къ изгнаніямъ и религіознымъ преслѣдованіямъ, онъ отвѣчалъ, что ради «сохраненія государствомъ нравственнаго характера», который нынче повсюду подчиняется экономическимъ соображеніямъ и матерьяльнымъ интересамъ, «избѣжаніе преслѣдованій становится уже второстепенною обязанностью государства».

Кто знаетъ, къ чему пришелъ-бы пылкій и юный законодатель, идя по этому скользкому пути, если-бы его не удержала болѣе зрѣлая рука Маколея, помѣстившаго въ ближайшей книжкѣ «Эдинбургскаго Обозрѣнія» безпощадную критику этой теоріи и его брошюры. Впрочемъ критикъ въ то-же время отдавалъ должную дань оригинальности автора и поздравлялъ торійскую партію съ новымъ свѣтиломъ, которое будетъ имѣть громкое будущее. Въ этомъ онъ ошибся: свѣтило дѣйствительно всходило—только не для торійской партіи; но онъ не ошибся въ другомъ, это въ мастерской оцѣнкѣ таланта Гладстона; съ замѣчательной прозорливостью онъ писалъ:

«Реторика Гладстона затемняетъ и путаетъ логику его мысли. Половина его проницательности и сосредоточенности, при самомъ скромномъ воображеніи и скудномъ запасѣ словъ спасла-бы его почти отъ всѣхъ ошибокъ. Но у него есть самый опасный для мыслителя талантъ — громадный запасъ особаго рода словъ, глубокомысленныхъ и возвышенныхъ, но неясныхъ по значенію».

Всѣ эти замѣчанія поразительно вѣрны не только относительно разбираемой брошюры, но и вообще всѣхъ произведеній Гладстона.

Какъ-бы то ни было, его книга имѣла громадный успѣхъ: въ самое короткое время она выдержала три изданія и пріобрѣла горячихъ поклонниковъ: напр. тогдашній нѣмецкій посланникъ въ Лондонѣ, извѣстный баронъ Бунзенъ писалъ:

«Я только что получилъ книгу Гладстона. Это вопросъ дня, великое событіе; первая книга со времени Борка, идущая до самаго корня вопроса; гораздо выше его партіи и его времени... Гладстонъ теперь интеллектуальная сила, первый человѣкъ въ Англіи, онъ слышитъ болѣе высокія ноты, чѣмъ кто-нибудь изъ его современниковъ».

Однакоже были и другіе цѣнители, которые усматривали въ его способѣ доказывать свои положенія нѣчто совсѣмъ другое. Говорили напр., что онъ защищаетъ государственную церковь не ради того, что она есть носительница Божественнаго откровенія, какъ учила ортодоксія, а лишь ради поддержанія религіозности въ людяхъ того времени. При этомъ вспоминали что и противъ реформы 1832 г. онъ также возставалъ не съ абсолютной, а только съ отно-

сительной точки зрѣнія. И въ результатѣ дѣлали выводъ, что рано или поздно все это приведетъ его къ настоящему и открытому либерализму, какъ дѣйствительно это и случилось, только гораздо позднѣе.

Когда Пилю подали книгу Гладстона, онъ сказалъ: «и что ему за охота съ его карьерой впереди писать книжки!» Такъ разсуждалъ здравый практикъ, но его ученикъ оказался практичнѣй.

Что Гладстона не удовлетворяли ни существовавшія тогда вообще, ни его собственныя воззрѣнія на обязанности государства, а быть можетъ и государственныхъ людей, доказываетъ слѣдующее мѣсто изъ письма къ его другу Вильберфорсу, будущему епископу Оксфордскому. Будущее Англіи тревожитъ его; трудности управленія увеличиваются, а средства управляющихъ остаются тѣ же. «Что же касается до руководящихъ принциповъ, указывающихъ намъ путь къ свѣту и вызывающихъ къ себѣ преданность и героизмъ, то такіе принципы, я чувствую, еще совсѣмъ не организованы, мало того, ихъ нужно почти что создавать». Вотъ въ какомъ видѣ ему тогда рисовались его собственныя будущія идеи.

Работая надъ этой книгой, онъ испортилъ себѣ глаза и долженъ былъ по совѣту докторовъ уѣхать на нѣкоторое время въ Италію, въ Римъ. Здѣсь въ ту зиму случайно жило семейство нѣкоего сэра Стефана Глина, сынъ котораго былъ товарищемъ Гладстона по университету. Узкость круга знакомыхъ въ чужой странѣ естественно способствовала сближенію Гладстона съ этимъ семействомъ, и скоро онъ былъ уже помолвленъ со старшей дочерью Глина, Катериною, а въ Іюлѣ 1839 г., по возвращеніи въ Англію, и женился на ней, причемъ получилъ въ приданное за нею замокъ Говарденъ.

Въ 1840 г. появилась вторая брошюра Гладстона «Церковные принципы съ точки зрѣнія ихъ результатовъ», служившая дальнѣйшей защитой государственной церкви и произведшая въ извѣстной средѣ очень благопріятное впечатлѣніе. Но вплоть до 1841 г. государственная дѣятельность Гладстона ограничивалась парламентской рутиной. Въ этомъ же году Р. Пиль былъ опять призванъ управлять страной и съ этого времени только начинается серьезная законодательная работа Гладстона.

Это было то самое министерство Р. Пиля, которому суждено было ради спасенія страны провести въ ущербъ своей собственной партіи либеральную реформу отмѣны хлѣбныхъ законовъ, иначе говоря, отмѣнить ту самую третью привиллегію, на которой держалось господство аристократіи. И въ этой то мѣрѣ привелось, не

смотря на весь его консерватизмъ и клерикализмъ, участвовать самымъ дѣятельнымъ образомъ Гладстону, тѣмъ болѣе, что онъ занималъ въ этомъ министерствѣ постъ президента бюро промышленности и торговли.

Надо замѣтить, что время, въ которое образовалось и существовало это министерство, было самое тревожное. Экономически страна была въ самомъ жалкомъ положеніи. Нищета достигла такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что государственную милостыню получали до семи милліоновъ душъ. Благодаря ряду неурожайныхъ годовъ, сельское населеніе постепенно стекалось въ города, гдѣ не хватало работы и для своихъ незанятыхъ рукъ. Всѣ усилія правительства оживить сельское хозяйство, поднять его усиленными пошлинами на ввозный хлѣбъ, охраною его отъ иностранной конкурренціи ни къ чему ни приводили: народъ нищалъ все больше и больше и волновался.

Между тѣмъ въ фабричныхъ округахъ и въ большихъ городахъ возникъ рядъ политическихъ теченій: *Чартисты* требовали всеобщей подачи голосовъ, подавали петицію за петиціей съ милліонами подписей и, наконецъ, грозили употребить физическую силу, если на ихъ требованія парламентъ не обратитъ вниманія. *Ремесленные союзы* требовали работы и грозили всеобщей стачкой, если парламентъ не найдетъ средствъ улучшить ихъ матеріальное положеніе. Наконецъ въ средѣ самой буржуазіи возникло движеніе за отмѣну хлѣбныхъ законовъ; *Лига* противъ этихъ законовъ все усиливалась и, располагая громадными средствами, производила огромную агитацію по всей странѣ. Въ это время послѣднимъ словомъ государственной мудрости считалась такъ называемая подвижная пошлина на ввозный хлѣбъ, уменьшавшаяся по мѣрѣ возвышенія цѣны зерна.

Манчестерская же школа или «Лига», считавшая своимъ родоначальникомъ Адама Смита, представителемъ въ парламентѣ—Вильерса и ораторами—Кобдена и Брайта, требовала совершенной отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ и указывала на это какъ на единственную законодательную мѣру, могущую разрубить Гордіевъ узелъ, т. е. оживить промышленность, накормить народъ и успокоить страсти.

Всѣ эти теченія къ 1842 году успѣли уже настолько окрѣпнуть, что съ ними приходилось считаться. Наконецъ министерство начало дѣлать уступки: рѣшено было пересмотрѣть тарифы. За эту колоссальную работу принялся со всей своей энергіею Гладстонъ, и

втеченіе перваго же года составилъ себѣ репутацію замѣчательнаго финансиста. Изъ 1200 предметовъ обложенія онъ пересмотрѣлъ 750 и налоги на нихъ или отмѣнилъ, или понизилъ; для покрытія же недочета былъ объявленъ 3 процентный подоходный налогъ.

Въ 1843 г., когда въ экономическомъ положеніи, не смотря на всѣ принятыя второстепенныя мѣры, никакой серьезной перемѣны къ лучшему замѣтно не было, а агитація все усиливалась и усиливалась, Гладстонъ, отвѣчая на нападки манчестерцевъ въ парламентѣ, уже соглашался съ ними въ объясненіи причинъ кризиса, но все еще отрицалъ дѣйствительность предлагаемыхъ ими мѣръ, и въ то же время продолжалъ пересмотръ тарифа и внесъ двѣ не особенно важныя, но очень характерныя для его тогдашняго настроенія мѣры: онъ предложилъ освободить отъ всякаго налога вывозимыя машины, чѣмъ сильно оживилъ машиностроеніе въ Англіи, и выработалъ правила, которымъ должны были подчиняться только что построенныя тогда первыя желѣзныя дороги; по этимъ правиламъ дѣлались обязательными вагоны третьяго класса и хоть разъ въ недѣлю дешевые поѣзда по всей линіи, не больше 1 пенни за милю, которые до самаго недавняго времени выдѣлялись на англійскихъ дорогахъ подъ именемъ «парламентскихъ» и только теперь слились по цѣнѣ со всѣми остальными.

Въ 1844 г. обстоятельства министерства начали замѣтно поправляться; оно очевидно сближалось во взглядахъ съ самой богатой и сильной частью своихъ оппонентовъ, т. е. съ манчестерцами, и тѣмъ самымъ значительно укрѣпило свое положеніе. Гладстону, занимавшему въ это время такой важный постъ, принадлежала въ этомъ не малая заслуга. Казалось бы, все шло какъ нельзя лучше. Какъ вдругъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: Гладстонъ подалъ въ отставку и кромѣ самыхъ близкихъ къ нему членовъ кабинета, никто не зналъ почему. Въ дѣйствительности же дѣло было вотъ въ чемъ. Не задолго до того Р. Пиль обѣщалъ ирландскимъ членамъ парламента уравнять ирландскія школы съ англійскими и шотландскими, и теперь кабинетомъ было рѣшено увеличить субсидію католической семинаріи въ Мэйнутѣ, въ Ирландіи съ 90.000 р. въ годъ на 300.000 руб. Какъ только Гладстонъ узналъ объ этомъ, внутри его поднялась цѣлая буря сомнѣній, имѣетъ ли онъ нравственное право быть членомъ такого кабинета, который принимаетъ мѣры, идущія въ разрѣзъ съ тѣмъ, что онъ самъ публично проповѣдывалъ на страницахъ своей брошюры

шесть лѣтъ тому назадъ—и онъ вышелъ въ отставку въ январѣ 1846 г., не смотря на убѣжденія самыхъ благочестивыхъ друзей, въ родѣ Гона, Маннинга и т. п.; но предварительно окончилъ пересмотръ второй части тарифа. Этимъ однако дѣло не кончилось: давая, какъ водится, объясненія въ парламентѣ о причинахъ своей отставки, Гладстонъ увѣрялъ палату не только въ своихъ искреннихъ симпатіяхъ къ членамъ кабинета, который онъ оставлялъ, но и къ той самой мѣрѣ, изъ за которой онъ оставлялъ его. Это было уже совершенно странно. Палата понимала только одно, что вся эта мелодрама была затѣяна изъ за убѣжденій, которыя Гладстонъ высказалъ 6 лѣтъ тому назадъ *и которыхъ онъ больше уже не держится, хотя и хотѣлъ бы держаться*. Ну словомъ, получилась какая то ужасная путаница. Въ то же самое время Гладстонъ также въ 1845 г. пишетъ къ своему другу Вильберфорсу, что отчетъ о дѣятельности протестантской церкви въ Ирландіи «его совсѣмъ не удовлетворяетъ: никакихъ миссіонерскихъ успѣховъ, никакой ревности»..., иными словами, что его же собственный аргументъ въ защиту государственной церкви въ Ирландіи падаетъ, а для Гладстона, для его убѣжденій вообще, этотъ вопросъ о государственной церкви былъ очень важенъ.

Къ концу же 1845 г., пользуясь досугомъ, онъ выпускаетъ новую брошюру, но на этотъ разъ уже о болѣе матеріальныхъ предметахъ: «Недавнее торговое законодательство». Въ ней подводились итоги всѣмъ послѣдствіямъ, какія имѣлъ пересмотръ тарифа и другія мѣры того же характера. Выводъ получался такой, что какъ только какая-нибудь отрасль промышленности освобождалась отъ налога, въ ней тотчасъ же замѣчалось оживленіе, а въ заключеніе авторъ говорилъ: «Отнынѣ истинная государственная мудрость будетъ состоять не въ покровительствѣ какому-нибудь одному классу, а скорѣе въ освобожденіи промышленности и рабочихъ отъ оковъ привиллегіи и монополіи». Однимъ словомъ, въ этихъ вопросахъ Гладстонъ уже вполнѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія свободной торговли и манчестерской школы, а это былъ уже большой шагъ впередъ.

Многіе утверждаютъ, что эта брошюра окончательно обратила и Р. Пиля. Во всякомъ случаѣ не прошло года, какъ всѣмъ стало извѣстно, что глава министерства сталъ за отмѣну всей покровительственной системы. Газеты подхватили это извѣстіе и произошелъ кабинетскій скандалъ: двое изъ министровъ подали въ отставку. Пиль вдругъ изъ очень популярнаго министра, какимъ онъ

былъ въ послѣднее время, благодаря удачнымъ результатамъ его торговой политики, вдругъ превратился въ черную овцу, на которую обрушилась его собственная партія. Онъ было попросилъ у королевы отставку, но ему ея не дали. Тогда Пиль замѣстилъ одного изъ удалившихся министровъ Гладстономъ и пошелъ на проломъ.

Въ Ирландіи въ это время былъ голодъ. Картофель сгнилъ на корню. Большинство кабинета совѣтовало вмѣсто всякой немедленной помощи «нарядить коммиссію». Королевское земледѣльческое общество поучало голодающихъ ирландцевъ, что они могутъ «варить кости вмѣсто одного раза три» и питаться такимъ образомъ супомъ. Другіе совѣтовали имъ «ѣсть соленую рыбу» и т. п. Словомъ, во всемъ оффиціальномъ мірѣ не раздалось ни одного толковаго слова, ни одной путной мысли. Простой здравый смыслъ говорилъ Пилю, что Ирландіи нуженъ дешевый хлѣбъ, а не дешевые совѣты. Онъ понялъ это и немедленно же внесъ билль о пониженіи пошлины на ввозную пшеницу съ 18 до 4 шил. на два съ половиною года; а по истеченіи этого времени она должна быть уменьшена до 1 шиллинга. (Этотъ послѣдній шиллингъ былъ сложенъ Гладстономъ уже въ 1869 г.).

Законъ прошелъ и былъ утвержденъ королевою 26 іюня 1846 г. Въ тотъ же день министерство Пиля провалилось въ палатѣ по другому вопросу, оставшись безъ поддержки большинства торійской партіи и вышло въ отставку.

Интересно, какъ только Гладстонъ опять вступилъ въ кабинетъ Пиля, онъ снова очутился въ двусмысленномъ положеніи: теперь ему невозможно уже было представлять округа крайняго и непримѣримаго протекціониста, герцога Ньюкастльскаго, и совѣсть принудила его послать въ Нью-Іоркъ свою отставку. А въ прощальномъ адресѣ къ избирателямъ онъ говоритъ, что дѣлаетъ это, «повинуясь ясному и непреложному призыву общественнаго долга». Это былъ первый случай, когда онъ заговорилъ о необходимости повиноваться требованію страны. Такимъ образомъ въ теченіе этой послѣдней сессіи парламента, когда были отмѣнены хлѣбные законы, Гладстонъ остался безъ мѣста въ палатѣ, хотя это не помѣшало ему принимать дѣятельное участіе въ подготовленіи билля.

V.

Переходный періодъ.

Въ 1847 г. были объявлены общіе выборы и Гладстонъ былъ выбранъ Оксфордскимъ университетомъ,—что считалось большой честью. Благодаря своему обращенію—въ экономическихъ вопросахъ по крайней мѣрѣ—въ манчестерцевъ, все министерство Р. Пиля вмѣстѣ съ Гладстономъ и нѣсколькими послѣдователями отщепилось отъ торійской партіи, но къ либеральной все-таки не пристало. Такимъ образомъ въ парламентѣ образовалась промежуточная группа, названная по имени своего вождя *пилистами*. Ея промежуточный характеръ вполнѣ отвѣчалъ настроенію Гладстона втеченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ. Съ одной стороны онъ попрежнему возставалъ противъ пересмотра университетскаго устава, попрежнему ратовалъ противъ разрѣшенія браковъ со свояченицей, или пытался навязать австралійцамъ вторую аристократическую палату,—а съ другой вмѣсто того чтобы защищать государственную церковь, открыто сознавался, что объ этомъ безполезно и говорить, потому что въ дѣйствительности нація почти каждый годъ принуждена признавать и даже подерживать матерьяльно новыя и новыя исповѣданія, ясно доказывая этимъ свои желанія; вотировалъ за допущеніе евреевъ въ парламентъ, чѣмъ не мало шокировалъ чопорную часть Англіи; настаивалъ на возстановленіи дипломатическихъ сношеній съ Римомъ, или на полномъ самоуправленіи духовенства въ колоніяхъ.—А ужъ въ торговомъ законодательствѣ онъ былъ вполнѣ на сторонѣ прогресса, и настаивалъ на открытіи всѣхъ англійскихъ морей для всѣхъ иностранныхъ судовъ, въ то время какъ реакціонеры кричали о необходимости отрѣзаться отъ континента, такъ какъ оттуда завозится будто-бы въ Англію тлетворный духъ революціонной заразы—это было время 1848 г. Впрочемъ въ то-же время это нисколько не помѣшало Гладстону записаться наравнѣ съ будущимъ императоромъ французовъ Наполеономъ въ добровольные полицейскіе для охраненія порядка на улицахъ Лондона, и такимъ образомъ оправдать всѣ регрессивныя мѣры, какія принимались тогдашнимъ правительствомъ противъ чартистскаго движенія.

Однакожь вплоть до 1851 года онъ оставался простымъ членомъ парламента и не принималъ никакого прямого участія въ министерствѣ.

Къ этому-же періоду относится первое ясное заявленіе Гладстономъ своихъ воззрѣній на международную политику по поводу его оппозиціи Пальмерстону, тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ либеральнаго правительства. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно основывалъ свою успѣшную и популярную, но очень задорную политику на интригѣ и правѣ сильнаго, искалъ успѣха и никогда не стѣснялся въ средствахъ и любилъ часто повторять старинную поговорку дипломатовъ этого сорта, что «народы любятъ, чтобы ихъ обманывали». Какъ Гладстонъ выражался, «онъ былъ готовъ съѣсть сколько угодно грязи, лишь-бы эта грязь была позолоченная». Въ палатѣ общинъ онъ защищался отъ своихъ противниковъ циническими шутками и смѣялся надъ энтузіазмомъ и боялся людей принципа. Все это не имѣло ничего общаго ни съ нравственными устоями, ни съ личнымъ характеромъ Гладстона. Отношенія между ними все больше и больше обострялись и наконецъ вылились въ открытый турниръ въ 1850 г.

Дѣло въ томъ что тогдашняя Грецiя, едва успѣвшая стать на свои ноги послѣ освобожденія отъ турокъ, имѣла несчастіе навлечь на себя нерасположеніе Пальмерстона, которому почему-то казалось, что противъ него въ Аѳинахъ интригуетъ французскій посланникъ. Въ то же время случилось нѣсколько мелкихъ недоразумѣній въ отношеніяхъ Англіи и Греціи, которыя могли-бы въ другое время пройти безъ всякихъ послѣдствій, а теперь чуть не повели къ европейской войнѣ: какой-то мальтійскій еврей Донъ-Пасифико навлекъ на себя гнѣвъ аѳинскаго народа, его лавку разбили и имущество разграбили. Онъ потребовалъ отъ греческаго правительства въ вознагражденіе 32,000 фун. стер., причемъ въ числѣ пожитковъ не малую роль играла его кровать. Греческое правительство было тогда очень небогато и оставило претензію пострадавшаго безъ послѣдствій. Тогда вмѣшался Пальмерстонъ и началъ рѣшительно настаивать на уплатѣ Греціей этой суммы. Къ тому же въ это время случились еще другія мелкія недоразумѣнія, осложнившія отношенія: одинъ мичманъ британскаго военнаго корабля былъ по ошибкѣ арестованъ греческими властями на о-вѣ Патросѣ, и т. п. Въ результатѣ англійскій флотъ появился въ Пиреѣ; русское и французское правительства заявили свой протестъ и наконецъ французскій посолъ оставилъ Лондонъ. Словомъ изъ за кровати мальтійскаго еврея готова была вспыхнуть война.

Большинство палаты лордовъ заявило свое неудовольствіе; начались дебаты. Пальмерстонъ говорилъ свою оправдательную

рѣчь пять часовъ и построилъ ее на томъ, что «всякій самый послѣдній британскій подданый долженъ быть увѣренъ, что его защищаетъ вся сила Англіи, словомъ что онъ civis romanus est». Рѣчь была встрѣчена съ энтузіазмомъ. Тогда всталъ Гладстонъ и сказалъ одну изъ тѣхъ своихъ рѣчей, которыя никогда не потеряютъ своего значенія. Онъ разобралъ, что такое обозначала упомянутая министромъ римская формула: «civis romanus sum», что такое былъ римскій гражданинъ и показалъ, что это была привиллегированная каста побѣдителей, державшая всѣхъ сосѣдей въ подчиненіи силой своего оружія; что для него былъ особый законъ, особые принципы, особыя права, которыми не пользовался остальной міръ. Очевидно Пальмерстонъ такъ-же смотрѣлъ и на отношенія Англіи къ ея сосѣдямъ, что совершенно не согласовалось съ понятіями оратора объ истинномъ національномъ достоинствѣ, благородствѣ и справедливости. Онъ видѣлъ призваніе Англіи въ иномъ положеніи; прежде всего въ поддержаніи среди народовъ уваженія къ международному закону и въ одинаковомъ примѣненіи его какъ къ сильнымъ, такъ и къ слабымъ сосѣдямъ, а затѣмъ въ «водвореніи среди народовъ принциповъ братства и независимости.»

Очень понятно, что большинство узко-практичнаго парламента отнеслось къ такимъ мыслямъ Гладстона, какъ къ заоблачнымъ мечтаніямъ фантазера. Тѣмъ не менѣе начало было сдѣлано,—узко патріотической и хищнической политикѣ противопоставлена человѣческая, основанная на тѣхъ-же нравственныхъ устояхъ, которыми мы руководствуемся въ нашей общественной и частной жизни. Гладстонъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ то-же для международныхъ отношеній, что онъ пытался дѣлать и для внутренней жизни государства—это морализировать ихъ. «Будемъ щадить слабаго и защищать его», говоритъ онъ,—«не будемъ вмѣшиватся въ чужія, внутреннія дѣла, не станемъ претендовать быть учителями и цензорами другихъ, а будемъ дѣлать другимъ то, что мы желаемъ, чтобы они намъ дѣлали». Дальше мы увидимъ, насколько это удалось ему на практикѣ.

Зимой 1850—51 г. Гладстонъ для излеченія своей шестилѣтней дочери долженъ былъ прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Неаполѣ. Вылечить дочку ему не удалось, она умерла послѣ тяжкой болѣзни, что доставило много горя нѣжному родителю. Но онъ воспользовался свободными минутами для совершенно другой цѣли. Неаполитанцы въ это время переживали очень тяжелое время: несмотря на то, что номинально у нихъ было и законодательное собраніе предста-

вителей и очень либеральная конституція, и законы, и личныя права гражданъ,—но въ дѣйствительности царствовалъ буквально бѣлый терроръ. Вся оппозиціонная половина палаты депутатовъ была или сослана, или томилась въ тюрьмахъ и сама палата распущена военной силой, и кромѣ того до 20.000 человѣкъ лучшихъ гражданъ королевства раздѣляли ихъ участь при самыхъ невозможныхъ условіяхъ. И это въ то время когда въ Римѣ и Венеціи были объявлены республики.

Узнавши о такомъ странномъ состояніи цѣлаго государства, Гладстонъ былъ до того возмущенъ и потрясенъ, что добился черезъ друзей доступа въ политическія тюрьмы, познакомился съ самими узниками, собралъ всѣ фактическія свѣдѣнія, какія только было возможно въ то время достать, и написалъ двѣ статьи въ видѣ двухъ открытыхъ писемъ къ лорду Абердину, котораго просилъ опубликовать ихъ.

Въ этихъ письмахъ онъ говоритъ между прочимъ: «Теперешняя практика неаполитанскаго правительства есть поруганіе религіи, цивилизаціи, человѣчества и приличія. Охранители порядка и общественнаго спокойствія сами мало по малу сдѣлались ихъ первыми нарушителями. Въ полное поруганіе закона префектъ и его слуги выслѣживаютъ людей, входятъ въ ихъ дома—часто ночью,—расхищаютъ ихъ, захватываютъ бумаги и имущество, срываютъ по своему усмотрѣнію полы и обои подъ предлогомъ разысканія спрятаннаго оружія, бросаютъ людей въ тюрьмы десятками, сотнями и даже тысячами безъ всякаго судебнаго приговора, а иногда даже и всякаго письменнаго полномочія, по одному слову полицейскаго, и большею частью безъ объясненія характера обвиненія.

«Людей арестуютъ не потому, чтобы они совершили или обвинялись въ совершеніи какихъ-нибудь проступковъ, а просто потому что ихъ считаютъ такими людьми, которыхъ лучше держать въ заперти. При этомъ ихъ вызываютъ на оскорбленія, оскорбляютъ, а потомъ грубо за это наказываютъ. Въ странахъ, гдѣ есть правосудіе, считается несправедливымъ наказывать за мысли, а здѣсь мысли не только наказываются, но даже поддѣлываются, для того чтобы за нихъ можно было наказывать. Довольно сказать, что за лжесвидѣтельство здѣсь совсѣмъ нѣтъ наказанія. Самъ префектъ предлагаетъ подкупы свидѣтелямъ. Верховный судья постановляетъ приговоръ надъ подсудимыми, которые обвиняются въ злоумышленіи на его жизнь... Судьи постановляютъ заранѣе приготовленные приговоры, основывая ихъ на завѣдомо и очевидно ложныхъ показаніяхъ. Подсудимымъ не даютъ возможности оправдаться, не даютъ защитника и не позволяютъ вызывать своихъ свидѣтелей...

«Неаполитанскія тюрьмы — это синонимъ мерзости и ужаса. Я самъ видѣлъ многое, но гораздо большаго я не видѣлъ. Я былъ въ подземныхъ тюрьмахъ, куда свѣтъ проникаетъ только черезъ неболь-

шую рѣшетку въ потолкѣ или вверху стѣны; я видѣлъ, какъ доктора отказывались спускаться въ эти вертепы грязи и зловонья, и полумертвыхъ больныхъ арестантовъ приносили къ нимъ на верхъ. Я присутствовалъ на засѣданіяхъ судовъ, гдѣ людей осуждали вопреки очевидной истинѣ и по показаніямъ очевидно подкупленныхъ свидѣтелей и т. д. и т. д.»

Письма заканчивались такъ: «Пора же наконецъ поднять завѣсу съ этихъ сценъ, болѣе пригодныхъ для ада, чѣмъ для земли, или немедленно должна быть произведена радикальная реформа. Я предпринялъ этотъ крайне утомительный и непріятный трудъ въ надеждѣ сдѣлать что-нибудь для уменьшенія гигантской массы человѣческихъ страданій, какія только испытываются на землѣ»...

Въ Англіи эти письма произвели глубокое впечатлѣніе и не мало потревожили спокойствіе неаполитанскаго короля Фердинанда. Въ парламентѣ Пальмерстону былъ сдѣланъ по этому поводу запросъ, на который онъ отвѣтилъ, что уже получилъ полное подтвержденіе этихъ фактовъ и что хотя кабинетъ не считаетъ возможнымъ формально вмѣшиваться во внутреннія дѣла чужой страны, но онъ разослалъ копіи Гладстоновыхъ писемъ британскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, чтобы они могли оказать нравственное вліяніе черезъ европейскія державы на положеніе дѣлъ въ Неаполѣ.

У Неаполитанскаго короля нашлись въ Англіи и защитники, которые пытались отрицать справедливость фактовъ Гладстона и обратить его письмо въ обвиненіе противъ него самого. Неаполитанскій агентъ въ Лондонѣ требовалъ отъ Пальмерстона, чтобы онъ разослалъ опроверженіе обвиненій Гладстона также ко всѣмъ британскимъ посламъ, но тотъ сухо и грубо отказался это сдѣлать.

Несмотря на это, положеніе дѣлъ въ Неаполѣ оставалось безъ серьезныхъ перемѣнъ, пока съ 1860 г. Гарибальди со своей «тысячью» не вторгнулся въ Неаполитанское королевство и не прогналъ Фердинанда вмѣстѣ съ его свитой живодеровъ, а Неаполь вмѣстѣ съ Сициліей не были присоединены къ Итальянскому королевству.

Трудно сказать, насколько Гладстонъ помогъ неаполитанцамъ освободиться; но несомнѣнно, что все это итальянское дѣло ему самому принесло большую пользу тѣмъ, что имѣло большое вліяніе на развитіе его собственныхъ политическихъ воззрѣній. Его знакомство съ неаполитанскими политическими узниками, между которыми было не мало очень даровитыхъ и очень образованныхъ людей, не могло не оказать сильнаго вліянія на воспріимчивый умъ Гладстона. Кромѣ того онъ также познакомился вообще съ пред-

ставителями «Молодой Италіи» и былъ въ близкихъ отношеніяхъ со многими изъ этихъ людей «добродѣтели, соединенной съ развитіемъ», какъ онъ ихъ назвалъ, напр. съ нѣкіимъ Фарини, котораго книгу—«Исторія Римскаго Государства отъ 1815 до 1850 г.»—онъ самъ перевелъ на англійскій языкъ и издалъ по возвращеніи домой. Лично Гладстонъ всегда отзывался о нихъ съ крайней теплотой и симпатіей. Какъ-бы то ни было—онъ возвратился изъ Италіи уже не тѣмъ, кѣмъ уѣхалъ.

Въ это время въ Англіи происходило слѣдующее: католическое движеніе закончилось довольно безтактными апостолическими письмами папы, которыми вся Англія и Шотландія раздѣлялись на католическія эпархіи съ назначенными уже для нихъ прелатами. Конечно это вызвало цѣлый взрывъ негодованія въ протестантахъ и выразилось крикомъ «долой папизмъ!». Министерство нашло нужнымъ даже предложить законодательную мѣру противъ католиковъ.

Съ другой стороны тѣхъ протестантовъ, которые были затронуты движеніемъ Ньюмана, какъ напр. Маннинга, Джемса Гона и др., это обостреніе отношеній заставило перейти открыто въ католицизмъ. Для Гладстона потеря Гона была большимъ ударомъ. Какъ мы уже видѣли выше, ихъ дружба была основана на чисто духовныхъ интересахъ и жила до тѣхъ поръ, пока они мыслили въ одномъ направленіи.

Къ этому времени старое либеральное министерство Росселя и Пальмерстона уже совсѣмъ расшаталось. Послѣднему велѣно было подать въ отставку за превышеніе власти и выраженіе симпатіи *coup d'état* Наполеона, а онъ въ отмщеніе провалилъ своего шефа. Словомъ—въ началѣ 1852 г. составленіе новаго кабинета было поручено лорду Дерби, который назначилъ Дизраэли министромъ финансовъ и вождемъ палаты общинъ, а въ то же время предложилъ Гладстону и его друзьямъ войти въ министерство. Но Гладстонъ отказался и оказывалъ этому кабинету во время его короткаго существованія очень сильную оппозицію. Это вызвало со стороны его политическихъ враговъ обвиненія, которыя повторяются и до сихъ поръ, что будто бы Гладстонъ сдѣлался либераломъ и покинулъ ряды консервативной партіи единственно изъ честолюбія и ревности къ Дизраэли, которому Дерби оказалъ предпочтеніе передъ нимъ, а что въ противномъ случаѣ онъ вошелъ бы въ этотъ кабинетъ.

Дѣло въ томъ, что Р. Пиль умеръ въ концѣ 1850 года, упавъ случайно съ лошади на улицахъ Лондона, и «пилиты» остались безъ

своего вождя. Тогда часть ихъ снова возвратилась въ консервативную партію, а болѣе вліятельная часть, какъ Гладстонъ, Граамъ, Сидней, Гербертъ и др. были дѣйствительно готовы служить съ Дерби, но не съ Дизраэли, съ которымъ Дерби былъ связанъ какимъ то условіемъ.

Какъ бы то ни было, когда Дизраэли выступилъ въ роли вождя Палаты Общинъ и представилъ свой бюджетъ, насталъ рѣшительный моментъ. Онъ хорошо понималъ, что вся сила оппозиціи въ «пилитахъ», и потому не пожалѣлъ красокъ и непарламентскихъ выраженій, чтобы развѣнчать ихъ вмѣстѣ съ манчестерской школой, и даже не пощадилъ памяти Пиля. За то же Гладстонъ по тогдашнему выраженію «изорвалъ въ куски его бюджетъ», въ которомъ предлагалось поддержать земледѣліе на счетъ городскихъ плательщиковъ и намекалось на полезность возстановить хлѣбные законы. Онъ доказалъ финансовую неспособность министерства и оставилъ его въ значительномъ меньшинствѣ, такъ что оно должно было немедленно подать въ отставку.

Съ этихъ поръ началась ожесточенная дуэль Гладстона съ Дизраэли, которая и продолжалась до самой смерти послѣдняго. Остроумная дерзость и безцеремонная фамильярность Дизраэли всегда придавали возвышенному краснорѣчію его противника особый оттѣнокъ не то благочестиваго негодованія, не то благороднаго презрѣнія. Одинъ разъ напр. кто-то, передавая Гладстону смѣясь одну изъ новыхъ политическихъ передержекъ Дизраэли назвалъ ее *забавной*.—«Вы находите это *забавнымъ*, замѣтилъ тотъ совершенно серьезно,—а по моему такъ это просто «дьявольски гадко!». Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе противоположнѣе этихъ двухъ личностей. «Дизи», какъ нарочно былъ созданъ для того, чтобы во всемъ представлять оборотную сторону медали. Пальмерстонъ также не былъ похожъ на Гладстона, но онъ все таки былъ природный англичанинъ и патріотъ, выросъ на однихъ и тѣхъ же понятіяхъ объ обыденной морали и т. д. Тогда какъ въ Дизраэли не обрѣталось ничего подобнаго:—это былъ авантюристъ чистой воды, умный, очень способный, но безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ и предразсудковъ на счетъ отечества. Собственная выгода, успѣхъ его партіи ради своей выгоды, и успѣхъ Англіи ради успѣха своей партіи. Этимъ исчерпывался весь нравственный багажъ этого «дьявольски» даровитаго еврея. И замѣчательно, что дороги ихъ какъ разъ перекрещивались: Гладстонъ началъ консерватизмомъ и постепенно дѣлался все либеральнѣе и либеральнѣе,

тогда какъ Дизраэли съ самаго начала выступилъ радикаломъ и кончилъ тори. Тотъ моментъ, когда они оба чуть было не встрѣтились въ министерствѣ Дерби 1852 г., составляетъ именно моментъ перекреста, когда оба они находились на полпути, только одинъ изъ эгоистическаго разсчета, а другой изъ искренняго убѣжденія.

VI.

Крымская война.

По парламентскимъ обычаямъ виновнику пораженія противной партіи въ будущемъ правительствѣ дается видное мѣсто. Поэтому при составленіи лордомъ Абердиномъ въ началѣ 1853 г. коалиціоннаго министерства изъ «пилитовъ» и виговъ Гладстонъ долженъ быть бы занятъ мѣсто министра финансовъ и *вождя палаты*. Но на дѣлѣ онъ получилъ только первое назначеніе, потому что великій вождь Дж. Россель все еще не былъ возведенъ въ перское достоинство и по старшинству долженъ былъ стоять во главѣ палаты. Только эта случайность спасла Гладстона отъ несенія главной доли отвѣтственности за неудачи Крымской войны. Это было то самое министерство, которому пришлось вести ее.

Хотя кабинетъ больше чѣмъ на половину состоялъ изъ «пилитовъ», но съ этихъ поръ либерализмъ Гладстона въ политическихъ и даже церковныхъ вопросахъ уже ясно опредѣлился. Это было очевидно и для его современниковъ, такъ что при переизбраніи его въ Оксфордѣ противъ него явилась сильная оппозиція, и ему приходилось защищаться, почему онъ рѣшился вступить въ союзъ съ вигами, врагами церкви. Среди его аргументовъ нѣкоторые были очень характерны: «если бы я не былъ увѣренъ, говорилъ онъ,—что интересы церкви въ рукахъ л. Абердина такъ же сохранны, какъ въ рукахъ Дерби, я конечно никогда не вступилъ бы въ его кабинетъ». Не ясно ли, что въ томъ то весь вопросъ и состоялъ, сохранны ли они въ рукахъ Абердина?—Подтвержденія этихъ опасеній его оппонентамъ пришлось ждать очень не долго: въ первую же сессію онъ стоялъ за допущеніе въ парламентъ еврея Ротшильда наравнѣ съ христіанскими депутатами. Тогда какъ по мнѣнію оксфордскихъ ортодоксовъ христіанскому характеру законодательнаго собранія отъ этого грозила серьезная опасность.

Затѣмъ насталъ финансовый тріумфъ Гладстона. Послѣ пораженія Дизраэли на бюджетѣ, естественно, гладстоновскаго бюджета вся палата ожидала съ большимъ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что это былъ его первый бюджетъ. Но дѣйствительность превзошла ея ожиданія. Въ теченіе пяти часовъ министръ финансовъ приковывалъ вниманіе своей огромной аудиторіи къ ряду сухихъ цифръ и вычисленій, ни мало не утомляя ее, такъ искусно умѣлъ онъ оживить эти цифры, связать съ дѣйствительной жизнью, возвести чуть не въ поэтическіе образы. Въ основаніе новой финансовой политики было положено постепенное погашеніе національнаго долга, рядомъ съ освобожденіемъ отъ обложенія предметовъ народнаго потребленія, какъ чай, мыло, марки, росписки, объявленія и т. п. путемъ временнаго возвышенія подоходнаго налога и двухъ конверсій, покрывавшихъ не менѣе $5^1/_2$ милліардовъ рублей. При всемъ этомъ получился излишекъ въ 30 милліоновъ рублей. Такая финансовая программа привела въ истинное умиленіе сторонниковъ министерства и совершенно обезоружила его оппонентовъ; всѣ были очень довольны, всѣ почувствовали, что государственные финансы находятся въ надежныхъ рукахъ. И послѣдствія вполнѣ оправдали такое сознаніе; хотя справедливость требуетъ прибавить, что успѣхи финансовъ въ эти и послѣдующіе годы объяснялись послѣдствіями освобожденія промышленности и торговли отъ покровительства, столько же какъ и талантомъ министра. Съ начала 50-хъ годовъ англійская промышленность и торговля развивались гигантскими шагами: это было начало золотой эры; а слѣдовательно и погашеніе національнаго долга на счетъ бѣшеныхъ барышей не представляло особыхъ затрудненій и не было ни для кого отяготительно.

Тѣмъ не менѣе у политическихъ враговъ Гладстона въ спискѣ ихъ смертельныхъ обвиненій противъ него и какъ доказательство его сознательнаго лицемѣрія и обмана публики стоитъ тотъ фактъ, что онъ при введеніи подоходнаго налога въ 1852 г. торжественно обязался постепенно отмѣнить его къ 1860 году, а на самомъ дѣлѣ не только не отмѣнилъ, а даже увеличилъ. Но дѣло въ томъ, что если бы въ 1854 г. не случилась Крымская война, стоившая странѣ по крайней мѣрѣ 400 милльоновъ рублей, то онъ и исполнилъ бы то, что обѣщалъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ дѣлать министра финансовъ отвѣтственнымъ за такіе экстренные расходы, какъ издержки войны. А что крымская война дѣйствительно оборвала естественный ходъ политической жизни страны и помѣшала нормальному развитію ея финансовъ—въ этомъ мы скоро убѣдимся.

Въ описываемое время затрудненія на Востокѣ все болѣе и болѣе усложнялись и наконецъ разрослись въ цѣлый восточный вопросъ. Недоразумѣнія между православной и католической церквями въ Палестинѣ дошли въ маѣ 1853 г. до того, что императоръ Николай I потребовалъ у Порты протектората надъ всѣми православными подданными султана. Такое требованіе въ глазахъ другихъ державъ, гарантировавшихъ цѣлость Турціи, равнялось низведенію этой державы на степень фиктивнаго территоріальнаго понятія, и онѣ протестовали, хотя когда дѣло дошло до мобилизаціи флотовъ, то готовыми оказались только Франція и Англія, да позднѣе къ нимъ пристала Сардинія; Австрія ограничивалась нотами, а Пруссія совсѣмъ стушевалась.

Въ Англіи два самые вліятельные министра—л. Абердинъ и Гладстонъ были противъ войны. Первый даже заранѣе рѣшилъ, что онъ выйдетъ въ отставку, если дѣло дойдетъ до вооруженнаго столкновенія. Говорятъ, что такое его рѣшеніе было хорошо извѣстно лично его знавшему императору Николаю и значительно помѣшало устраненію войны: русскій императоръ былъ увѣренъ, что пока л. Абердинъ во главѣ кабинета, Англія воевать не будетъ, и дѣйствовалъ сообразно съ этимъ!

Гладстонъ, какъ онъ самъ выражался, дѣлалъ все возможное, чтобы предупредить войну, но роковое теченіе событій оказалось сильнѣе его.

Насколько торговое сословіе и особенно манчестерцы были расположены хотя бы временно отказаться отъ наживанія гигантскихъ барышей для защиты какой-то Турціи, видно изъ того, что они снарядили мирную депутацію въ Петербургъ. Говорятъ, эта депутація окончательно убѣдила Николая I, что англійскіе лавочники, устроившіе выставку 1852 г. въ Хрустальномъ дворцѣ, ни за что не вмѣшаются въ войну.

Между тѣмъ переговоры продолжались. 4-го іюня англійскій флотъ вошелъ въ турецкія воды, а 2-го іюля русскія войска въ отвѣтъ на это перешли черезъ Прутъ и заняли Молдавію и Валахію. Общественное мнѣніе Англіи въ это время начало высказываться все сильнѣе и сильнѣе противъ Россіи, поведеніе которой объяснялось исключительно хищническими видами на Турцію. Это ободряло Турцію и давало ей право разсчитывать на поддержку со стороны Англіи въ случаѣ войны. Между тѣмъ англійское правительство не предпринимало ничего рѣшительнаго ни за войну, ни противъ нея, ограничиваясь одними словами.

Наконецъ 4-го октября, т. е. черезъ три мѣсяца Турція вдругъ прервала переговоры и объявила войну Россіи. Тогда было вмѣшалось австрійское правительство, составило умиротворительную ноту и разослало державамъ. Россія ее приняла, а Турція нѣтъ. Англійскій кабинетъ по этому вопросу раздѣлился: Россель совѣтовалъ принудить Порту принять ноту подъ страхомъ отказа въ дальнѣйшей поддержкѣ Англіи. Пальмерстонъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ былъ вполнѣ на сторонѣ Турціи. Л. Абердинъ не рѣшался ни на то, ни на другое, а Гладстонъ публично порицалъ Россію за ея заносчивость и посягательство на европейскій миръ и въ то же время доказывалъ безполезность и даже непослѣдовательность съ христіанской точки зрѣнія поддерживать умирающее тѣло Турціи; а въ заключеніе прибавлялъ, что министерство еще не теряетъ надежды возстановить миръ.

Все это очень напоминало консиліумъ молодыхъ и ученыхъ докторовъ, которые прекрасно знаютъ, что такое у больного, еще лучше знаютъ дѣйствіе всѣхъ лѣкарствъ, которыя можно было бы прописать больному,—но не могутъ рѣшиться ни на одно изъ нихъ, тратятъ время на теоретическіе споры, а больной между тѣмъ умираетъ.—Какой бы рѣшительный планъ ни приняли министры, отказать ли въ помощи Турціи, или же прямо съ самаго начала заявить Россіи, что «будутъ защищать умирающее тѣло», это было бы несравненно лучше той нерѣшительности, которая въ критическую минуту оказалась совершенно безсильной противъ народнаго энтузіазма, и вовлекла ихъ противъ воли и желанія, въ войну, стоившую странѣ 24,000 человѣкъ и 400 милліоновъ рублей денегъ.

На Гладстона въ этомъ случаѣ конечно падала добрая часть отвѣтственности; хотя его финансы и были въ наилучшемъ порядкѣ, это не спасло государства отъ потери 400 милліоновъ.—За три мѣсяца до открытія союзниками враждебныхъ дѣйствій онъ дѣлалъ палатѣ финансовый докладъ, изъ котораго оказалось, что отъ предыдущаго года въ казначействѣ остался избытокъ въ 27 милл. рубл. На военные же расходы втеченіе года ассигнованы были 50 милл. рубл., и весь недочетъ предлагалось покрыть удвоеннымъ подоходнымъ налогомъ, вмѣсто того чтобы дѣлать займы, т. е. возлагать тяжесть текущихъ расходовъ на будущія поколѣнія, какъ всегда рекомендовалъ Дизраэли.

Популярность министерства падала; противъ премьера раздавались даже упреки въ умышленной медленности военныхъ приготовленій; въ кабинетѣ появились признаки деморализаціи. Первыя

успѣшныя столкновенія съ русскими при Альмѣ, Балаклавѣ и Инкерманѣ послѣ крайне медленнаго передвиженія изъ Варны въ Крымъ, нѣсколько примирили общественное мнѣніе со своимъ неудачнымъ министерствомъ, но не надолго. Самое худшее было впереди.

Позднею осенью 1854 г. въ англійскомъ лагерѣ открылись: холера, дизентерія и др. болѣзни, ураганъ уничтожилъ почти весь лагерь; лазареты и медицинская помощь оказались въ самомъ плачевномъ состояніи; наконецъ въ сѣнѣ и вообще провіантахъ, теплой одеждѣ началъ чувствоваться все бо́льшій и бо́льшій недостатокъ. Британская армія буквально голодала и замерзала. И такое положеніе продолжалось цѣлыхъ три мѣсяца. Люди умирали отъ чудовищнаго безпорядка и отъ неумѣлости начальства. Изъ Англіи прибывали подкрѣпленія, но они только увеличивали число жертвъ: въ 50 дней заболѣло 8000 человѣкъ и были отправлены въ Англію. Цѣлые полки низведены до состава роты.

Понятно, что такія извѣстія съ театра войны поднимали въ Англіи цѣлую бурю негодованія. Радикалы въ парламентѣ потребовали назначить слѣдственную коммиссію надъ дѣйствіями правительства по поводу положенія британской арміи подъ Севастополемъ. Наканунѣ вотировки этого предложенія Дж. Россель подалъ въ отставку и тѣмъ подлилъ масла въ огонь: если самый старый и опытный министръ покидаетъ министерство въ самую критическую минуту, значитъ его дѣла такъ плохи, что ихъ нельзя и защищать. Тѣмъ не менѣе министерство конечно возстало противъ назначенія коммиссіи, но при голосованіи осталось въ огромномъ меньшинствѣ и подало въ отставку. Такъ окончилось это коалиціонное правительство, про которое Дизраэли при самомъ составленіи его говорилъ: «Англія не любитъ коалицій».

Теперь во главѣ новаго кабинета сталъ Пальмерстонъ, какъ представитель антирусской политики среди виговъ, а «пилиты» вошли въ составъ его только на условіи, что премьеръ будетъ противиться назначенію коммиссіи. Но очень не на долго, потому что коммиссія таки была назначена, и они вышли въ отставку при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ войны, чѣмъ сильно повредили своей репутаціи въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Съ другой стороны не вступать Гладстону въ это правительство Пальмерстона также было неудобно, потому что никто не хотѣлъ браться за финансы, изъ боязни безпощадной критики Гладстона, — такъ великъ былъ его авторитетъ въ этихъ дѣлахъ.—Какъ-бы то ни было этимъ окончилось существованіе «пилитовъ», какъ особой партіи въ парламентѣ,—

послѣ этой позорной отставки имъ уже никогда не удалось возвратить себѣ прежняго вліянія, когда на нихъ смотрѣли, по выраженію Гладстона, какъ на «ледяныя горы», съ которыми, несмотря на ихъ видимую малую величину, столкновеніе было крайне опасно. Съ этихъ поръ Гладстонъ начинаетъ фигурировать въ парламентѣ какъ отдѣльная личность, какъ ни сильно пострадала его популярность отъ крушенія «пилитовъ». Она достигаетъ своихъ прежнихъ размѣровъ не раньше 1860 года, когда онъ уже вполнѣ присоединился къ либеральной партіи и когда явилась крайняя надобность въ его реформаторскихъ способностяхъ, на которыхъ и строится его дальнѣйшая карьера.

Но и министерству Пальмерстона, наполненному новыми членами, предстояла не многимъ лучшая участь. 18 февраля 1885 г. умеръ Николай I, и была сдѣлана попытка прекратить кровопролитіе путемъ мирнаго соглашенія, для чего въ Вѣнѣ собралась конференція. Представителемъ отъ Англіи на нее былъ посланъ Дж. Россель съ цѣлью добиться отъ Россіи согласія на такъ называемые «четыре пункта», изъ которыхъ два главные состояли въ прекращеніи русскаго преобладанія на Черномъ морѣ и въ признаніи Турціи первоклассной державой, а слѣдовательно отказа Россіи отъ первоначальнаго требованія протектората. Достигнуть этой цѣли конференціи не удалось, и по возвращеніи Росселя въ Англію нападки на военное министерство до того усилились, что онъ долженъ былъ еще разъ выйти въ отставку, чтобы избѣжать отвѣтственности, чѣмъ окончательно уронилъ себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Зато въ эту же сессію, когда война возобновилась съ прежней силой и Англія наняла за 10 мил. руб. 15.000 сардинцевъ, Гладстонъ выступилъ съ совершенно противоположнымъ требованіемъ. Онъ доказывалъ, что цѣль войны уже достигнута, что Россія согласилась на всѣ тѣ требованія, которыя ей предъявлялись до начала войны, и даже почти на всѣ «четыре пункта» Вѣнской конференціи. Ограниченіе-же русской силы на Черномъ морѣ онъ считалъ уже слишкомъ унизительнымъ для нея и не необходимымъ въ виду тѣхъ ужасовъ, съ которыми связано продолженіе войны. «Если-же мы, продолжалъ онъ,—сражаемся теперь изъ за *одной военной славы*, то пусть палата посмотритъ на это чувство глазами разума и оно покажется ей безнравственнымъ, безчеловѣчнымъ и не христіанскимъ».

Такія рѣчи въ то время, когда общественное мнѣніе Англіи ки-

пѣло негодованіемъ и жаждой мести за потерянныя силы и неудачи, были болѣе чѣмъ смѣлыми, онѣ равнялись чуть не самоубійству, потому что давали въ руки противниковъ могущественное орудіе, которымъ было очень легко совершенно парализовать и вліяніе и популярность Гладстона на много лѣтъ; кромѣ того эта рѣчь сама по себѣ вызвала въ странѣ сильную сенсацію и даже прямыя обвиненія въ томъ, что Гладстонъ—умышленно или нѣтъ—играетъ въ руку врагамъ отечества. Въ парламентѣ противъ него были не только враги-тори, но и недавніе товарищи, какъ напр. Дж. Россель, Пальмерстонъ и другіе. Однакоже къ чести Гладстона и въ опроверженіе тѣхъ, кто считаетъ его лишь опортюнистомъ, нужно сказать, что перспектива непопулярности въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, позднѣе, его не испугала, до самаго окончанія войны онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы доказывать ея ненужность и безчеловѣчность.

Наконецъ въ сентябрѣ 1855 г. Севастополь палъ, а въ мартѣ слѣдующаго года было заключено парижское перемиріе, по которому Россія признала всѣ 4 пункта Вѣнской конференціи. 16 іюня палатѣ былъ представленъ отчетъ слѣдственной коммиссіи слѣдующаго содержанія: «Страданія британскихъ войскъ подъ Севастополемъ происходили оттого, что администрація не имѣла надлежащихъ свѣдѣній ни о числѣ русскихъ войскъ въ Крыму, ни о средствахъ страны; она разсчитывала на скорое и усиленное окончаніе экспедиціи, а не на продолжительную борьбу, и потому не сдѣлала своевременныхъ приготовленій къ зимней компаніи»...

Съ другой стороны вотъ слова самаго Гладстона, сказанныя по поводу крымской войны 20 лѣтъ спустя: «Въ сущности цѣль этой войны была отстоять европейскій законъ отъ самовластнаго нарушенія одной державою. Другими словами она состояла въ защитѣ цѣлости и независимости Оттоманской Имперіи противъ Россіи, и была обязательна для англійскаго правительства въ интересахъ справедливости и международнаго права, чего-бы она ни стоила странѣ и казначейству».

Такимъ образомъ Гладстонъ ищетъ оправданія практическихъ ошибокъ въ нравственной неизбѣжности. Но страна вывела изъ горькаго опыта Крымской войны другой урокъ, даже многіе поклонники Гладстона сознаются, что мало не желать войны, нужно умѣть избѣгать ея, а разъ война неизбѣжна, успѣшно руководить ею могутъ только люди желающіе драться, а не морализировать, что Гладстонъ для этого не годится, и что было-бы гораздо лучше

и для него самаго, и для партіи и для Англіи если-бы онъ, какъ моралистъ, слѣдовалъ примѣру квакера Дж. Брайтома, который наотрѣзъ отказывался отъ участія въ какихъ-бы то ни было войнахъ, а не останавливался на полдорогѣ. И послѣдующія событія вполнѣ подтвердили это.

VII.

Не у дѣлъ.

Втеченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ положеніе Гладстона и въ парламентѣ да и въ странѣ было крайне изолированное. Его тогдашнія воззрѣнія и стремленія сводились къ какому то примѣшиванію своихъ клерикальныхъ принциповъ ко всему, о чемъ ни заходила рѣчь. Такое отношеніе къ государственнымъ дѣламъ не находило себѣ мѣста въ тогдашней палатѣ и даже не встрѣчало отзыва въ странѣ. Это чувствовалось имъ и выразилось въ какой то горечи и въ оппозиціи обѣимъ парламентскимъ партіямъ. Съ одной стороны онъ подвергалъ безпощадной критикѣ финансы замѣстившаго его пока сэра Льюиса, отстаивалъ отъ налоговъ предметы народнаго потребленія, а съ другой—возставалъ противъ самаго умѣреннаго проэкта свѣтскаго и обязательнаго народнаго образованія; возмущался шовинизмомъ правительства въ Китаѣ, и тратилъ массу силъ и энергіи на борьбу съ проэктомъ Пальмерстона объ бракоразводномъ судѣ. Во время обсужденія этого проэкта онъ говорилъ не менѣе 70 разъ, писалъ статьи въ журналахъ, полемизировалъ въ газетахъ, ораторствовалъ въ частныхъ собраніяхъ и корреспондировалъ о томъ же предметѣ съ друзьями. Онъ всюду доказывалъ, что бракъ есть «тайна христіанской религіи», а не только и не главнымъ образомъ—гражданскій актъ; что по самому божественному закону онъ долженъ быть нерасторжимъ, и обѣ стороны могутъ вступать въ него только одинъ разъ». Онъ предсказывалъ что «учрежденіе такого суда поведетъ къ разложенію христіанской, семейной и общественной нравственности»... Тѣмъ не менѣе законъ о разводахъ прошелъ и такой трибуналъ былъ учрежденъ.

Тогда же онъ говорилъ: «Мнѣ очень больно быть не у дѣлъ, тѣмъ болѣе, что есть такъ много дѣла, которое мнѣ очень бы хотѣлось дѣлать. Лучшіе годы моей жизни уходятъ безполезно, и все-

таки я не перестаю радоваться, что не служу съ Пальмерстономъ, всякій разъ какъ вижу его подтасовку, шуллерство и обманы, къ которымъ онъ ежедневно прибѣгаетъ въ своей дѣятельности.—Я отъ души радуюсь, что не сижу на одной министерской скамьѣ съ нимъ».

Наконецъ Пальмерстонъ внесъ безтактный проэктъ дополненія закона о заговорѣ къ убійству по поводу покушенія Орсини на жизнь Наполеона III. Тогдашняя французская пресса увѣряла, что весь заговоръ почти открыто и безнаказанно велся изъ Лондона и бросала такимъ образомъ тѣнь на англійское правительство. Противъ этого проэкта возстали даже партизаны министра, а въ томъ числѣ и Гладстонъ. Въ этомъ косвенномъ признаніи недостаточности англійскаго закона видѣли угодничество Наполеону, который вообще никогда не пользовался въ Англіи никакимъ уваженіемъ и котораго наемная пресса никогда не смѣшивалась въ глазахъ англичанъ съ истиннымъ общественнымъ мнѣніемъ разумной Франціи. Пальмерстонъ остался въ меньшинствѣ и подалъ въ отставку.

Тогда образовалось торійское министерство лорда Дерби и Дизраэли, и послѣдній потомъ писалъ къ Вильберфорсу: «Какъ мнѣ хотѣлось, чтобы Вы уговорили Гладстона принять участіе въ Кабинетѣ л. Дерби. И не моя вина, что онъ не согласился на это. Я чуть не на колѣняхъ просилъ его объ этомъ»... И все это была фальшь. Дѣло въ томъ, что для Дизраэли Гладстонъ былъ самымъ опаснымъ противникомъ, и ему во что-бы то ни стало хотѣлось избавиться отъ него, для чего самый вѣрный способъ конечно былъ сдѣлать его соучастникомъ своей политики. Хотя этотъ планъ ему и не удался, но на время Гладстонъ все-таки позволилъ себя провести и согласился на предложеніе Дерби поѣхать на Іонійскіе о-ва экстреннымъ коммиссаромъ королевы, «благо онъ вообще такъ любилъ грековъ и все греческое, начиная съ Гомера».

Дѣло въ томъ, что эти о-ва съ 1815 г. находились подъ протекторатомъ Англіи и теперь выражали желаніе быть присоединенными къ Греціи. Гладстону было поручено изслѣдовать, дѣйствительно ли все населеніе желаетъ этого, или это лишь дѣло одной партіи. Болѣе безпристрастнаго изслѣдователя трудно было найти. Онъ ѣздилъ по островамъ, принималъ вездѣ депутаціи, собиралъ всевозможныя свѣдѣнія, бесѣдовалъ съ ихъ сенатомъ въ Корфу, составилъ для нихъ подробнѣйшій планъ конституціи. Но въ концѣ концовъ долженъ былъ донести своему правительству, что Іонійцы хотятъ присоединенія къ Греціи и больше ничего. Такъ и было сдѣлано.

За полную искренность всѣхъ перемѣнъ, которыя совершались въ воззрѣніяхъ Гладстона втеченіе всей его жизни, говоритъ ихъ цѣльность. Онъ мѣняется всю свою жизнь, мѣняется не только въ однихъ какихъ-нибудь своихъ взглядахъ, но во всѣхъ, мѣняется въ одномъ и томъ же направленіи и не только во взглядахъ, но даже во вкусахъ и привычкахъ. Такъ въ 1858 году онъ посвящаетъ свой досугъ уже совсѣмъ не тѣмъ предметамъ что въ 1838. Тогда теологическіе споры поглощали все его вниманіе, а теперь онъ весь уходитъ въ Гомера, въ эпическую старину, въ поэтическую цѣльность патріархальнаго человѣка и его общественной жизни. Онъ самъ сознается, что Гомеръ для него служитъ дополненіемъ библіи, что библія изображаетъ патріархальнаго человѣка только въ одномъ отношеніи—въ религіозномъ, тогда какъ пѣсни Гомера рисуютъ его, какимъ онъ былъ въ реальной жизни, во всѣхъ его положеніяхъ, «одинаково далекимъ, какъ отъ рая, такъ и пороковъ позднѣйшаго язычества», рисуютъ настоящее и цѣльное дѣтство человѣческой расы. Онъ вѣритъ не только въ реальность самаго смѣлаго старца съ о-ва Скіо, образъ котораго всегда имѣетъ для него какую то чарующую прелесть, но въ извѣстной степени и въ истинность всего того, что онъ поетъ. Его вдохновеніе въ глазахъ Гладстона рисуется чѣмъ то среднимъ между вдохновеніемъ геніальнаго поэта и откровеніемъ библейскаго пророка, и самъ Гомеръ стоитъ на рубежѣ поэзіи и религіи. Вотъ почему онъ отводитъ ему первое мѣсто въ великой плеядѣ поэтовъ: Гомера, Данте и Шекспира.

По собственнымъ словамъ Гладстона, будучи въ школѣ, онъ совсѣмъ не интересовался такъ греческой стариной, какъ 30-ть 40 лѣтъ спустя, когда изученіе ея сдѣлалось для него не только любимымъ препровожденіемъ времени, но и настоящею страстью, которой онъ дѣйствительно отдавалъ все свое свободное время отъ обязательныхъ занятій государственными дѣлами. Поѣздка на Іонійскіе о-ва еще болѣе усилила въ немъ эту страсть, и въ 1858 г. онъ выпустилъ свой первый трудъ по этому предмету—«Изслѣдованія о Гомерѣ и его вѣкѣ». (Studies on Homer and the Homeris Age), за которымъ позднѣе послѣдовали «Дѣтство міра» (1869 г.) «Гомеровскій синхронизмъ» (1876 г.) и множество мелкихъ замѣтокъ и статей.

Всѣ эти работы, по отзывамъ спеціалистовъ, могли бы поглотить цѣлую жизнь кропотливаго труда, между тѣмъ какъ Гладстономъ онѣ дѣлались въ часы досуга между занятіями службы. Правда,

онѣ носятъ на себѣ слѣды аматерскаго труда въ томъ смыслѣ, что рядомъ съ самыми мелкими подробностями въ нихъ есть очень крупные пробѣлы, но то, что сдѣлано Гладстономъ, составляетъ цѣнный вкладъ въ литературу по этому предмету даже для ученыхъ спеціалистовъ. А кромѣ того въ нихъ безпрестанно попадаются поразительно яркія страницы, интересныя и увлекательныя для самаго рядового читателя.

«Тамъ гдѣ другіе поэты дѣлаютъ эскизы, Гомеръ рисуетъ, а гдѣ они рисуютъ, тамъ онъ рѣжетъ». Такъ Гладстонъ характеризуетъ стиль своего любимаго автора.

«Это единственный поэтъ древности, который, творя изъ своего воображенія, остается настолько вѣрнымъ дѣйствительности, такъ точенъ въ описаніи современной ему жизни, обычаевъ и нравовъ, исторіи, теологіи, политики и культуры, что служитъ для насъ самымъ достовѣрнымъ и полнымъ лѣтописцемъ своего времени».

Вотъ небольшой отрывокъ изъ описаній Гладстона, составленныхъ по Гомеру.

«Юноша высокаго происхожденія тогда не былъ такъ удаленъ отъ простыхъ людей, какъ теперь; онъ воспитывался подъ надзоромъ учителей въ уваженіи къ своимъ родителямъ и въ стремленіи превозносить ихъ славу; онъ принимаетъ участіе въ благородныхъ забавахъ; учился владѣть оружіемъ; закалялъ себя въ самомъ необходимомъ изъ тогдашнихъ спортовъ—охотѣ на дикихъ животныхъ учился медицинѣ, а также можетъ быть игрѣ на лирѣ. Иногда, при большой разносторонности натуры, онъ даже умѣлъ строить свой собственный домъ или корабль, или твердою рукою рѣзать плугомъ прямыя борозды и жать хлѣбъ.

«Едва успѣвалъ онъ сдѣлаться человѣкомъ, какъ уже носилъ оружіе на защиту своего отечества или племени; принималъ участіе въ управленіи; учился изъ примѣра и опыта, какъ управлять людьми силой убѣжденія и разума въ народныхъ собраніяхъ; присутствовалъ и помогалъ въ жертвоприношеніяхъ богамъ. Все это время онъ находился въ добрыхъ свободныхъ отношеніяхъ не только съ родителями, со своими семейными, своими равными и сверстниками, но и со слугами, хотя они простые крѣпостные, которые знали его съ малыхъ лѣтъ въ отцовскомъ имѣніи.

«Въ чемъ ему давалось дѣйствительно ложное направленіе, такъ это въ употребленіи своей силы. Жизнь человѣческая была очень дешева; такъ дешева, что даже очень тихій и скромный юноша могъ увлечься какой-нибудь пустой ссорой въ дѣтской игрѣ съ товарищами и погубить ее. И такъ во всю остальную жизнь: какъ только что-нибудь возбуждало до самого дна его страсти, въ немъ просыпался какъ бы дикій звѣрь и онъ на время переставалъ быть человѣкомъ, пока разумъ снова не пріобрѣталъ надъ нимъ своей вла-

сти. Но и не говоря о такихъ вспышкахъ страсти, хотя онъ ни за что на свѣтѣ не укралъ бы чего-нибудь у своего друга или сосѣда, но едва ли онъ отказался бы отнять у него, что ему нравится, если это требовало особенной ловкости; что же касается до личнаго его врага или врага его племени, то онъ просто отнималъ что могъ силой, а то такъ не стѣснялся нанести ему и смертельный ударъ. Однакожь онъ былъ всегда очень щедръ къ нуждающимся; путнику, бѣдняку или нищему, просящему у него пристанища и защиты. Точно такъ-же какъ и въ томъ случаѣ, если бы онъ самъ потерялъ все свое имущество, онъ могъ смѣло разсчитывать на щедрую и простодушную помощь своихъ сосѣдей».

VIII.

Финансовый тріумфъ.

Между тѣмъ какъ Гладстонъ улаживалъ дѣла іонійцевъ въ 1858 г., въ политическомъ мірѣ Европы скоплялось все больше и больше электричества. Отношенія Австріи съ Франціей обострились, этимъ воспользовался сардинскій король Викторъ Эмануилъ и его министръ Кавуръ, чтобы свести окончательные счеты съ австрійцами, занимавшими тогда Ломбардію. При помощи французской арміи Наполеона сардинцы выгнали австрійцевъ и провозгласили возстаніе всѣхъ итальянскихъ народностей для объединенія въ одно государство. Гарибальди вторгнулся въ Королевство обѣихъ Сицилій и сдѣлалъ тамъ то же, что сардинцы на сѣверѣ, выславъ неополитанскаго короля Фердинанда и также провозгласилъ объединеніе Италіи.

Все это слишкомъ близко касалось англичанъ, а тѣмъ больше Гладстона, чтобы они могли оставаться покойными. Надежды начали обновляться, духъ повсюду воспрянулъ и началась агитація за парламентскую реформу, за всеобщую подачу голосовъ, за представительство рабочихъ. Политическая реформа была уже давно обѣщана, но нѣсколько разъ откладывалась то изъ за отмѣны хлѣбныхъ законовъ, то изъ за Крымской войны, и теперь терпѣніе народа начинало истощаться. Дж. Брайтъ игралъ въ этой агитаціи ту же роль какъ Кобденъ въ 1846 г., онъ былъ душой и представителемъ болѣе состоятельной и вліятельной части движенія, хотя въ немъ были и другія, болѣе крайнія теченія, требовавшія въ то же время и поземельной и экономической реформы. Наконецъ мини-

стерство Дерби и Дизраэли было вынуждено сдѣлать что-нибудь. И вотъ Дизраэли теперь въ первый разъ сдѣлалъ попытку «дрессировать» свою партію, какъ онъ выразился, т. е. пріучать ее къ тому, что ей самой гораздо выгоднѣе проводить либеральныя реформы, когда онѣ назрѣли и сдѣлались неизбѣжными, лишая ихъ жала и пожиная лавры популярности среди демократіи, чѣмъ ожидать что это сдѣлаютъ либералы. Этотъ новый способъ обманывать народъ или «играть съ вопросомъ», какъ выражался Гладстонъ, тогда въ первый разъ былъ названъ тори-демократизмомъ и навсегда неразрывно соединился съ именемъ Дизраэли. Тотъ же самый политическій фокусъ давно уже практиковался во Франціи, своемъ истинномъ отечествѣ, подъ разными видами цезаризма то Наполеономъ I съ побѣдоноснымъ оружіемъ въ рукахъ, то Наполеономъ III—при помощи кошелька, бѣлыхъ блузъ и плебесцита. Дизраэли имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь ограниченную парламентскую арену но тѣмъ не менѣе съумѣлъ ею воспользоваться для своихъ цѣлей.

Онъ объявилъ, что вноситъ биль объ расширеніи избирательнаго права. По этому билю право вотировать получали всѣ имѣющіе до 100 рублей ежегоднаго дохода со своихъ капиталовъ, лежащихъ въ банкѣ, или получающіе до 200 руб. пенсіи, всѣ получившіе университетское образованіе, священники, доктора, юристы и т. д. Словомъ это было установленіе довольно высокаго образовательнаго и имущественнаго ценза, вмѣсто всеобщаго права, котораго требовалъ народный голосъ.

Но на этотъ разъ «Дизи» ошибся въ разсчетѣ; большинство палаты было противъ его реформы; однихъ (либераловъ) она не удовлетворяла, а другимъ (тори) казалась поруганіемъ партіонныхъ традицій. Позднѣе они «выдрессировались» и безпрекословно шли уже за своимъ вожакомъ, зная, что онъ «ведетъ ихъ къ успѣху», а до остального имъ не было дѣла; но теперь до этого еще не дошло. Гладстонъ же, какъ всегда вѣрный принципу, вотировалъ за эту реформу, надѣясь исправить ея недостатки при обсужденіи, но этого ему не пришлось дѣлать, такъ какъ министерство осталось въ такомъ меньшинствѣ, что должно было подать въ отставку.

Новое министерство состояло изъ Пальмерстона въ палатѣ лордовъ и Гладстона въ палатѣ общинъ, хотя все-таки еще не вождемъ ея, а только министромъ финансовъ. Принявши мѣсто въ чисто либеральномъ кабинетѣ, Гладстонъ чуть было опять не лишился своего избирательнаго округа, такъ какъ въ Оксфордѣ его переизбраніе встрѣтило такую сильную оппозицію, что результатъ выборовъ

оставался до самой послѣдней минуты подъ сомнѣніемъ. Это были уже послѣдніе выборы, при которыхъ клерикальный округъ рѣшился довѣрить свой голосъ Гладстону. Становилось очевиднымъ, что по мѣрѣ того, какъ возростаетъ его популярность среди средняго класса и демократіи, аристократія и духовенство отъ него отворачиваются. И дѣйствительно, вслѣдъ за такими нерѣшительными выборами въ Оксфордѣ въ 1859 г. прогрессивный Эдинбургскій университетъ выбралъ его своимъ почетнымъ ректоромъ.

Какъ-бы то ни было, съ этихъ поръ опять открывается пора блестящихъ финансовыхъ тріумфовъ Гладстона. Послѣ Крымской войны теперь въ первый разъ золотая эра англійской промышленности и торговли начала опять чувствоваться, страна опять вошла въ свою рабочую колею и Гладстонъ съ его разнообразными способностями и талантами опять занялъ свое заслуженное мѣсто въ уваженіи своихъ согражданъ.

Почти тотчасъ послѣ вступленія въ кабинетъ ему пришлось представлять палатѣ свой второй бюджетъ на слѣдующій годъ, при 50 милліонахъ дефицита, оставшагося ему въ наслѣдство отъ его предшественника. Нисколько не церемонясь, Гладстонъ тотчасъ же возвысилъ подоходный налогъ съ 2% почти на 4%, кладя въ основаніе своихъ финансовъ опять тотъ же здоровый принципъ, что всѣ экстренные и временные расходы, какъ и погашеніе части національнаго долга и освобожденіе отъ обложенія предметовъ народнаго потребленія должны дѣлаться изъ прихода этого же года, а не раскладываться на будущія поколѣнія въ видѣ долгосрочныхъ займовъ. Главнымъ же источникомъ экстренныхъ доходовъ опять-таки долженъ былъ служить подоходный налогъ, который при тогдашнемъ блестящемъ промышленномъ и торговомъ балансѣ можно было свободно увеличивать.

Что же касается до нововведеній въ экономической политикѣ, то ихъ было главнымъ образомъ два. Во-первыхъ, Гладстонъ очень скоро предложилъ палатѣ утвердить торговый договоръ съ французскимъ правительствомъ Наполеона, уже подготовленный главой манчестерцевъ Кобденомъ на свой собственный страхъ и одобренный министерствомъ. А во-вторыхъ, былъ внесенъ биль объ освобожденіи отъ всякаго налога печатной бумаги, или иными словами сложеніе налога со знанія, и удесятереніе распространенія дешевой прессы и литературы. Понятно, что такая мѣра упала какъ бомба въ лагерь враговъ просвѣщенія, дневного свѣта и монополистовъ прессы и литературы. Все, что было обскурантнаго, трусливаго и

себялюбиваго въ парламентѣ и внѣ его напрягло всѣ свои силы, чтобы провалить проектъ Гладстона. И на время имъ это удалось; законъ не прошелъ въ палатѣ лордовъ. Тогда Гладстонъ, раздраженный и возмущенный недобросовѣстностью враговъ, сказалъ рѣчь, которую Россель назвалъ «великолѣпно-сумасшедшей». Доказавши, что лорды не имѣли законнаго права вмѣшиваться въ финансовыя мѣры палаты Общинъ, Гладстонъ закончилъ угрозой, что онъ «оставляетъ за собой право найти средства осуществить рѣшеніе Нижней палаты».

Это было первое открытое столкновеніе Гладстона съ аристократіей и всѣ думали, что онъ вѣроятно подастъ въ отставку. Но Гладстонъ нашелъ средство гораздо проще: въ слѣдующую сессію онъ просто включилъ эту мѣру въ одинъ биль со многими другими финансовыми мѣрами, которыя нисколько не касаются до лордовъ и не подлежатъ ихъ вѣдѣнію. Верхней палатѣ оставалось или явно нарушить конституцію, или проглотить пилюлю. Она такъ и сдѣлала. Этотъ законный маневръ стоилъ Гладстону многихъ непримиримыхъ враговъ, къ числу которыхъ нужно отнести и маркиза Салисбюри, разразившагося тогда самыми рѣзкими личными нападками, на которыя тотъ не счелъ нужнымъ отвѣчать.

Вообще этотъ періодъ отъ 1859 г. до 1865 г. должно считать тѣмъ временемъ, когда популярность Гладстона въ странѣ и главнымъ образомъ среди средняго класса и привиллегированныхъ рабочихъ получила себѣ твердую почву. Какъ извѣстно, для торговаго класса никакіе аргументы, никакіе успѣхи и побѣды не имѣютъ цѣны до тѣхъ поръ, пока они не реализируются въ формѣ увеличенія прибылей. Вся предыдущая парламентская карьера Гладстона аттествовала его скорѣе какъ очень способнаго, но довольно ненадежнаго политика, который иногда, въ самыя критическія минуты можетъ дѣлать непростительныя непрактичности ради какихъ нибудь фантазій,—такъ говорили по крайней мѣрѣ практики. И вотъ теперь онъ доказывалъ рядомъ годовъ своей финансовой политики, что онъ не только понимаетъ, не только можетъ хорошо говорить, но умѣетъ и реализировать прекрасную прибыль, въ его опытныхъ рукахъ все превращается въ барыши. И главное въ какое время? Когда напр. Франція въ теченіе 20 послѣднихъ лѣтъ нажила себѣ до $2^1/_2$ милліардовъ рублей государственнаго долга; когда долгъ всѣхъ державъ Европы въ одинъ 1861 г. увеличился на 2 милліарда рублей. Англія въ это время не только не сдѣлала ни копѣйки долга, несмотря на Крымскую войну, а постепенно и настойчиво уменьшала его. За послѣднія 10 лѣтъ съ 1850 г. національный долгъ ея

былъ уменьшенъ на 700 милл. рублей; а ежегодные проценты по займамъ сократились на 60 милліоновъ. Вотъ почему въ результатѣ получалось, что за послѣдніе 3 года, въ 1864 г. обложеніе вообще уменьшилось на 65 милл. и крики политическихъ враговъ на непомѣрное возрастаніе налоговъ были совсѣмъ парализованы, а слава Гладстона, какъ финансиста и государственнаго человѣка, росла не по днямъ, а по часамъ.

Кромѣ этихъ общихъ мѣръ въ 1861 г. были основаны почтовыя сберегательныя кассы, которыя сразу сдѣлались очень популярнымъ учрежденіемъ среди мелкаго мѣщанства и состоятельныхъ рабочихъ. А въ 1864 г. къ этому была присоединена операція постепеннаго пріобрѣтенія вкладчиками сберегательныхъ кассъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, что сдѣлало малыя сбереженія не только абсолютно сохранными, но и доходными.

Но были въ эти годы и темныя пятна на политической карьерѣ Гладстона. Одно изъ нихъ напр. состояло въ томъ, что онъ съ самаго начала гражданской войны въ Соединенныхъ Штатахъ сталъ на сторону южанъ, публично утверждая, что Югъ самъ гораздо скорѣе и легче избавится отъ рабства, чѣмъ подъ давленіемъ Сѣвера. Такое заявленіе поставило его въ натянутыя отношенія съ американскимъ обществомъ, помимо того дѣла о южанскихъ крейсерахъ, которые отчасти по винѣ Англіи нанесли сѣверянамъ столько вреда. Мы скоро увидимъ, какъ дорого Гладстону пришлось заплатить за это дѣло. Что же касается до его личныхъ счетовъ съ Соединенными Штатами, то въ 1867 г. онъ обратился къ одному своему американскому знакомому съ полуоткрытымъ письмомъ, въ которомъ откровенно сознался въ своей ошибкѣ и тѣмъ въ значительной мѣрѣ примирилъ съ собою янки. Но зато домашніе враги до сихъ поръ не могутъ простить ему этого.

Въ 1864 г. по поводу предложенія одного частнаго члена парламента понизить городской имущественный цензъ для парламентскихъ выборовъ съ 100 руб. квартирной платы въ годъ на 60, что включило бы въ число избирателей добрую долю рабочихъ, то по поводу этого предложенія Гладстонъ въ первый разъ высказался въ принципѣ за распространеніе избирательнаго права на рабочій классъ. «На тѣхъ кто лишаетъ $^{49}/_{50}$ рабочаго класса политическихъ правъ, сказалъ онъ, лежитъ обязанность доказать ихъ неспособность пользоваться ими. По моему же всякій человѣкъ, не обладающій какими-нибудь исключительно дурными качествами, имѣетъ нравственное право пользоваться конституціею страны».... Дальше

онъ отвѣчаетъ на возраженіе, что рабочіе сами не требуютъ себѣ этихъ правъ, такимъ образомъ: «Рабочіе начинаютъ агитировать, только когда ихъ положеніе становится уже совсѣмъ невыносимымъ, поэтому законодатель долженъ не доводить дѣло до агитаціи среди рабочихъ, а предупреждать ее».

Такія рѣчи, понятно, совсѣмъ не нравились ни тори, ни даже умѣреннымъ либераламъ, привыкшимъ рѣшаться на что-нибудь серьезное только изъ подъ-палки. Всѣ знали, что разъ Гладстонъ призналъ, что-нибудь въ принципѣ, не долго придется ждать и осуществленія этого принципа.

Зато бюджетъ 1865 г. былъ принятъ всѣми партіями безъ всякаго возраженія и мирно заключилъ этотъ блестящій періодъ парламентской исторіи.

IX.

Гладстонъ и клерикалы.

Такимъ образомъ лѣтомъ 1865 г. мирно истекъ семилѣтній срокъ парламента и были объявлены одни изъ самыхъ тихихъ и неинтересныхъ выборовъ. Единственное исключеніе составлялъ Оксфордъ,—тамъ происходила бурная борьба изъ-за того «быть» Гладстону ихъ представителемъ или «не быть». И въ концѣ концовъ послѣ трехъ дней тревоги и ожиданій оказалось, что «не быть». Зрѣлище было дѣйствительно интересное; баллотировался самый способный и самый популярный человѣкъ въ парламентѣ, замѣчательный государственный дѣятель, очень солидный ученый, образцовый дѣлецъ и лучшій финансистъ въ Англіи и ко всему этому педантичный ревнитель морали и протестантизма—и оксфордскіе клерикалы его не выбираютъ на томъ основаніи, что за 2 или 3 мѣсяца до выборовъ онъ имѣлъ смѣлость открыто высказать въ парламентѣ, что положеніе государственной протестантской церкви въ Ирландіи ложно и требуетъ вниманія правительства. Этого было достаточно, чтобы перевѣсить всѣ остальныя достоинства кандидата. Въ сказанныхъ Гладстономъ словахъ увидѣли—и совершенно основательно—его намѣреніе отмѣнить въ Ирландіи государственную протестантскую церковь, т. е. покушеніе на церковныя имущества и на синекуры духовенства. А изъ какихъ побужденій, ради

какихъ цѣлей это дѣлалось, оксфордскимъ клерикаламъ, до этого дѣла было мало.

Какъ бы то ни было, Гладстону нужно было въ самую послѣднюю минуту выборовъ искать другого округа. И онъ нашелъ его въ южномъ Манчестерѣ и Ливерпулѣ, гдѣ и былъ выбранъ довольно хорошимъ большинствомъ.

Пальмерстонъ говорилъ во время оксфордскихъ выборовъ: «Держите его въ Оксфордѣ, тамъ на немъ есть намордникъ, а только отпустите его въ какое-нибудь другое мѣсто,—и онъ взбѣсится». Или въ другой разъ онъ замѣтилъ: «Скоро онъ займетъ у васъ мое мѣсто и тогда начнутся странныя дѣянія».—«Times» послѣ этого съ торжествомъ говорилъ, что «Гладстонъ больше принадлежитъ не Оксфорду, а Англіи». На самомъ же дѣлѣ въ послѣдніе годы мнѣнія избирателей сильно связывали Гладстона въ его дѣятельности и изъ его собственной рѣчи въ Манчестерѣ видно, что хотя ему и было больно оставлять Оксфордъ, но въ концѣ концовъ онъ радовался этому. И теперь когда онъ лишился всякой поддержки клерикаловъ и столбовой аристократіи, ему ничего не оставалось, какъ сильнѣе прежняго опереться на мѣщанство и демократію. Вотъ почему съ этихъ поръ въ воззрѣніяхъ Гладстона совершается уже болѣе быстрая и рѣшительная перемѣна.

Какъ только окончились выборы, Пальмерстонъ умеръ, Россель занялъ его мѣсто въ палатѣ лордовъ, а Гладстонъ сдѣлался въ первый разъ вождемъ палаты общинъ. Теперь все благопріятствовало либераламъ на дѣлѣ доказать странѣ свою готовность провести дѣйствительно серьезныя реформы въ избирательныхъ правахъ. Ну и къ стыду ихъ нужно сказать, что, какъ всегда, мужество и тутъ оставило ихъ въ самую критическую минуту Дж. Россель внесъ рядомъ съ отмѣной *Habeas Corpus* въ Ирландіи такой биль о реформѣ, что во многихъ отношеніяхъ онъ былъ даже умѣреннѣе биля Дизраэли 1859 г. Въ общей сложности избирательное право распространялось на 400.000 новыхъ избирателей, какъ и по проэкту Дизраэли. Защищая этотъ биль, Гладстонъ высказался по вопросу объ избирательномъ правѣ полнѣе, чѣмъ когда-нибудь:

«Напрасно думаютъ многіе, сказалъ онъ,—что надѣленіе правами новыхъ гражданъ, не имѣвшихъ ихъ до сихъ поръ, заключаетъ въ себѣ что-нибудь опасное или вредное... Напротивъ, заинтересуйте этихъ людей въ конституціи страны и въ силу благодѣтельнаго закона природы и Провидѣнія эти новые интересы вызовутъ въ нихъ новыя привязанности, а привязанность народа къ трону, къ учрежденіямъ и законамъ, подъ которыми онъ живетъ, въ концѣ концовъ, дороже

золота и серебра, даже дороже флотовъ и армій, — это и сила, и слава и опора страны».

Въ этой рѣчи въ Гладстонѣ сказался ужс не только либералъ, но и демократъ,—одинъ изъ тѣхъ, которые говорятъ: «Если хотите дать людямъ гражданское воспитаніе, изъ толпы переработать ее въ сознательныхъ участниковъ общественной жизни, — сдѣлайте ихъ отвѣтственными за то, что совершается въ странѣ, — отвѣтственность есть мать гражданской мудрости.

Вотъ почему съ этихъ поръ, т. е. съ 1866 г. начинаетъ расти популярность Гладстона уже среди массы англійскихъ рабочихъ; вотъ почему, какъ только парламентъ, благодаря расколу и трусости тогдашней либеральной партіи, выбранной для пальмерстоновской шуточной политики, отказался принять даже эту жалкую реформу,— Гладстонъ сдѣлался героемъ дня во всей странѣ. Въ день отставки министерства десятитысячная процессія остановилась передъ его домомъ и потребовала, чтобы онъ со всѣмъ своимъ семействомъ вышелъ на балконъ и сказалъ ей нѣсколько ободрительныхъ словъ, поддержалъ надежду на будущее. Вотъ почему наконецъ 3 іюля 1866 года, когда полиція не дозволила процессіи войти въ Гайдъ-Паркъ и по распоряженію торійскаго министра заперла ворота парка, 100.000-я толпа своимъ чудовищнымъ натискомъ повалила огромную чугунную рѣшетку и какъ масса воды, хлынула въ паркъ, гдѣ держала съ достоинствомъ свой митингъ, въ который полиція уже не рѣшилась вмѣшиваться. Но и этимъ дѣло не кончилось. По всей странѣ началось съ удвоенной силой движеніе за реформу. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр. Бирмингамѣ, происходили демонстраціи въ которыхъ принимало участіе до 250 тысячъ человѣкъ. Руководила этимъ движеніемъ большею частью «Лига реформы», гордившаяся присутствіемъ въ числѣ своихъ членовъ и ораторовъ Дж. Ст. Миля и Дж. Брайта; по рядомъ съ этой лигой были и другія болѣе крайнія теченія, которыя тогда уже говорили объ націонализаціи земель и о контролѣ общества надъ отношеніями труда и капитала рядомъ со всеобщей подачей голосовъ.

Подъ давленіемъ всего этого Дизраэли приступилъ ко второй болѣе удачной операціи надъ своею «обученной» партіей. Однако ему самому при этомъ пришлось долго играть роль клоуна, кувыркающагося по командѣ и къ удовольствію парламентской публики, т. е. либеральной партіи. Внесенный имъ снова проэктъ реформы ничѣмъ не уступалъ либеральному билю Росселя, а послѣ много-

численныхъ поправокъ, продиктованныхъ ему Гладстономъ, оказался далеко болѣе смѣлымъ, чѣмъ его предшественникъ. Но зато при третьемъ чтеніи терпѣніе его собственной партіи опять лопнуло и поднялся бунтъ противъ своего политическаго берейтора. Одинъ извѣстный тори напр. заявилъ, что онъ далѣе не намѣренъ слѣдовать этой «азіатской мистеріи», на что «Дизи» отвѣтилъ, не долго думая, что онъ очень радъ слышать такія «батавскія любезности» отъ своего партизана. Или напр. будущій преемникъ его, маркизъ Салисбюри,—выразился еще рѣзче. «Я протестую, сказалъ онъ,—самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ политической нравственности, на которой основаны маневры нынѣшней сессіи. И если вамъ будетъ угодно заимствовать свою политическую этику отъ политическаго авторитета, вы можете быть увѣрены, что ваши представительныя учрежденія будутъ растоптаны вашими собственными ногами!» Въ дѣйствительности была получена реформа, дающая право голоса всѣмъ домохозяевамъ (т. е. нанимающимъ цѣлую квартиру, а по англійски «домъ») и даже многимъ постояльцамъ.

Наконецъ весной 1868 г. Гладстонъ предложилъ палатѣ резолюцію объ отмѣнѣ ирландской государственной церкви. Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ какъ англичане господствуютъ въ Ирландіи, $^{9}/_{10}$ населенія которой католики, англиканская (протестантская) церковь была тамъ государственной, т. е. поддерживалась на средства государства, собираемыя со всего населенія Ирландіи. Тогда какъ католическая церковь, съ тѣхъ поръ какъ прекратились религіозныя гоненія, лишь терпѣлась англійскимъ правительствомъ. Это неравенство, эта вопіющая несправедливость, оскорблявшая не только гражданскія, но и религіозныя чувства населенія, всегда тормазили всякое разумное начинаніе, затемняя его религіозной рознью и приводя въ концѣ концовъ къ междуусобію. Гладстонъ, какъ государственный человѣкъ, который въ это время уже перевѣшивалъ въ немъ Гладстона-клерикала, понималъ что прежде чѣмъ начинать какія-нибудь гражданскія реформы, необходимо расчистить для нихъ дорогу. Этотъ смыслъ и имѣли его резолюціи. Онъ предлагалъ всѣ вѣроисповѣданія въ Ирландіи безъ различія лишить государственныхъ субсидій и имуществъ, полученныхъ ими отъ государства съ тѣмъ, чтобы они поддерживались на добровольныя приношенія прихожанъ. Съ другой стороны всѣ личные интересы теперешняго духовенства должны быть вознаграждены пожизненно изъ церковнаго имущества. При

этомъ Гладстонъ-клерикалъ разсуждалъ такимъ образомъ: церковь, какъ необходимая духовная руководительница гражданъ требуетъ для своего поддержанія нѣкоторой доли національнаго имущества, если она исполняетъ назначеніе, т. е. руководитъ духовно; если же нѣтъ, какъ и было въ Ирландіи, ея право на національный бюджетъ падаетъ. А съ другой стороны, какъ можетъ быть провозвѣстницей истины, добра и справедливости церковь, которой существованіе строится на насиліи чужой совѣсти.

Въ парламентѣ эти резолюціи получили большинство 65 голосовъ и министерство должно бы было подать въ отставку, но «Дизи» ухитрился всякими изворотами продержаться во власти еще нѣсколько мѣсяцевъ, до осени, когда и были объявлены новые выборы по новымъ правиламъ. Гладстону опять пришлось бѣжать изъ своего округа въ Южномъ Манчестерѣ и Ливерпулѣ; какъ черезъчуръ протестантскаго, не умѣющаго переварить уничтоженіе протестантской государственной церкви. Тѣмъ не менѣе выборы велись на почвѣ этого вопроса и въ новомъ парламентѣ за него оказалось большинство 115 голосовъ, т.е. почти вдвое больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ. Гладстонъ былъ выбранъ съ энтузіазмомъ въ Гринничѣ, почти чисто рабочемъ и демократическомъ округѣ. Самъ онъ въ этой борьбѣ принималъ дѣятельнѣйшее участіе. Въ это же время Гладстонъ выпустилъ свою брошюру: «Глава изъ автобіографіи», въ которой объяснялось, почему онъ перемѣнилъ свои взгляды на государственную церковь, и объяснялось вполнѣ удовлетворительно для тѣхъ, кто былъ склоненъ понимать возможность измѣненія подобныхъ взглядовъ.

Такимъ образомъ Гладстонъ былъ опять на своемъ мѣстѣ вождемъ палаты, и на этотъ разъ уже первымъ министромъ.

X.

Геройское законодательство.

Никогда еще за всю политическую карьеру Гладстона ему не приходилось дѣйствовать при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ какъ теперь. Самый парламентъ былъ выбранъ нарочито для проведенія смѣлыхъ реформъ Гладстона и своимъ большинствомъ 115 голосовъ за самую щекотливую изъ нихъ несомнѣнно указывалъ, какъ страна относилась къ грядущимъ перемѣнамъ. Весь

кабинетъ былъ подобранъ изъ самыхъ способныхъ и искреннихъ людей либеральной и радикальной партіи и какъ нельзя лучше отвѣчалъ своему назначенію. Наконецъ самъ ихъ шефъ только что освободился отъ стѣснявшихъ его обстоятельствъ и людей и въ первый разъ взялъ на свои плечи отвѣтственность за всю государственную машину. Наступала золотая пора либерализма въ Англіи; вся партія, какъ одна плотная колонна, съ вѣрой въ успѣхъ слѣдовала за своимъ блестящимъ вождемъ.

Между тѣмъ изъ Ирландіи поднимался дикій взрывъ протестантскаго фанатизма, распространился въ Англію и захватилъ собою почти всю консервативную партію и большую часть духовенства. Измѣнникъ передъ королевой, страной и Богомъ, предатель, грабитель, поднимающій руку на достояніе Бога и т. п. эпитеты сыпались со всѣхъ сторонъ. А въ провинціи такъ даже распространялись совершенно невѣроятные и таинственные слухи вродѣ того, что Гладстонъ одержимъ дьяволомъ и пылаетъ непримиримой враждой къ церкви; что онъ рѣшился ограбить самого Бога и такимъ образомъ потрясетъ міръ еще небывалымъ и величайшимъ грѣхомъ.

Наконецъ въ мартѣ 1869 г. былъ внесенъ биль. Гладстонъ въ своей трехчасовой рѣчи доказывалъ, что протестантская церковь отъ этой мѣры не только нисколько не пострадаетъ, но прямо выиграетъ, а въ цѣломъ новый законъ успокоитъ умы въ Ирландіи. (Это было какъ разъ послѣ двухъ феніанскихъ отчаянныхъ дѣлъ—взрыва стѣны въ Клярненуэльской тюрьмѣ въ Лондонѣ и побѣга нѣсколькихъ феніевъ изъ тюремной кареты, соединеннаго съ убійствомъ тюремщика).

Несмотря на сопротивленіе лордовъ, тори и духовенства, биль сдѣлался закономъ. По словамъ Гладстона, Ирландію омрачали три вѣтви одного и того же дерева: государственная церковь, система землевладѣнія и народнаго образованія. Первая была только что срублена; теперь оставалось приняться за другія двѣ, чего и требовало общественное мнѣніе Ирландіи.

И дѣйствительно положеніе ирландскихъ крестьянъ было до невозможности дурно. Своей земли они не имѣли, а должны были уже издавна арендовать ее у помѣщиковъ, но при этомъ ихъ положеніе было самое необезпеченное: все, что арендаторъ ни дѣлалъ—постройки, расчистки земли отъ кустарника или камней, осушка болотъ и т. д.—все это принадлежало ему только до тѣхъ поръ, пока земля была за нимъ. Но въ томъ то и дѣло, что землевладѣлецъ былъ воленъ прекратить его аренду почти во всякое время, подъ

разными предлогами, хотя бы просто для того, чтобы завладѣть улучшеніями этого арендатора и сдать ферму другому за двойную цѣну. И такихъ случаевъ въ дѣйствительности было очень не мало; а еще чаще землевладѣльцы пользовались этимъ своимъ правомъ для того чтобы повышать аренду подъ страхомъ изгнанія. Нечего и говорить, что такая система давала помѣщикамъ власть облагать налогомъ трудолюбіе крестьянина и потому дѣйствовала на его энергію и на состояніе его хозяйства самымъ разлагающимъ образомъ.

Въ одномъ Ольстерѣ, т. е. сѣверной провинціи, населенной протестантами, существовалъ обычай, по которому всѣ улучшенія, пока арендаторъ не извлекъ изъ нихъ возможной выгоды, считались его собственностью, за которую при изгнаніи онъ имѣлъ право требовать съ землевладѣльца денежное вознагражденіе, а при передачѣ фермы другому арендатору—продавать ему это свое право.

Вотъ этотъ-то ольстерскій обычай Гладстонъ теперь и предложилъ узаконить для всей Ирландіи. Для оцѣнки улучшеній предполагалось установить извѣстныя правила, которыя могъ бы примѣнять всякій судья. Такая земельная реформа, по мнѣнію Гладстона, должна была прежде всего упрочить положеніе крестьянъ на землѣ, а косвенно «лишить феніанизмъ его жала». 1-го августа поземельный актъ Гладстона уже сдѣлался закономъ.

Почти въ одно время съ послѣднимъ, всего двумя днями позднѣе товарищемъ Гладстона, министромъ народнаго образованія Форстеромъ, былъ внесенъ въ парламентъ законопроэктъ о реформѣ народнаго образованія въ Англіи и Уэльсѣ.

Проэктъ Форстера состоялъ въ томъ, что плательщики налоговъ во всякомъ округѣ, въ случаѣ недостатка въ школахъ имѣютъ право выбрать изъ себя школьный комитетъ, съ правомъ облагать жителей особымъ налогомъ, устраивать школы и проч. Для надзора за учебною частью назначались особые инспектора. Всѣ родители дѣтей отъ 5 до 13 лѣтняго возраста обязаны были посылать ихъ въ школу подъ страхомъ штрафа до 5 шил. Преподаваніе Закона Божьяго предоставлялись родителямъ и духовенству различныхъ вѣроисповѣданій внѣ обыкновенной начальной школы. Такимъ образомъ дѣти, родители которыхъ принадлежали къ различнымъ церквамъ, могли учиться въ одной и той же школѣ.

Проэктъ этотъ прошелъ и теперешняя система англійскаго обязательнаго и свѣтскаго народнаго образованія есть его осуществленіе. Но для этого министерству пришлось сдѣлать нѣкоторыя

уступки оппозиціи въ ущербъ диссентерамъ, вслѣдствіе чего они при слѣдующихъ выборахъ отказались поддерживать либеральную партію. Это былъ второй подводный камень, который нажилъ себѣ своими реформами гладстоновскій кабинетъ, если ненависть къ нему протестантскаго духовенства по поводу церковной реформы считать первымъ. Скоро не стало дѣло и за третьимъ.

Гладстоновскій военный министръ Кордуэлъ задумалъ цѣлый рядъ реформъ въ арміи, изъ которыхъ нѣкоторыя второстепенныя были уже проведены, а теперь (1870 г.) на очереди стояла отмѣна покупки мѣстъ въ арміи. До сихъ поръ въ Англіи всѣ высшіе военные посты могли получать только люди богатые и конечно главнымъ образомъ аристократія, потому что они продавались: командованіе полкомъ стоило напр. что то около 100—150 тысячъ рублей. И каждый изъ нихъ смотрѣлъ на свое мѣсто, какъ на свою собственность, которой никто не можетъ лишить его. Словомъ вся военная служба была построена на чисто аристократическомъ началѣ и составляла привиллегію одного класса.

Министерство Гладстона предложило отнынѣ мѣстъ не продавать, а замѣнить продажу экзаменомъ и выслугою, причемъ впрочемъ всѣ купившіе уже мѣста при выходѣ въ отставку должны получить рыночную цѣну своего мѣста отъ правительства. Нѣтъ конечно ничего удивительнаго, что всѣ высшіе чины арміи и вся аристократія поднялись противъ этой мѣры, какъ одинъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе въ палатѣ общинъ биль прошелъ, а лорды наотрѣзъ отказались его утвердить. Отсюда возникло второе столкновеніе Гладстона съ наслѣдственной палатой. Всѣ ожидали, что онъ будетъ выжидать время, а потомъ начнетъ опять и опять вносить свой проэктъ. Какъ вдругъ въ оффиціальной «Лондонской Газетѣ» появляется королевскій приказъ—отнынѣ никого не назначать на высшія военныя должности за плату, а только по экзамену и за выслугу. Гладстонъ открылъ, что продажа мѣстъ была установлена не парламентскимъ, а простымъ королевскимъ декретомъ. Формально онъ былъ конечно правъ, но съ точки зрѣнія установившагося обычая это былъ очень смѣлый, почти диктаторскій шагъ, который обошелся ему очень дорого. Противъ него возстали не только лорды и оппозиціи, но и очень многіе изъ его сторонниковъ, видѣвшихъ въ этомъ посягательство на независимость парламента.

Таковы были главныя мѣры, проведенныя въ этотъ блестящій періодъ прогрессивныхъ реформъ, не говоря о массѣ второстепенныхъ улучшеній, сдѣланныхъ преимущественно втеченіи 1870 и

1871 г. Но какъ уже было замѣчено выше, почти каждая изъ этихъ мѣръ затрогивала чьи-нибудь интересы, кого-нибудь возстановляла противъ министерства. Такъ что въ результатѣ, послѣ трехъ или четырехлѣтней лихорадочной реформаторской дѣятельности оно увидѣло себя окруженнымъ недоброжелателями и прямыми врагами вмѣсто прежней сплоченной колонны партизановъ.

Но и помимо реформаторскаго законодательства въ иностранной политикѣ накопилось не мало дѣлъ, сильно повредившихъ Гладстону въ глазахъ его согражданъ. Международная политика какъ всегда оказалась самымъ слабымъ его мѣстомъ. Въ 1871 г. вспыхнула война между Франціей и Германіей, въ которой Гладстону съ нѣкоторымъ усиліемъ удалось сохранить нейтралитетъ. Но когда Россія, воспользовавшись этой войной, отказалась отъ дальнѣйшаго исполненія стѣснительныхъ для нея условій Парижскаго трактата, Гладстонъ счелъ невозможнымъ противиться въ одиночку этому требованію и согласился на созваніе въ Лондонѣ международной конференціи, которая и освободила Россію отъ нейтральности Чернаго моря и запрещенія входить въ Босфоръ.

Для враговъ Гладстона этотъ случай послужилъ хорошимъ поводомъ къ нападкамъ на него за недостаточно патріотическую политику, особенно припоминая его прежнія заявленія о ненужности ограничивать Россію на Черномъ морѣ. И это обвиненіе также не мало повредило Гладстону. Какихъ-бы мнѣній англичанинъ ни держался, но отказаться отъ роли цербера въ международныхъ отношеніяхъ ему очень трудно, и онъ при первомъ же удобномъ случаѣ покажетъ зубы и когти.

Но еще гораздо болѣе серьезный камень для Гладстоновскаго кабинета 1868 г. лежалъ въ дѣлѣ о крейсерѣ *Алабамъ*. Американцы доказали уже давно, что во время гражданской войны съ верфей Англіи были спущены 5 вольныхъ крейсеровъ для южанъ; что во время ихъ постройки американскій посланникъ обращалъ вниманіе Пальмерстоновскаго правительства на эти суда и просилъ ихъ задержать. Тѣмъ не менѣе они были не только выпущены, но нѣкоторые изъ нихъ даже снабжены англійскими офицерами и экипажемъ. Эти крейсеры втеченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ нанесли торговлѣ сѣверянъ огромный вредъ, и теперь Соединенные Штаты требовали вознагражденій за убытки въ 100 мил. рублей. Послѣ долгихъ переговоровъ и совѣщаній рѣшено было отдать это дѣло на рѣшеніе третейскаго суда изъ представителей незаинтересованныхъ державъ, какъ Италія, Швейцарія и Бразилія. Такой третейскій

судъ собрался въ Женевѣ лѣтомъ 1872 г. съ участіемъ представителей Англіи и Соед. Штатовъ и приговорилъ первую къ уплатѣ 32 мил. рублей.

Когда это рѣшеніе было опубликовано въ Англіи, негодованію общественнаго мнѣнія не было границъ: самые серьезные люди кричали, что правительство не должно подчиняться такому возмутительному рѣшенію суда. Но это конечно былъ лишь первый порывъ, и когда онъ смѣнился сознаніемъ неизбѣжности подчиниться, вся накопившаяся горечь конечно была вылита на виновниковъ выпуска крейсеровъ и разбирательства этого дѣла путемъ третейскаго суда. А это былъ опять таки Гладстонъ, который одинъ участвовалъ въ министерствѣ Пальмерстона 1859 г. и теперь придумалъ поручить рѣшеніе дѣла третейскому суду. Послѣдняя мѣра составляла очень важное и смѣлое нововведеніе въ международной политикѣ, вполнѣ достойное Гладстона, но только въ данный моментъ она разрѣшилась не прогрессивнымъ толчкомъ общественной мысли впередъ, а наоборотъ сигналомъ къ усиленной реакціи. Всѣ обѣщанныя и проведенныя уже Гладстономъ реформы и нововведенія начали казаться людямъ прекрасными только на словахъ, пустой болтовней, которая приводитъ лишь къ позору и разочарованію.

Популярость Гладстона очевидно начала клониться къ упадку. Несомнѣннымъ признакомъ этого явилась попытка нѣкоторой части его гринвичскихъ избирателей устроить внушительную демонстрацію въ Бланхизѣ съ цѣлью потребовать отъ него выхода въ отставку. Этого было достаточно, чтобы пробудить въ 60-лѣтнемъ Гладстонѣ всю его громадную энергію и заставить схватить быка прямо за рога. Такъ онъ и сдѣлалъ. Онъ явился на эту демонстрацію и встрѣтилъ лицомъ къ лицу 20.000-ную толпу своихъ недовольныхъ избирателей длинною и совершенно парламентскою рѣчью, въ которой защищалъ шагъ за шагомъ всю свою политику послѣднихъ лѣтъ. Въ началѣ рядомъ съ оглушительными аплодисментами его встрѣчали очень серьезныя рычанья, свистъ и крики; а затѣмъ, когда спокойный и рѣшительный ораторъ, прямо идущій на встрѣчу народному обвиненію, овладѣлъ умами слушателей, увлекши ихъ своею логикой, а еще больше своею искренностью и прямотой,—число протестующихъ уменьшилось до того, что при окончаніи рѣчи оратору, просившему слушателей высказать свой приговоръ, были сдѣланы такія восторженныя овваціи, которыя достаются только на долю побѣдителей. Да, въ Бланхизѣ Гладстонъ побѣдилъ; но въ глазахъ всей страны онъ отъ этого не выигралъ,—

его вліяніе, чарующая сила его имени и его идей все уменьшались и уменьшались. И когда наконецъ въ 1873 г. онъ внесъ злополучный биль о смѣшанномъ католическомъ и протестантскомъ университетѣ въ Дублинѣ, имъ всѣ остались недовольны, даже сами либералы, и проэктъ провалился, а черезъ два дня кабинетъ рѣшилъ подать въ отставку.

Однакоже, когда королева предложила Дизраэли составить кабинетъ, тотъ отказался это сдѣлать при прежнемъ парламентѣ. Онъ очевидно предпочиталъ пользоваться пораженіями «потухшихъ вулкановъ», какъ онъ называлъ теперь либеральныхъ министровъ, чѣмъ неполными побѣдами своей партіи. Такимъ образомъ Гладстонъ противъ своего желанія и безъ всякой поддержки общественнаго мнѣнія управлялъ страною еще около года. Наконецъ въ январѣ 1874 г., неожиданно для всѣхъ онъ вдругъ рѣшился распустить парламентъ и назначить новые выборы.

Это былъ очень печальный періодъ въ его жизни. Очевидно онъ не могъ найти ни одной общей точки съ общественнымъ мнѣніемъ и страдалъ. Ничѣмъ другимъ нельзя по крайней мѣрѣ объяснить въ этомъ живучемъ и сильномъ старикѣ его тогдашніе разговоры о своемъ удаленіи отъ дѣлъ, о томъ, что ни одинъ премьеръ никогда не дѣлалъ ничего важнаго послѣ 60 лѣтъ. Какъ нарочно въ это же время не стало одного изъ самыхъ преданныхъ и испытанныхъ его друзей—это епископа Вельберфорса. Ихъ дружба началась почти со школьной скамьи и продолжалась до самаго послѣдняго времени. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые всегда умѣли понять Гладстона, при всякихъ обстоятельствахъ и во всякихъ положеніяхъ.

Эта утрата тѣмъ болѣе усилила мрачное настроеніе Гладстона, что къ ней прибавились внутреннія несогласія, подтачивающія всѣ падающія партіи.

Въ этомъ отчасти былъ виноватъ онъ самъ. Про него говорятъ, что онъ прекрасно понимаетъ *человѣка*, но не людей, т. е. реальныхъ, обыкновенныхъ людей съ ихъ слабостями. Въ средѣ собственной партіи, даже собственнаго кабинета его отношенія никогда не идутъ дальше служебныхъ, они до крайности сухи и оффиціальны. Онъ не только не умѣетъ окружать себя той плѣнительной атмосферой любезности и шутки, которой отличаются многіе крупные люди, но наоборотъ часто забываетъ даже быть привѣтливымъ съ крайне нужными людьми для его собственнаго дѣла—и тѣмъ отталкиваетъ ихъ.

Но вотъ настали выборы. и Гладстонъ, вопреки общимъ ожиданіямъ, кинулся въ нихъ съ такимъ жаромъ и самозабвеніемъ, что въ дневникѣ Шафтсбюри стоитъ слѣдующая замѣтка:

«Это что-то совсѣмъ новое. Нужно же въ самомъ дѣлѣ хоть немного имѣть уваженія къ достоинству своего положенія. А онъ бѣгаетъ изъ Гринича въ Бланхизъ, изъ Бланхиза въ Вуличъ, а тамъ въ Нью-Кроси—словомъ всюду, гдѣ найдется пустая бочка, на которую можно взлѣзть и ораторствовать».

И что же? Послѣ всего этого его выбираютъ вторымъ послѣ какого то водочнаго заводчика, а его товарищей по кабинету и совсѣмъ не выбираютъ. Въ виду этого онъ написалъ лорду Гренвилю оффиціальное письмо, слагая съ себя отвѣтственность вождя партіи и почти совсѣмъ удаляясь отъ дѣлъ, отчасти по нездоровью, а отчасти ради какого то «своего особаго дѣла».

Однакоже прежде чѣмъ это рѣшеніе было приведено въ исполненіе, его пришлось нарушить. При какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, но принимать участіе въ церковныхъ и теологическихъ спорахъ онъ считалъ своею нарочитою обязанностью. Или лучше сказать—не могъ устоять отъ соблазна. Въ это время архіепископъ предложилъ проэктъ ограниченія свободы духовенства относительно ритуала въ англиканскихъ церквахъ. Гладстонъ пустился во всѣ тяжкія: говорилъ въ палатѣ, писалъ статьи, велъ переписку и выпустилъ два памфлета. Не будемъ входить въ подробности этого мало интереснаго препирательства. Скажемъ только, что становясь въ прямой антагонизмъ съ католицизмомъ, онъ косвенно очищалъ себя отъ довольно распространеннаго противъ него обвиненія, что онъ тяготѣетъ къ папизму. Возражая архіепископу, онъ защищалъ личную свободу всякаго прихода и всякаго священника.

Такъ прошло два года. Въ это время консервативное правительство проводило довольно важныя мѣры, какъ напр. законъ «объ обществахъ самопомощи» и рабочихъ союзахъ, законъ о разрѣшеніи споровъ между нанимателями и рабочими и т. д. Во всѣхъ этихъ вопросахъ Гладстонъ почти не принималъ участія, а большую часть времени проводилъ въ своемъ имѣніи Говарденѣ среди семьи, погруженный въ тонкости католицизма, ритуализма и т. д., а въ промежуткахъ для отдыха рубилъ деревья въ паркѣ или принималъ случайныхъ посѣтителей и репортеровъ изъ сосѣднихъ городовъ. Въ это же время былъ выпущенъ имъ второй трудъ о Гомерѣ.

Какъ на него самого, такъ и на публику такое удаленіе отъ

дѣлъ имѣло успокаивающее вліяніе. Статьи и брошюры его расходились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и какъ всегда примиряли читателя съ авторомъ за его искренность, прямоту и чуткость. Слѣдить же за дѣятельностью противной партіи, онъ предоставилъ своимъ товарищамъ, сберегая свои силы для болѣе важнаго дѣла, которое и не замедлило скоро явиться.

XI.

Русско-Турецкая война и второе министерство Гладстона.

Еще въ 1875 году Турція напрасно старалась подавить возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ 1876 году Сербія и Черногорія начали открыто готовиться къ войнѣ, между тѣмъ какъ у Турціи ко всѣмъ этимъ такъ сказать внѣшнимъ затрудненіямъ присоединились и внутреннія: она была на краю совершеннаго банкротства; въ Константинополѣ открыли нѣсколько заговоровъ и наконецъ султанъ покончилъ свою жизнь «самоубійствомъ». При этихъ то обстоятельствахъ появляются признаки возстанія въ Болгаріи. Турки поняли, что имъ грозитъ серьезная опасность и приняли крайнія мѣры, пославши усмирять болгаръ отчаянныхъ башибузуковъ, которые надѣлали тамъ ужасныхъ жестокостей: выжгли до 60 деревень, избили до 12,000 людей, не щадя ни пола, не возраста и все ради наведенія паническаго страха на всю страну. Но вышло совсѣмъ другое.

Въ англійскія газеты лѣтомъ 1876 г. проникъ слухъ о звѣрствахъ башибузуковъ и избіеніи христіанъ турками. Въ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ объ этихъ фактахъ, но Дизраэли отговорился незнаніемъ, потомъ недостаткомъ времени и плоскими шутками на счетъ того, что сажаніе на колъ на Востокѣ вовсе не считается жестокостью и т. п. Тогда въ средѣ либеральной партіи появились недовольные медленностью и апатіей маркиза Гартингтона, стоявшаго тогда во главѣ ея. А между тѣмъ парламентъ въ августѣ разошелся, причемъ Дизраэли получилъ титулъ графа Биконсфильдскаго.

Гладстонъ не могъ дольше оставаться спокойнымъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ выпустилъ свою брошюру «Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ», въ которой устанавливалъ правильный взглядъ

на все это дѣло, доказывая что Англія должна не поддерживать и прикрывать турокъ въ ихъ притѣсненіи христіанъ, а заступиться за подавленные народы Балканскаго полуострова и дѣлать это въ согласіи съ Россіею и другими державами, что въ противномъ случаѣ Россія исполнитъ свою миссію одна и пріобрѣтетъ огромное нравственное вліяніе среди Балканскихъ славянъ. Защита слабыхъ народностей и дѣйствія въ согласіи съ другими державами и тутъ оставались краеугольными камнями его политики.

Но какъ ни быстро расходилась изданная брошюра, Гладстонъ ею не ограничился, онъ кинулся въ агитацію со всей силой своего пылкаго темперамента: собиралъ митинги, писалъ статьи, буквально наводнялъ газеты своими письмами, разсылалъ сотни почтовыхъ картъ почти каждый день,—и имѣлъ огромный успѣхъ.— Въ это время англійское правительство отказалось пристать къ рѣшеніямъ Берлинской конференціи Русскаго и Германскаго и Австрійскаго кабинетовъ, а вмѣсто того послало свой флотъ въ Безикскую бухту; его константинопольскій посланникъ отказался принимать мѣры противъ болгарскихъ жестокостей, а спеціально наряженная коммиссія представила очевидно недобросовѣстный и пристрастный отчетъ. Все это дало въ руки Гладстона обильный матеріалъ, чтобы сдѣлать изъ Балканскаго полуострова, то чѣмъ ему когда то послужили неаполитанскія тюрьмы. Вообще можно сказать, что ни въ какой другой періодъ своей дѣятельности Гладстонъ не былъ болѣе популяренъ среди своихъ поклонниковъ и менѣе терпимъ среди своихъ противниковъ: одни считали его спасителемъ страны, ѣздили къ нему на поклоненіе, считали всякое его слово закономъ,—тогда какъ другіе били окна въ его домѣ, рычали на него въ парламентѣ и осмѣивали въ печати. Что же касается до него самого, то онъ едва ли когда-нибудь былъ болѣе вѣренъ самому себѣ, дѣлалъ меньше уступокъ общественному мнѣнію и времени—и не смотря на это, побѣждалъ; его дѣло росло, число друзей увеличивалось.

Всѣ, кого турецкія жестокости возмущали, а они возмущали не однихъ политическихъ партизановъ Гладстона, становились на его сторону. Но далеко не всѣ они были свободны отъ недовѣрія къ Россіи. Въ наступательномъ движеніи русскихъ войскъ въ Средней Азіи, въ посылкѣ волонтеровъ въ Сербію, даже въ самомъ болгарскомъ возстаніи, вызвавшемъ турецкія жестокости,—англійское общество склонно было видѣть русскую интригу. Все это заставляло его невольно ставить вопросъ не такъ, какъ ставилъ его Гладстонъ—

«угнетенные народы или Турція», а какъ ставили его тогдашніе шовинисты, консерваторы, Дизраэли и его друзья—т. е. «Россія или Турція».

Поэтому пока борьба происходила между Сербіей и Турціей, общество было противъ послѣдней, противъ своего правительства и за Гладстона. Но какъ только послѣ отказа Турціи принять протоколъ Лондонской конференціи, требовавшей отъ нея обязаться сдѣлать реформы и прекратить страданія и возмущенія христіанъ, Россія сама объявила войну Турціи,—всѣ эти люди оставили Гладстона и перешли на сторону правительства, считая своею патріотическою обязанностью поддерживать его въ критическія минуты и стараясь удержать отъ вмѣшательства въ войну. Вотъ почему, не смотря на всѣ усилія, Гладстону въ это время не удалось провести въ парламентѣ своихъ резолюцій, требовавшихъ отъ правительства не заступничества, а давленія на Турцію. Но зато несомнѣнно, что война между Англіей и Россіей была отвращена въ значительной степени, благодаря его неутомимой агитаціи въ прессѣ, въ обществѣ, въ народѣ и въ парламентѣ противъ такого оборота дѣлъ. Всѣмъ извѣстно, что стоилъ русскому народу переходъ черезъ Балканы и какъ близка она была послѣ Санъ-Стефанскаго мира отъ новой войны съ Англіей. Во время войны Гладстонъ всегда и вездѣ говорилъ, что пораженіе русскихъ было бы несчастьемъ для всей Европы; а по окончаніи ея онъ утверждалъ, что война Англіи съ Россіей безцѣльна, и если она поведетъ къ возстановленію Турціи, то это будетъ такимъ же, если не большимъ, несчастіемъ.

Наконецъ, когда лордъ Биконсфильдъ и маркизъ Салисбюри съ тріумфомъ возвратились съ берлинскаго конгресса и объявили, что они привезли «миръ съ честью», Гладстонъ опровергъ вторую часть этого заявленія, разоблачивши всѣ нечистыя продѣлки уполномоченныхъ министровъ съ Турціей, Греціей и даже Россіей, и вообще продолжалъ постоянно протестовать противъ шовинистской политики правительства, такъ что когда настали выборы 1880 года, то иностранная политика Дизраэли составляла ихъ программу. Въ этомъ же направленіи дѣйствовала и Афганская война, навязанная странѣ, едва она успѣла избѣжать войны съ Россіей.

Выборы 1880 года были одни изъ самыхъ бурныхъ. Несмотря на усилія прежняго правительства выдвинуть впередъ ирландскія неурядицы, которыя требовали немедленнаго вниманія новаго ка-

бинета, избиратели не хотѣли почти ни о чемъ больше слышать, кромѣ недавней войны и участія въ ней Англіи. Гладстонъ на этотъ разъ ставилъ свою кандидатуру уже не въ Гриничѣ, а въ Мидлотіанѣ, въ Шотландіи, гдѣ его встрѣчали вездѣ съ энтузіазмомъ. Его поѣздка туда и невѣроятное число митинговъ, на которыхъ онъ говорилъ свои пламенныя рѣчи, составляли чуть не одну сплошную тріумфальную процессію. Ему пришлось снова и снова пересматривать весь восточный вопросъ и доказывать всю нелѣпость положенія, занятаго Англіей и всю ненужность этихъ войнъ. Въ результатѣ онъ былъ выбранъ не только въ Шотландіи, но и въ Лидсѣ безъ его личнаго присутствія, гдѣ потомъ вмѣсто отца удовольствовались сыномъ Гладстономъ, Гербертомъ. Вообще же выборы дали либеральной партіи огромное большинство въ палатѣ, и никто не сомнѣвался, что главнымъ виновникомъ этой побѣды былъ Гладстонъ. Поэтому ему же было поручено и составленіе новаго кабинета, въ который и вошли наряду съ умѣренными вигами въ лицѣ Гартингтона, Аргайля и др. радикалы, какъ Брайтъ, Ч. Дилькъ и Чэмберленъ. Радикалы въ первый разъ были представлены въ такомъ большомъ числѣ.

Передъ кабинетомъ стояли двѣ важныя задачи: помочь и успокоить Ирландію и закончить затрудненія на Балканскомъ полуостровѣ. Въ Ирландіи уже съ 1879 г. происходило сильное броженіе: вслѣдствіе ряда неурожайныхъ годовъ крестьянство до того обѣднѣло, что оказалось не въ состояніи платить во время свои ренты. Тогда начались огульныя изгнанія мелкихъ арендаторовъ, съ помѣщичьихъ земель. Цѣлыя тысячи семействъ оставались не только безъ куска хлѣба, но и безъ крова. Началась агитація и была основана М. Девитомъ и Парнелемъ *Земельная Лига*. Тогда еще консервативное правительство хотѣло было запугать движеніе, но лишь раздуло его. И вотъ теперь Гладстону приходилось стать между Ирландіей и парламентомъ и добиться отъ послѣдняго мѣръ, которыя удовлетворяли бы первую. Задача, какъ доказали послѣдствія, почти невозможная. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія въ управленіе новое правительство предложило во-первыхъ расширить въ Ирландіи государственную благотворительность, а во-вторыхъ ограничить власть землевладѣльцевъ изгонять за неплатежъ рентъ. Первая мѣра прошла, а второй мѣры лорды не пропустили. Въ отвѣтъ на это агитація въ Ирландіи усилилась,—совѣтовалось не платить рентъ совсѣмъ. А когда правительство усилило полицію и число войскъ для исполненія закона при взыска-

ніяхъ и изгнаніяхъ, начали практиковать такъ называемое *бойкотированіе* или полное отчужденіе отъ того, кто не поддерживаетъ Лиги и не подчиняется ея распоряженіямъ. Гладстонъ это время заболѣлъ и долженъ былъ уѣхать въ море. Въ 1881 году рѣшено было провести новый поземельный законъ, который существенно улучшилъ бы положеніе ирландскихъ крестьянъ. Но и самъ Гладстонъ и министръ Ирландіи Форстеръ задались цѣлью *предварительно* возстановить въ Ирландіи порядокъ, для чего нужно было провести спеціальный законъ, надѣляющій администрацію особою властью и лишающій страну свободы. Такой мѣрой успѣхъ будущаго поземельнаго акта былъ уже заранѣе поколебленъ, потому что этотъ законъ всѣхъ раздражилъ и никого не устрашилъ, всѣ самые лучшіе и вліятельные люди Ирландіи такимъ образомъ отдавались на произволъ полиціи и естественно возстановлялись противъ англійской власти. Поэтому ирландскіе члены парламента естественно рѣшились сопротивляться проведенію новаго закона всѣми силами. И точно, одно засѣданіе по поводу его длилось 23 часа, а другое $2^1/_2$ дня и двѣ ночи, прежде чѣмъ биль сдѣлался закономъ. Появившійся же наконецъ 7 апрѣля 1881 г. и принятый парламентомъ 22 августа того же года *Поземельный актъ* состоялъ въ томъ, что учреждалась особая поземельная коммиссія, имѣвшая власть назначать справедливыя ренты на 15 лѣтъ, а также помогать крестьянамъ деньгами пріобрѣтать арендуемую землю въ собственность. Но положеніе Ирландіи было не таково, чтобы можно было помириться на этой полумѣрѣ: ирландскіе члены отказались признать ее достаточной и продолжали агитацію. Тогда Форстеръ запретилъ Поземельную Лигу, причемъ арестовалъ ея президента Парнеля и главныхъ вождей движенія. Насталъ періодъ мрачнаго озлобленія, котораго Гладстонъ не могъ долго выносить, и въ маѣ 1882 г. было объявлено, что Форстеръ выходитъ въ отставку, а Парнель и большая часть его друзей освобождаются изъ тюрьмы. На мѣсто же Форстера назначался личный другъ Гладстона и братъ маркиза Гартингтона—Фридрихъ Кавендишъ. Тогда говорили, что Гладстонъ самъ намѣренъ управлять Ирландіей, потому что Кавендишъ хотя и хорошій и образованный человѣкъ—не имѣлъ никакой административной практики. Но не прошло и недѣли, какъ вся Англія была потрясена трагическимъ извѣстіемъ, что новый намѣстникъ Ирландіи вмѣстѣ съ своимъ постояннымъ секретаремъ убиты среди бѣлаго дня въ Дублинскомъ паркѣ замаскированными людьми. Послѣ оказалось, что Кавендиша убили только потому, что

онъ защищалъ своего спутника, противъ котораго собственно и былъ направленъ ударъ. Опять потребовался спеціальный законъ, равняющійся почти военному положенію, а вслѣдъ за нимъ опять нѣкоторая скидка недоимокъ бѣднѣйшимъ арендаторамъ. И только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, положеніе Ирландіи немного улучшилось и тамъ началось болѣе спокойное движеніе въ пользу Гомъ-Руля или мѣстнаго парламента.

Кромѣ этихъ довольно неудачныхъ мѣръ ирландскаго законодательства въ началѣ 1883 г. былъ проведенъ послѣ долгой борьбы съ лордами важный законъ о распространеніи избирательнаго права на домохозяевъ не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, что создавало до 2.000.000 новыхъ избирателей, и чѣмъ, по словамъ самого Гладстона, численное большинство избирателей Великобританіи въ первый разъ перемѣщалось на рабочій классъ, и демократія пріобрѣтала въ Англіи дѣйствительный перевѣсъ. Во-вторыхъ учрежденъ лондонскій муниципальный совѣтъ вмѣсто давно уже отжившихъ свой вѣкъ корпорацій Сити.

Во внѣшней политикѣ этого періода Гладстону принадлежитъ честь мирнаго довершенія рѣшеній Берлинскаго конгресса при помощи международной морской демонстраціи въ Адріатическомъ морѣ, принудившей Турцію отдать Черногоріи Дульчиньо, а Греціи часть ея естественныхъ владѣній. Не такъ успѣшны были другія военныя предпріятія этого кабинета въ Южной Африкѣ съ боэрами, а въ Египтѣ съ народными движеніями и ихъ вождями — Араби и Магди. Въ первомъ случаѣ англійскія войска были три раза разбиты и заслужили себѣ далеко не доблестную славу отъ воинственныхъ голландцевъ. Во второмъ же, руководствуясь опять таки очень растяжимымъ правиломъ защищать народъ отъ деспотизма его собственныхъ вождей, Гладстонъ былъ вовлеченъ въ бѣдственный и неудачный походъ въ Суданскія пустыни для освобожденія генерала Гордона изъ Хартума. И то и другое предпріятія опять много повредили популярности его кабинета и привели его къ отставкѣ въ 1885 году. При этомъ королева предложила Гладстону графскій титулъ, но онъ еще, не собираясь на покой въ палату лордовъ, отъ этой чести благоразумно отказался: хотя при послѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ либеральная партія и осталась въ меньшинствѣ, но положеніе ея было настолько вліятельное, что при первомъ же обѣщаніи Гладстона ирландцамъ Гомъ-Руля они перестали поддерживать консервативное правительство, вслѣдствіе чего оно должно было отказаться отъ власти. Въ январѣ 1886 г. Гладстонъ опять стоялъ во главѣ

правительства, и всѣмъ скоро стало извѣстно, что главной задачей своего управленія на этотъ разъ онъ ставитъ самоуправленіе для Ирландіи и проэктъ государственнаго выкупа крестьянскихъ земель. Гладстонъ пришелъ къ неизбѣжности и совершенной необходимости этихъ двухъ мѣръ путемъ горькаго опыта. Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ удовлетворить и успокоить Ирландію мѣрами англійскаго парламента онъ убѣдился, что это вещь совершенно невозможная и что окончательное замиреніе вѣковой вражды двухъ расъ возможно только на почвѣ освобожденія одной отъ другой въ законодательномъ отношеніи. Или дайте Ирландіи свое законодательное собраніе, или вы безсильны успокоить эту страну. И былъ совершенно правъ. Правда былъ еще одинъ способъ—это новыя репрессаліи, новые спеціальные законы, при помощи какихъ Англія управляла Ирландіею втеченіи цѣлыхъ 600 лѣтъ, но этого ли хотѣла англійская демократія? И что же? Многіе изъ его министровъ, даже радикалы Брайтъ и Чэмберленъ отказались слѣдовать за нимъ. Насколько страна и сама либеральная партія мало были подготовлены къ такому рѣшительному шагу видно изъ того, что не дальше какъ въ 1871 г. Гладстонъ самъ говорилъ въ Абердинѣ: «Неужели какому-нибудь разумному человѣку придетъ въ голову, что мы при теперешнихъ политическихъ условіяхъ пойдемъ на раздробленіе нашихъ учрежденій»... и т. д., а въ 1886 г. онъ же предлагаетъ раздробленіе парламента. Нѣкоторые даже утверждаютъ, что до декабря 1885 г. сторонниковъ этой мѣры въ парламентѣ можно было пересчитать на пальцахъ одной руки. Вотъ почему Гладстону совѣтовали подождать съ ирландскимъ Гомъ-Рулемъ, а внести сначала только резолюцію относительно принципа самоуправленія и затѣмъ агитировать въ пользу него, пока общественное мнѣніе не свыкнется съ этой идеей. Но прежняя осторожность Гладстона очевидно въ это время оставила его,—онъ настоялъ на своемъ, рѣшился слѣпо рисковать и потерпѣлъ лѣтомъ 1885 г. рѣшительное пораженіе. И вотъ съ тѣхъ поръ Ирландіей опять управляетъ «сильная рука» англійскаго полицейскаго и солдата, а Гомъ-Руль ждетъ лучшихъ временъ, преграждая дорогу необходимому законодательству по другимъ вопросамъ и для самой Англіи.

Вся эта исторія ирландскаго законодательства очень поучительна: каждый разъ, какъ Гладстонъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, пытался управлять Ирландіей при помощи закона, не ею самою созданнаго, силою необходимости ему приходилось—по обязанности охранителя порядка—подавлять ее штыкомъ. Отсюда его конечное

заключеніе, что страна можетъ управляться только такимъ закономъ, который созданъ ею самою, а не кѣмъ-нибудь другимъ.

XII.

Личность Гладстона.

Вотъ внѣшняя сторона жизни этого замѣчательнаго человѣка. Уже больше 30 лѣтъ стоитъ его фигура во весь ростъ передъ всѣми его современниками, и все-таки до сихъ поръ трудно найти даже среди свидѣтелей его карьеры твердо установившійся взглядъ на тѣ внутренніе мотивы, которые постоянно двигали его впередъ. Спрашивается, внесъ-ли онъ въ жизнь своихъ соотечественниковъ что-нибудь новое, свое, оригинальное? И да, и нѣтъ. Во всѣхъ своихъ реформахъ, начиная съ освобожденія торговли и до Гомъ-Руля включительно онъ стремился замѣнить аристократическое начало демократическимъ, на мѣсто привиллегіи поставить равноправность, вмѣсто насилія—добровольное согласіе. Но вѣдь это стремленія нашего вѣка, это смыслъ всѣхъ перемѣнъ, совершающихся не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ, скажетъ читатель. Для того чтобы вторить «гласу народа» не нужно быть геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ, а только, что называется, опортюнистомъ. Такъ и говорятъ о Гладстонѣ его враги, видя въ немъ смѣсь Кромвеля съ Гамбеттой.

Но въ томъ-то и дѣло, что Гладстонъ почти никогда не «вторилъ» ничьему гласу, а угадывалъ его прежде, чѣмъ кто-нибудь другой изъ его товарищей законодателей, и умѣлъ искусно оформливать, выливать въ удобопримѣнимую форму закона какъ никто другой. Въ этомъ и состоитъ его политическій талантъ. Истинное же величіе его обнаруживается тамъ, гдѣ, разъ почуявъ «гласъ народа» и придя къ опредѣленному убѣжденію, онъ принимается за осуществленіе этого убѣжденія. Тутъ онъ не щадитъ уже ничего,—ни себя, ни своей партіи, ничьихъ предразсудковъ; тутъ онъ становится энтузіастомъ, вдохновеннымъ ораторомъ, истиннымъ вождемъ и... большею частью побѣдителемъ. Да, знающіе его лично, говорятъ, что онъ вѣритъ въ свое чутье; онъ колеблется, разсуждаетъ, выслушиваетъ возраженія до тѣхъ поръ, пока убѣжденіе въ немъ не оформилось, но не дальше. Вотъ почему его товарищи по

работѣ часто жалуются на его деспотизмъ мысли, на нетерпимость. Это нетерпимость убѣжденнаго энтузіаста, а не упрямаго деспота. Разница повидимому небольшая, но первая строится на творчествѣ, а вторая на умственномъ застоѣ. Можно даже сказать, весь смыслъ того превращенія, которое произошло въ немъ втеченіе всей его жизни, состояло въ томъ, что «гласъ народа» побѣдилъ его. Онъ не поддѣлывался подъ перемѣны, происходившія вокругъ него, а былъ настолько цѣльно связанъ съ этимъ окружающимъ, что его собственныя внутреннія перемѣны соотвѣтствовали перемѣнамъ во внѣ его. Онъ самъ олицетворяетъ собою цѣлую націю и понимаетъ ее въ себѣ. А что же такое политическая геніальность, если не это? Въ немъ есть нѣчто общее съ «героями» Карлейля. На него напр. до сихъ поръ сыплются инсинуаціи за то, что онъ разъ сказалъ, что убѣдился въ совершенной необходимости отмѣны ирландской государственной церкви, когда фенiи взорвали стѣну тюрьмы въ Лондонѣ и совершили побѣгъ съ оружіемъ въ рукахъ въ Манчестерѣ, т. е. послѣ двухъ повидимому очень незначительныхъ и ничего съ церковью общаго неимѣющихъ фактовъ, а для него они были рѣшающими, и послѣдствія доказали, что онъ былъ правъ. Изъ этого впрочемъ вовсе не слѣдуетъ, что Гладстона нужно считать носителемъ и выразителемъ самыхъ передовыхъ идей своего вѣка. Отнюдь нѣтъ. Онъ признаетъ передовыя идеи только тогда, когда онѣ становятся примѣнимыми ко всей націи, а не къ одному слою ея. Но зато когда онѣ дѣлаются осуществимыми, онъ первый берется за нихъ. Гладстонъ представляетъ собою ту среднюю линію, которая въ политикѣ и исторіи образуется изъ сложенія всѣхъ борющихся силъ, но не механическаго сложенія, а творческаго. Онъ былъ самый передовой защитникъ теоріи невмѣшательства въ экономическія отношенія въ кабинетѣ Пиля въ 1846 г.; но онъ же былъ и авторомъ Поземельнаго Ирландскаго акта 1881 г., которымъ учреждалась коммиссія для опредѣленія справедливыхъ рентъ.

Гладстонъ меньше всего рутинеръ и доктриперъ, который цѣпляется за букву теоріи и пренебрегаетъ фактами жизни. Напротивъ, онъ отличается необыкновенной жаждой къ познанію; всегда сознается въ своей некомпетентности по тѣмъ вопросамъ, которыхъ онъ еще не рѣшилъ. Разъ Гладстонъ пересталъ вѣрить въ правоту своего дѣла, онъ уже не можетъ защищать его и послѣ нѣкотораго колебанія, всегда открыто сознается въ своей ошибкѣ. Напримѣръ въ 1882 г., выпуская ирландскихъ патріотовъ изъ

тюрьмы и назначая на мѣсто Форстера своего друга Фр. Кавендиша, онъ открыто сознавался, что избралъ ошибочный путь и теперь рѣшился его оставить. Нѣчто подобное этому случилось по окончаніи неудачной и противной убѣжденіямъ Гладстона Суданской компаніи въ 1885 г.: ни имъ самимъ, ни его товарищами по кабинету не было сдѣлано ровно ничего, чтобы предупредить пораженіе министерства на самомъ пустомъ вопросѣ. Но еще поразительнѣе, что онъ также искрененъ и добросовѣстенъ по отношенію къ врагамъ своей страны. Во время переговоровъ о мирѣ при окончаніи Крымской войны, когда вся Англія была противъ Россіи, онъ доказывалъ, что ограниченіе русскаго вліянія на Черномъ морѣ слишкомъ тяжелое для Россіи требованіе. А въ самый разгаръ войны называлъ продолженіе ея изъ за славы безнравственнымъ, безчеловѣчнымъ и нехристіанскимъ. Относительно слабыхъ государствъ онъ всегда настаивалъ на самомъ мягкомъ отношеніи къ нимъ; національныхъ слабостей англичанъ онъ никогда не щадитъ и прекрасно ихъ знаетъ; *престижъ* для него непонятное слово. За такія крайне христіанскія но совсѣмъ не національно-патріотическія теоріи ему приходилось много разъ страдать и терять даже въ глазахъ своихъ партизановъ; тѣмъ не менѣе онъ никогда не отказывался отъ нихъ ни для какихъ выгодъ партіи или своихъ собственныхъ.

Когда онъ дома въ Говарденѣ, у него такъ же, какъ и на службѣ, не пропадаетъ ни одной минуты: онъ никогда не ложится раньше 11—12 часовъ, а встаетъ и бываетъ готовъ къ завтраку не позже 7—8 часовъ. Но передъ этимъ онъ обязательно каждый день еще долженъ сходить на утреннюю молитву въ свою церковь, по тропинкѣ черезъ поле, какая бы ни была погода и температура. Почти каждый день онъ ходитъ въ свой паркъ съ топоромъ въ рукахъ или валить одно изъ деревьевъ или просто рубить и подчищать вѣтви. При этомъ онъ говоритъ часто, что зарабатываетъ свой обѣдъ. Съ этими упражненіями съ топоромъ въ рукахъ связано множество анекдотовъ; напр. одинъ провинціалъ, пріѣхавшій въ Говарденъ на поклоненіе Гладстону-министру, видитъ въ паркѣ какого-то старика работающаго топоромъ, въ одной фланелевой рубашкѣ, со спущенными подтяжками и обращается къ нему съ какимъ-то банальнымъ замѣчаніемъ о его работѣ или о погодѣ, а потомъ, желая воспользоваться совѣтомъ мѣстнаго человѣка, спрашиваетъ у него, какъ тотъ думаетъ, сможетъ ли онъ увидать сегодня Гладстона, на что лѣсникъ отвѣчаетъ обыкновенно утвердительно

и направляетъ посѣтителя въ наиболѣе удобное для этого мѣсто. Или какой-то извощикъ съ возомъ желѣза проситъ «старину» подсобить ему поднять возъ на гору и потомъ, когда это сдѣлано общими усиліями, предлагаетъ ему поѣхать въ ближайшій кабачокъ выпить кружку пива. Гладстонъ, конечно, отказывается. А когда извощикъ потомъ открываетъ въ кабачкѣ, кто былъ пособлявшій ему «старина» и приходитъ извиняться, Гладстонъ его успокаиваетъ, что никакихъ извиненій не требуется и т. д. Одинъ бѣдный фотографъ, пріѣхавъ въ Говарденъ, выпросилъ позволеніе у Гладстона снять его, какъ онъ есть въ своемъ рабочемъ видѣ дровосѣка, со спущенными подтяжками; и потомъ распродалъ этихъ фотографій уже въ самомъ Говарденѣ пріѣхавшимъ туда поклонникамъ Гладстона на полтораста рублей, а потомъ и на нѣсколько тысячъ.

А то бываютъ и такіе случаи, что напр. одинъ бирмингэмскій столяръ обратился къ Гладстону съ письменной просьбой, чтобы этотъ далъ ему кусокъ срубленнаго имъ самимъ дерева, по случаю женитьбы его сына, которому онъ изъ этого дерева сдѣлаетъ какую-то вещь. При этомъ прибавляется, что онъ столяръ всю свою жизнь былъ истиннымъ либераломъ и т. д.

Но не въ одномъ политическомъ чутьѣ и не въ одной искренности сила Гладстона. Своимъ умѣньемъ работать онъ не находитъ себѣ равнаго. Еще на школьной скамьѣ, редактируя *Eton Miscellany* онъ удивлялъ всѣхъ товарищей своими рабочими способностями. Всѣ его бюджеты всегда были предметомъ удивленія для палаты не только по ихъ финансовымъ достоинствамъ, но и по быстротѣ, съ которой они изготовлялись въ совершенно законченномъ видѣ. Всѣ его литературныя работы выполняются необыкновенно быстро. Въ парламентѣ до глубокой старости онъ пересиживаетъ молодыхъ. Самое обыкновенное его занятіе въ палатѣ во время дебатовъ—писаніе писемъ; только въ очень важныхъ случаяхъ онъ отдаетъ все свое вниманіе тому, что говорится; большей же частью держитъ на колѣняхъ книгу и на ней пишетъ письма,—часто очень длинныя. Но напрасно подумалъ бы какой-нибудь молодой ораторъ, что Гладстонъ его не слышитъ: стоитъ неправильно процитировать слова премьера или исказить его мнѣніе, какъ онъ уже отрицательно качаетъ головой и смотритъ вопросительно черезъ очки на оратора. Его парламентскія рѣчи обыкновенно разработаны до подробностей, что въ соединеніи съ его всегдашней искренностью и принципіальностью дѣлаетъ ихъ такими убѣдительными, какъ ни

чьи изъ извѣстныхъ англійскихъ ораторовъ. Правда, онѣ большей частью страдаютъ многословіемъ, что дѣлаетъ ихъ въ печати неудобочитаемыми, но на трибунѣ, по общему отзыву, нѣтъ болѣе вліятельнаго оратора.

Гладстонъ вовсе не богатъ; замокъ Говарденъ съ своими землями—родовое имѣніе и принадлежитъ его дѣтямъ, хотя онъ можетъ жить въ немъ пожизненно. Такъ что старику Гладстону приходится жить на свою пенсію. Даже гонораръ за его журнальныя статьи составляетъ для него серьезный разсчетъ, такъ какъ конечно журналы платятъ ему не въ примѣръ прочимъ сотрудникамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ объявилъ однажды, что средства не позволяютъ ему вести всю его огромную корреспонденцію въ закрытыхъ письмахъ и потому онъ проситъ своихъ корреспондентовъ извинить его разъ навсегда за почтовыя карты. Съ тѣхъ поръ «Гладстоновскія почтовыя карты» превратились въ стереотипное выраженіе, такъ ихъ много онъ разсылаетъ по всей странѣ. Кто бы ни написалъ къ нему, онъ всѣмъ отвѣчаетъ. Бывали случаи, что къ нему писали школьники, напр. одинъ указалъ ему ошибку въ его текстѣ Гомера,—Гладстонъ сейчасъ же отвѣчаетъ признаніемъ ошибки и т. п.

Популярность Гладстона часто доходитъ просто до смѣшного—иногда, особенно по лѣтамъ, въ Говарденскій паркъ пріѣзжаютъ буквально одна за другой компаніи гуляющихъ по 100, по 200 человѣкъ, которыя всѣ хотятъ видѣть маститаго вождя и слышать отъ него спичъ хоть въ нѣсколько словъ. Такъ что часто приходится на ближайшихъ станціяхъ жел. дороги вывѣшивать объявленія, что послѣ такого-то числа экскурсіи въ паркъ не допускаются, чтобы дать возможность самому владѣльцу гулять, рубить и дышать свѣжимъ воздухомъ безъ опасности быть застигнутымъ сотнями любопытныхъ поклонниковъ. А то было разъ, что экскурсіонисты, въ силу англійской любви къ сувенирамъ, начали отламывать кусочекъ по кусочку камешки отъ стѣнъ замка... Пришлось поставить караульнаго, который показывалъ бы имъ паркъ и замокъ.

Бываютъ у Гладстона и прихоти. Такъ напр. разсказываютъ, что у него есть страсть покупать себѣ шляпы самыхъ разнообразныхъ сортовъ и фасоновъ, доходящая до того, что м-съ Гладстонъ приходится потомъ разсылать ихъ обратно по лавкамъ. Или у него иногда является страсть составлять разныя коллекціи, какъ—китайскаго фарфора или старыхъ брильянтовъ и слоновой кости.

Одна такая коллекція подарена имъ Кенсингтонскому музею въ Лондонѣ. Въ этихъ случаяхъ, какъ и въ заботѣ объ его здоровьѣ, онъ считается невмѣняемымъ и м-съ Гладстонъ исполняетъ роль его самой усердной и аккуратной няньки. Нерѣдко она увозитъ его изъ парламента, чтобы заставить отдохнуть, а то онъ самъ можетъ и совершенно не вспомнить объ этомъ.

Вообще что касается до такихъ мелкихъ чисто личныхъ свойствъ характера, то о нихъ говорить еще преждевременно, потому что всѣ друзья и знакомые стѣсняются писать о нихъ, пока онъ еще живъ. И если мы знаемъ что-нибудь въ этомъ отношеніи, то большею частью изъ дневниковъ двухъ или трехъ его уже умершихъ друзей, которые конечно писали не стѣсняясь.

Остается въ заключеніе сказать объ одной очень важной чертѣ характера Гладстона, которую многіе считаютъ въ немъ самой выдающейся и даже руководящей—это его религіозность. На этомъ напр. построена недавно появившаяся прекрасная, можно сказать во многихъ отношеніяхъ лучшая біографія его, написанная его личнымъ знакомымъ Росселемъ. Несомнѣнно, что Гладстонъ очень религіозный — и искренно религіозный человѣкъ и что онъ принадлежитъ къ извѣстному классу англійскихъ крупныхъ политическихъ дѣятелей изъ духовнаго званія, кардиналовъ и епископовъ. Несомнѣнно, что въ его глазахъ все, что онъ ни дѣлаетъ, такъ или иначе должно имѣть и имѣетъ религіозно-нравственное освященіе; что его всегда безотчетно тянетъ къ дебатамъ и вопросамъ религіознаго характера; что его даже знаменитый нѣмецкій теологъ Дёлингеръ, у котораго онъ жилъ съ недѣлю, считалъ лучшимъ теологомъ въ Англіи, наконецъ, что онъ даже былъ готовъ уже вступить въ духовное званіе по окончаніи университета или лучше сказать Оксфордской Духовной Академіи и попалъ на министерскую скамью парламента вмѣсто архіепископскаго кресла въ Кэнтербюри, только благодаря желанію своего отца. Все это такъ. Но тутъ есть другая сторона.

Онъ никогда не имѣлъ ни на кого сильнаго религіознаго вліянія, а напротивъ самъ находился подъ вліяніемъ болѣе сильнаго религіознаго темперамента Гона-Скотта, и когда послѣдняго не стало, клерикализмъ Гладстона началъ ясно ослабѣвать. Между тѣмъ какъ съ другой стороны онъ имѣлъ громадное политическое и нравственное вліяніе на множество людей, на нѣсколько поколѣній, на всю свою страну, можно сказать, на весь цивилизованный міръ. Что

же это значитъ? Намъ кажется, что объясненіе этому можно найти въ томъ, что Гладстона вдохновляла, будила въ немъ творческія струны не чистая религія, а воплощеніе христіанской нравственности въ общественныхъ учрежденіяхъ и законѣ. «Добродѣтель въ политикѣ», такъ можно коротко выразить то главное, чѣмъ живетъ и движется этотъ человѣкъ, то что онъ больше всего цѣнить въ жизни и на что онъ потратилъ больше всего силъ и времени.

25 Іюля
1892 г.

КОНЕЦЪ.

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса*. Пер. *И. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.

Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге*. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 25 к.

Законы подражанія. *Тарда*. Ц 1 р 50 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединген*а. Ц. 60 коп.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмединген*а. Части 1 и 2-я. Ц. каждой 50 к

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Со многими рис. Ц 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера*. Съ многими рисунками. Ц 1 р

Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р

Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Который часъ? *И. Вавилова*. Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. 2 изд. Ц 40 к.

Записки желудка. Перев. съ 10 анг изд Ц. 50 к.

Физіологія души. *А. Герцена*. Ц 1 р

Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев съ франц Ц 1 р.

Ручной трудъ. *Грифинъ*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к Въ пер.—2 р.

Экстазы человѣка. *И. Мантегацца*. Переводъ съ 5-го итальян изданія Ц 1 р 50 к.

Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Ренъяра*. Съ 110 рис Ц. 1 р 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд (60 рис.) Ц 30 к

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. 2-е изд Съ 100 рис Ц 1 р.

Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Пресса*. Съ 293 рис. Ц 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Нюде*. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

Электр. аккумуляторы. *Ренье*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис Ц. 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 230 рис. Ц 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рис. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Боттона*. Съ крат свѣдѣніями о воздухъ звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина Ц 75 к.

Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли*. Пер съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А Секки*. Перев съ франц. *Ф. Павленкова*. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Дакоста*. 704 стр. съ 43 рис 2-е изд. Ц 2 р

Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера*. Переводъ съ франц Ц. 1 р 50 к

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Съ портретомъ автора и рис 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Соч. *Иверсена*. Съ 43 рис Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье*. Съ 34 рисун Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа. съ 3 рис. Бар. *И. Корфа*. Ц 10 к.

Воздушное садоводство. *И. Жуковскаго*. Съ 73 рис 2-е изд Цѣна 60 коп.

Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства *А Болотовскаго*. Ц 20 к.

Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав *М. Климм*. Пер *И. Корфа*. Ц 75 к.

Гигіена семьи. *Гебера*. Ц 50 к

Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА,

1) **Экстазы человѣка.** *И. Мантегацца*. Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 50 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо*. Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера*. Ц. 1 р. 50 к ; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле*. съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена*. Ц. 1 р.; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли*. 2-е изд. Ц. 1 р ; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера*. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к ; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера*. Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо*. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона*. Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р . 14) **Гигіена семьи.** *Гебера*. Ц. 50 к. 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ начальной механики. *И. Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Практическая геометрія. *А. Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Цѣна 60 к

Курсъ метеорологіи и климатологіи. Профессора Лѣснаго Института. *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рис. и 6-ю картами. Цѣна 2 р.

Общія основы химической технологіи. *В. Селезнева.* Съ 70 рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Полный курсъ физики. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1215 рис., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Цѣна 4 р.

Популярная физика. *А. Гано.* Переводъ съ франц. *Ф. Павленкова,* 3-е изд. Съ 604 рис. Ц. 2 р.

Краткая физика. *М. Герасимова.* Съ 335 рис. и 214 задачами. Цѣна 1 р.

Популярная химія. *Н. Вальберга* и *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 50 рис. Ц. 40 к.

Учебникъ химіи. *Альмединген*а съ 96 рис. Ц. 2 р.

Общепонятная геометрія. *В. Потоцкаго.* Съ 143 фиг. Ц 40 к.

Практическій курсъ физіологіи. *Бурдонъ Сандерсона.* Переводъ д-ра *Фридберга.* Въ 2-хъ томахъ, со многр. рис. 2-е изд. Ц. 3 р.

Методика ариѳметики. *С. Житкова.* Ц. 75 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 40 к.

Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 25 к.

Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. *И. Плетнева.* Съ рис Ц. 30 к.

Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изд., съ 10-ю раскрашенными карт. и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *А. Кузнецова.* 2-е изданіе. Цѣна 1 р.

Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* Съ 800 рис. 12-е изд. Ц. 20 к.

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ". *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Цѣна 15 к.

Родная азбука. *Ф. Павленкова,* 8-е изд., съ 200 рис. Ц. 5 к.

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова,* 11-е изд , 12 стр. 100 рис. Ц. 1 к.

Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) **Къ „Родному слову"** Ушинскаго (400 рис.) 2) **Къ „Азбукѣ Бунакова"** (460 рис.) 3) **Къ „Первой учебной книжкѣ"** Паульсона (430 рис.). 4) **Къ „Русской азбукѣ"** Водовозова (470 рис.). 5) **„Общія наглядно-звуковыя прописи"** (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Ц. каждой книжки 8 к.

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е допол. изд. Ц. 15 к.

Зернышко. *Т. Лубенца.* Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Со многими рис. Ц. 30 к. Вторая книга Ц. 40 к.

Руководство къ „Зернышку" *Лубенца.* Ц. 50 к.

Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.

Церковно-славянскій букварь. *Лубенца.* Ц. 5 к.

Руководство къ „Церковно-славянскому букварю". *Т. Лубенца.* Ц. 15 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубенца.* 11-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. 40 к.

Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.

Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* 15-е изд. съ 200 рис. и порт. Ц. 75 к.

Триста письменныхъ работъ. Для упражненій въ начальной школѣ. *Н. Корфа.* Ц. 15 к.

Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грам правилъ. *Корфа.* Ц. 12 к.

Русскій языкъ. Иллюстрированная хрестоматія *А. Торнавскаго.* (Съ 80 рис и портретами). 4-е изд. Ц. 60 к

Элементарная грамматика русскаго языка. *А. Чуйкова.* 5-е изд. Ц. 50 к.

Начальная рус. грамматика. *Бучинскаго.* Ц. 30 к.

Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя". Ц. 10 к.

Русское слово. *А. Павлова.* Сборникъ образцовыхъ произведеній рус. словесности. Руководство для городскихъ училищъ Ц. 1 р.

Руководство къ „Рус. слову". *Его-же.* Ц. 60 к.

Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.

Сборникъ алгебр. задачъ. *Савицкаго.* Ц.

Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* Съ 96 рис Ц. 50 к.

Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен картъ. Ц. 30 к.

Очерки новѣйшей исторіи. *И. И. Григоровича.* 6-е изд. Съ 57 портретами. Ц. 2 р.

Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Переводъ подъ редакціей проф *И. Мечникова.* 2-е изд. Съ 345 рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к. въ перепл. 1 р. 50 к.

Крат. курсъ ботаники. *Сѣязова.* 118 рис. Ц. 50 к.

Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рисунк. въ текстѣ Ц. 75 к.

Руководство къ рисованію акварелью. *А. Лакассиня.* Съ 120 рис. и 6-ю аквар. Ц. 1 р. 50 к

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) Ручной трудъ. Составилъ *Графинь.* Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—2) **Электрическіе звонки.** *Боттона.* Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ Ц. 1 р.—3) **Руководство къ рисованію акварелью.** *А. Кассиня.* Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) **На всякій случай** *А. Альмединген*а. Научныя-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціею пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части Цѣна каждой 50 коп. 6) **Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** *А. Альмединген*а. Ц. 60 к. и проч.

Книги для дѣтей и юношества.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго романа **40** к. Въ папкѣ **50** к., въ переплетѣ по 6 ром. вмѣстѣ—**3** р. **25** к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 46 рис. Ц. **1** р **25** к., въ папкѣ **1** р. **50** к., въ пер. **2** р.

Дѣтскій маскарадъ. *Азбелева.* Съ 16 рис. Ц. **20** к.

Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *Важиной.* Съ 44 рисунками. Ц. **1** р. Въ папкѣ—**1** р. **25** к. Въ переплетѣ—**1** р. **60** к.

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *В. Буша.* 100 рис. Ц **60** к., въ папкѣ **75** к., въ переплетѣ **1** р. **25** к.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ. Ц. **2** р., въ папкѣ **2** р **50** к, въ переплетѣ **3** р

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лякидэ.* Съ рисунками. Ц. **75** к., въ папкѣ **1** р, въ переплетѣ **1** р. **25** к.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 135 рис Цѣна каждаго въ папкѣ **1** р. **50** к въ переплетѣ **2** р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками 2-е изданіе. Цѣна **1** р., въ папкѣ **1** р. **25** к., въ перепл **1** р. **60** к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. **50** к., въ переплетѣ **2** р.

Послушаемъ! Дѣт разсказы *Нольде.* Съ 28 рис. въ папкѣ **1** р., въ перепл. **1** р **35** к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис) Ц. **1** р. „Объясненіе" къ нимъ **5** к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Ц. **30** к., въ папкѣ **40** к. въ перепл , **60** к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ и др. Ц каждаго романа **40** к., въ папкѣ **50** к., въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ Ц. **2** р. **80** к.

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множествомъ рис. Цѣна **2** р., въ перепл **2** р. **75** коп

Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и проч. Составилъ *В. Обреимовъ.* Ц **40** к.

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ франц. Съ 55 фигурами и таблицами. Ц **1** р въ перепл. **1** р. **75** к.

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 39 кастетами. Ц. **1** р.

Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. *С. Ворисгоферa.* 2-е изд. Съ 73 рис. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к , въ перепл **2** р. **25** к.

Чрезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. *С. Ворисгоферa.* Съ иллюстр. Ц. **2** р въ папкѣ **2** р. **25** к въ перепл. **2** р. **75** к

Сказочная страна. Приключенія двухъ матросовъ. *С. Ворисгоферa.* Съ иллюстр. Ц. **2** р , въ папкѣ **2** р **25** к. въ переплетѣ **2** р. **75** к.

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгоферa.* Съ иллюстраціями. Цѣна **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к , въ переплетѣ **2** р **25** к

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3-е изд Ц. **1** р **25** к. Въ переплетѣ **2** р.

Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рис Ц. **1** р. **25** к. въ папкѣ **1** р **50** к., въ переплетѣ **2** р.

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Пер. подъ редак. *Ф. Павленкова.* 3-е изд., съ 353 рис. Ц. **1** р **50** к , въ переплетѣ—**2** р. **25** к.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Цѣна **1** р. **25** к., въ папкѣ **1** р **50** к., въ переплетѣ **1** р. **75** к.

На землѣ и подъ землей. Сборникъ разсказовъ *Галузьева.* Съ 40 рис. Ц. **1** р. **25** к. въ папкѣ—**1** р. **50** к., въ пер. **2** р.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика *П. Засодимскаго.* Ц. каждой книжкѣ по **35** к.

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 50-ю рис. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к., въ пер. **2** р.

Янки Вологодскаго уѣзда *А. Круглова.* Съ 6 рисун Ц. **25** к.

Незабудки. *А. Круглова.* Съ 50 рис. Ц. **1** р. **50** к. въ папкѣ **1** р. **75** к., въ пер. **2** р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандева.* Съ 67 рис. Ц. **2** р. въ пап. **2** р. **25** к., въ пер. **2** р. **50** к.

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* Съ 52 рис. Ц. **75** к., въ пап. **1** р., въ пер. **1** р. **30** к.

Двадцать біографій образцовыхъ русск. писателей. Сост. *В. Острогорскій.* Съ 20 портретами. Ц. **50** к. Въ папкѣ **75** к. Въ перепл. **1** р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. **6** к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. **10** к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. **4** к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. **3** к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. **4** к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. **2** к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. **3** к.—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис Ц. **2** к.—13) **Черкесы.** Съ 5 рис. Ц. **2** к.—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. **3** к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. **4** к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис Ц. **25** к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. **8** к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. **12** к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. **2** к.—21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. **3** к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. **10** к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. **10** к.—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. **2** к.—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ. Съ 5 рис. Ц. **8** к.—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. **8** к.—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. **8** к.—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. **5** к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. **5** к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис Ц. **7** к

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ: Андерсенъ, **Аристотель**, **Байронъ**, Бальзакъ, Бахъ, Беккаріа (и Бентамъ), **Ф. Бекон**ъ, Бентамъ (и Беккаріа), **Беранже**, Клодъ-Бернаръ, **Берне**, Бернсъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, **Боккачіо**, Бокль, **Бомарше**, **Дж. Бруно**, **Будда** (**Сакіа-Муни**), **Р. Вагнеръ**, Валленштейнъ, Вашингтонъ, Виклефъ, **Л. Винчи**, Вирховъ, Вольта (и Гальвани), Вольтеръ, Гайднъ, **Галилей**, Гальвани (и Вольта), **Гарвей**, **Гарибальди**, **Гаррикъ**, **Гегель**, **Гейне**, **Гете**, **Гладстонъ**, **Говардъ**, Гогартъ, Гракхи, **Григорій VII**, **А. Гумбольдтъ**, **Гусъ**, **Гутенбергъ**, **Гюго**, Дагерръ и Ніэпсъ, **Даламберъ**, **Дантъ**, **Дарвинъ**, Декартъ, **Дефо**, **Дженнеръ**, Дидро, **Диккенсъ**, Жанна Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Канова, Кантъ, **Кальвинъ**, **Карлейль**, **Кеплеръ**, **Колумбъ**, Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій**, **Коперникъ**, Кромвель, Кукъ, **Кювье**, **Лавуазье**, **Лапласъ** (и **Эйлеръ**), Лейбницъ, Лессепсъ, **Лессингъ**, **Ливингстонъ**, **Линкольнъ**, **Линней**, **Лойола**, Локкъ, Лопе-де-Вега, Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, Масе (основатель международной лиги образованія), **Мейерберъ**, Меттернихъ, **Микель-Анджело**, **Милль**, Мильтонъ, Мирабо, **Мицкевичъ**, **Мольеръ**, Мольтке, Монтескье, **Морзе** (и **Эдисонъ**), **Т. Моръ**, **Моцартъ**, Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, **Ньютонъ**, Оуэнъ, **Паскаль**, Пастеръ, Песталоцци, Платонъ, **Прудонъ**, Рабле, **Рафаэль**, Рашель, Рембрандтъ, Рикардо, Риттеръ, Ришилье, Ротшильды Рубенсъ Руссо, Савонарола, **Сакіа-Муни** (**Будда**), **Свифтъ**, Сервантесъ, **В. Скоттъ**, А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, **Стэнли**, Стефенсонъ, Тацитъ, **Теккерей**, Торквемада, **Уаттъ**, **Фарадей**, **Франклинъ**, Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, Фультонъ, **Цвингли**, Цицеронъ, Шекспиръ, **Шиллеръ**, **Шопенгауеръ**, **Шопенъ**, **Эйлеръ** (и **Лапласъ**), **Эдисонъ** (и **Морзе**), **Дж. Эліотъ**, Эразмъ, Ювеналъ, Юлій Цезарь и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Аракчеевъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боткинъ, Бутлеровъ, Булгаринъ и Гречъ, **Бѣлинскій**, Бэръ, Верещагинъ, **Волковъ** (основатель русскаго театра), Воронцовы, **Глинка**, **Гоголь**, Гончаровъ, Грановскій, Грибоѣдовъ, Даргомыжскій, Дашкова, **Демидовы**, Державинъ, **Достоевскій**, Екатерина II, Ивановъ, Иванъ IV, **В. Н. Каразинъ** (основатель харьк. университета), Карамзинъ, Катковъ, С. В. Ковалевская, **Кольцовъ**, Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И. Костомаровъ, **Крамской**. **Крыловъ**, **Лермонтовъ**, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Меньшиковъ, Миклуха-Маклай, Н. Милютинъ, Некрасовъ, Никитинъ, **Никонъ**, **Новиковъ**, Островскій Перовъ, Петръ Великій, Пироговъ, Писемскій, Посошковъ, **Потемкинъ**, **Пржевальскій**, **Пушкинъ**, Радищевъ, **Салтыковъ**, **Сенковскій**, Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій**, Струве, Суворовъ, Сѣровъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Ушинскій, **Фонъ-Визинъ**, Шевченко, Щепкинъ, Ѳедотовъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка**, *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ біографіи которыхъ вышли до 15 іюня 1892 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб., Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 к.**